Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет
имени М.К. Аммосова»

В.Б. Окорокова, Т.Н. Пермякова

ЧЕЛОВЕК И МИР В ПОВЕСТЯХ Н. ЛУГИНОВА

Якутск 2013

УДК 894.387 – 1.09
ББК 89.3 (2Рос=Як)
О51

Рецензенты:

А.Н. Мыреева, д.филол.н., с.н.с. сектора литературоведения ИГИиПМНС СО РАН;

Г.Е. Саввинова, к.филол.н., доцент кафедры языка и культуры ЯГСХА

Окорокова, В.Б.

Человек и мир в повестях Н. Лугинова / В.Б. Окорокова, Т.Н. Пермякова. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2013. – 166 с.

ISBN 978-5-7513-1867-3

В монографии исследуется проблема художественной концепции человека и действительности в раннем творчестве народного писателя РС (Я) Н.А. Лугинова. Авторами монографии рассматриваются особенности художественной концепции писателя в его социально-психологических и философских повестях 70-80-х годов XX века, представляющих его оригинальный стиль и пути его творческого роста. Выявляются мастерство и новаторство Н. Лугинова, его вклад в развитие якутской литературы.

Книга предназначена для студентов-филологов высшего учебного заведения и для всех тех, кто интересуется творчеством писателя и историей якутской литературы.

УДК 894.387 – 1.09
ББК 89.3 (2Рос=Як)

ISBN 978-5-7513-1867-3

© Северо-Восточный федеральный университет, 2013

Оглавление

Введение 4

Глава I. Повести Н. Лугинова в контексте развития якутской прозы 6
1.1. Художественная концепция человека и действительности
в повести 6
1.2. Повести 1970-80-х годов и творчество Н. Лугинова 28

Глава II. Своеобразие художественной концепции человека
и действительности в повестях Н. Лугинова 41
2.1. Система героев и типы проблематики 41
2.2. Общечеловеческие, вечные ценности 67

ГЛАВА Ш. Поэтика художественной концепции человека
и действительности 84
3.1. Особенности повествования и хронотопа 84
3.2. Художественные функции образов-символов и архетипов 109

Заключение 139
Литература 144
Приложение 160

Введение

Интерес к творчеству писателей, внесших огромный вклад в развитие национальной литературы, в частности, и в отечественную литературу, в целом, всегда стоит в центре внимания научных исследований. Прозаик Н.А. Лугинов (1948 г.р.) является крупным, ведущим писателем современной якутской литературы. В 1970-1980-х годах он стал известен как автор повестей: социально-психологических – «Сэргэлээххэ» («На Сергеляхе») (1978), «Нуоралдьыма чараҥар» («Роща Нуоралджыма») (1979), «Таас Тумус» («Таас Тумус») (1980), «Түһүлгэ» («Поединок») (1981), «Үҥкүү» («Танец») (1981), «Оҕонньор мичээрэ» («Улыбка старика») (1984), «Сэбирдэх уута» («Паводок листопада») (1984), «Дьиэлээх киһи» («Дом над речкой») (1986), «Үрдүк арыылар» («Высокие острова») (1986) и философских – «Кустук» («Кустук») (1979), «Суор» («Баллада о черном вороне») (1980), «Сэргэ» («Сэргэ») (1987).

Основной темой повестей писателя стала современная действительность. Н. Лугинов ставит актуальные проблемы современного общества и раскрывает характер человека в момент его душевного кризиса: его главные герои ищут смысл жизни и свое предназначение в ней, проходят испытание обстоятельствами жизни. При этом писатель показывает связь трех поколений рода. Образ мудрого старца здесь гарантирует не только миропорядок, но и продолжение вековых традиций народа в борьбе за выживание в суровых условиях Севера. Писатель представляет свое видение человека и действительности, и его активные поиски в этой области, также своеобразие поэтики выделяют его из современных прозаиков, как активно ищущего, творческого автора.

В повестях реализуется творческий путь Н. Лугинова от начинающего прозаика до писателя-философа. Социально-психологические повести с их философским звучанием в постановке проблемы и изображении характеров подготовили появление в творчестве писателя философских произведений на вечные темы человечества. Философские повести, в свою очередь, сыграли огромную роль в становлении писателя как романиста.

На сегодня Н. Лугинов определяет лицо современной якутской литературы, представляя ее на уровне отечественной и мировой литературы. Своим романом «Чыҥыс хаан ыйааҕынан» («По велению Чингисхана», 1997-2005) писатель стал известен далеко за пределами республики. Его творчеству высокую оценку дали такие крупные ученые и литераторы страны, как В. Бондаренко, В. Ганичев, В. Дементьев, А. Ким, Б. Костюковский, Г. Московская, В. Огрызко, В. Чукреев и др.

В мировой литературе в последнее время идет процесс активизации мифопоэтического мышления. Современная якутская литература также все больше обращается к своим истокам, мифологии, традициям устного народного творчества. В связи с этим усложняется и поэтика произведений современных писателей, в которой осуществляется авторская художественная концепция человека и действительности. Все больше проявляется способность художественного творчества видеть за каждой жизненной коллизией проблемы психологического, нравственного и философского свойств.

Таким образом, все вышеизложенное приводит к заключению о том, что актуализируется монографическое исследование крупного прозаика якутской и отечественной литературы, народного писателя Республики Саха (Якутия) Н.А. Лугинова, усиливается интерес к выявлению самобытности его творчества, вклада в развитие современной литературы.

ГЛАВА I. ПОВЕСТИ Н. ЛУГИНОВА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЯКУТСКОЙ ПРОЗЫ

1.1. Художественная концепция человека и действительности в повести

Повести, как самостоятельному виду эпического жанра, в литературоведческой науке не уделяется столь пристального и широкого внимания, как рассказу и роману, потому специальных исследований по ее теории и истории почти нет. Существующие работы по повести представляют собой в основном историко-типологические исследования, и на данный момент их положения во многом устаревают.

В определении жанра повести ученые испытывают трудности ввиду размытости ее жанровых границ. Порой даже, оказывается, раздаются голоса, призывающие упразднить ее. Как, например, в зарубежной литературе ее не выделяют в особый вид, признавая в повествовательном жанре такие произведения, как новелла, рассказ и роман.

Тем не менее, повесть довольно успешно развивается в отечественной литературе, имеет свою историю становления и развития, а на некоторых этапах истории прозы она выдвигалась даже на первый план в исследовании современной действительности. Повесть прочно укоренилась в системе жанров и имеет свои своеобразные видовые свойства, отличающие ее от рассказа и романа.

Самые четкие границы этапов своего становления и развития повесть имеет в истории русской литературы: «В системе жанров русской литературы повесть дает нам историю самую продолжительную, и, пожалуй, самую привлекательную»[1]. Она имела широкое распространение в устном народном творчестве, где рассказывалось о действительных событиях и людях своего времени. Однако при этом к повести относились все повествовательные жанры. Затем с XV века начали складываться и выделяться более узкие жанры: житийные, религиозные, воинские, светские, историко-летописные повести. Также широко бытовали и переводные повести с восточных и европейских языков.

[1] Утехин Н.П. Жанры эпической прозы. – Л. : Наука, 1982. – С. 3.

Литературная повесть начинает появляться в XVII веке, в которой изображалась жизнь обычного человека в бытовом, авантюрном сюжете – «Повесть о Фроле Скобееве», «Повесть о Карпе Сутулове» и др. С развитием художественной литературы в повествовательных произведениях начинают различаться как самостоятельные жанры: рассказ, новелла и роман. Термином «роман» в европейских литературах изначально обозначались произведения, создаваемые на романских языках. Когда он стал литературоведческим термином, в ретроспективном плане романами начали называться и крупные эпические произведения, созданные намного раньше, в том числе и в античности.

Считается, что повесть в литературе прошла трудные испытания на свое выживание, в защите своих принципов и утверждения своей позиции. В эпоху владычествования поэтических жанров и жестких канонов классицизма, произведения прозы считались низменными, «презренными» жанрами. Своему возрождению повесть обязана сентиментализму, когда проявился интерес к изображению судьбы простого человека и его житейской, любовной истории, которые отображались в крупных эпических произведениях в форме писем. Такой в русской литературе конца XVIII века предстала повесть Н.М. Карамзина «Бедная Лиза».

Дальнейшее и наибольшее развитие повести связано с реализмом, где она развертывается во всей своей полноте. В.Г. Белинский отмечал, что повесть, выдержав суровые испытания и оттеснив поэтические произведения, в XIX век «вступает победителем, деспотическим, своенравным, не терпящим соперничества»[2]. Все известные писатели русской литературы XIX века – Н.В. Гоголь, М.Горький, Ф.М. Достоевский, М.Ю. Лермонтов, А.С. Пушкин, М.Е. Салтыков-Щедрин, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев отдали ей дань, написав свои лучшие произведения.

Как показывает история литературы, повесть стала истинным детищем метода социалистического реализма. В советской литературе 1930-50-х годов из повествовательных жанров самой распространенной была повесть, так как именно она ставила целью показ становления

[2] Белинский В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Полное собрание сочинений. Т. 1 М. : АН СССР, 1953. – С. 272.

личности нового социалистического общества, изменения и перековки характера человека нового времени. В этом плане она занимала лидирующее положение в повествовательных жанрах, и в прозе ее удельный вес был намного больше, чем другие. Поэтому ее количество в литературе не поддается перечислению и подсчету. Особенно распространенной она становилась в детской литературе, так как отвечала требованиям новой литературы о воспитании человека будущего коммунистического общества. Таковы были повести А. Беляева, А. Гайдара, А. Грина, В. Катаева, А. Рыбакова и многих других.

В истории многонациональной советской прозы 1960-80-х годов повесть вновь выходит в авангард литературы: она начинает играть все большую роль, занимая в ней ведущее место. Возрождение жанра связывают со временем «оттепели», когда перед прозаиками открылись новые возможности в освоении действительности и постановки таких проблем общества, как социально-психологические, нравственные, философские. Появились повести Ч. Айтматова, В. Быкова, Р. Гамзатова, М. Карима, В. Распутина, В. Солоухина, В. Шукшина и многих других. При этом повесть всегда становилась предвестницей появления романа и подготавливала почву для рождения крупных эпических полотен.

Хотя повесть имеет свою многолетнюю историю становления и на современном этапе литературы получила свое наивысшее развитие, в литературоведческой науке нет единого мнения в ее определении, как самостоятельного жанра. Как отмечают, жанры вообще «с трудом поддаются систематизации и классификации (в отличие от родов литературы), упорно сопротивляются им»[3]. Такие исследователи, изучающие историю эпического жанра, как М.М. Бахтин, Г.Д. Гачев, В.М. Головко, В.В. Кожинов, Н.П. Утехин, Л.В. Чернец, А.Я. Эсалнек и др., отмечают то, что он всегда в различных эпохах имел свойство возникать, перерождаться, но вместе с тем и сохранять с упорной устойчивостью свои свойства, отличаясь верностью художественным традициям. В истории литературы жанры имеют способность видоизменяться сообразно с эпохой, поэтому Ю.Н. Тынянов утверждал, что в литературе «готовых жанров нет»[4]. Повесть на протяжении своей долгой истории

[3] Хализев В.Е. Теория литературы. – М. : Высшая школа, 1999. – С. 319.

[4] Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М. : Наука, 1977. – С. 279.

также видоизменялась, развивалась в соответствии с эпохой своего бытования.

«Повесть» – исконное, древнерусское слово, происходящее от слова «поведать», «весть о каком-либо событии» («повесть временных лет»). Можно утверждать, что имея такие глубокие корни и истоки своего зарождения, затем продолжительной истории развития. В противовес новелле и роману, повесть в русской литературе является жанром, представляющим ее национальное своеобразие и достояние. Якутская литература в этом плане испытывает типологическое схождение с русской литературой, так как в ней термин «сэһэн» («повесть») представляет собой также исконно якутское слово, означающее дописьменное, устное повествовательное искусство. Термин «сэһэн» существовал намного раньше, чем такие литературные жанры, как новелла и роман в якутской прозе, имеет древнее происхождение и был одним из самых распространенных, излюбленных жанров в устном народном творчестве.

Многовековая литературная практика показала, что существуют жанры с устойчивыми свойствами и традициями, не изменяющимися в течение многих эпох литературы. Такие канонические жанры представляют собой «систему устойчивых и твердых жанровых признаков»[5]. Они более всего присущи поэтическим произведениям. Неканонические жанры, к которым относится и повесть, видоизменяются, обогащаются новыми качествами в каждой вновь зарождающейся жанровой системе.

В определении жанра охватываются все его свойства, как содержательные, так и формальные. Но при этом возникает необходимость в систематизации понятий, иерархий и выделении доминантных признаков в жанре. М.М. Бахтин пишет: «Понять жанр – значит подвести под какую-либо более общую, родовую категорию, а затем охарактеризовать его отличительные свойства, его видовую специфику»[6].

В повести родовые признаки обусловлены ее принадлежностью к эпическому жанру, в котором организующим началом произведения

---

[5] Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М. : Худ. лит., 1975. – С. 452.

[6] Гачев Г.Д., Кожинов, В.В. Содержательность литературных форм // Теория литературы. – М. : Наука, 1964. – С. 20.

является повествование о героях и событиях, содержание раскрывается в сюжете, развертывающемся во времени и пространстве, при этом о событиях рассказывается как о минувших. Эпический род в охвате действительности имеет огромное преимущество перед другими родами: «…может вобрать в себя такое количество характеров, обстоятельств, событий, судеб, деталей, которое недоступно ни другим родам, ни какому-нибудь иному виду искусства. При этом повествовательная форма способствует глубочайшему проникновению во внутренний мир человека»[7]. Человек и действительность в повествовательных жанрах отображаются в многообразии всех их связей и отношений.

Что касается выявления видовых признаков, свойственных только повести, то здесь мнения ученых кардинально расходятся: предпочтение отдается или содержательным, или формальным сторонам произведения, и трудно установить, какие из них находятся в доминантных. Но все же, правы те исследователи, которые на первый план выдвигают принцип объема, повесть считается средним жанром между малым – рассказом и большим – романом. В этом вопросе ломаются копья многих ученых. В литературоведческом словаре говорится: «Повесть – эпический прозаический жанр, «средняя» форма эпической прозы; сопоставляется с романом (большая форма прозы) и новеллой или рассказом (малые формы прозы)»[8]. При этом из поля зрения не выпадает и тот факт, что повесть может быть очень короткой, меньше чем рассказ и слишком длинной, больше чем роман. Например, «самый маленький из романов И.С. Тургенева, «Рудин», имеет объем 131 с. («Дворянское гнездо» несколько больше – 166 с.), а близкие по времени повести Л.Н. Толстого «Казаки» и Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» - примерно по 160 с.» [9]. Но, несмотря на свою зыбкость, принцип объема все же остается первым признаком повествовательных жанров, обращающим к себе внимание читателей и исследователей. Б.В. Томашевский прав в том, что «признак размера – основной в классификации повествовательных произведений – далеко не так малова-

[7] Хализев В.Е. Теория литературы. – М. : Высшая школа, 1999. – С. 299.

[8] Елисеев И.А., Полякова, Л.Г. Словарь литературоведческих терминов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. – С. 320.

[9] Теоретическая поэтика. – М. : РГГУ, 2002. – С. 395.

жен, как это может показаться на первый взгляд. От объема произведения зависит, как автор распорядился фабульным материалом, как он построит свой сюжет, как введет в него свою тематику»[10]. В.Г. Белинский указывал, что «принципиальной разницы между их предметами нет, разница заключается лишь в их объемах»[11]. Он писал: «Есть события, есть случаи, которых, так сказать, не хватило бы на драму, не стало бы на роман, но которые глубоки, которые в одном мгновении сосредотачивают столько жизни, сколько не изжить ее и в века: повесть ловит их и заключает в свои тесные рамки. Ее форма может вместить в себе, что хотите – и легкий очерк нравов, и колкую саркастическую насмешку над человеком и обществом, и глубокое таинство души, и жесткую игру страстей»[12]. Но такое определение больше всего подходит рассказу. Считается также, что В.Г. Белинский под термином «повесть» имел в виду рассказ, так как «термин «рассказ» тогда был неупотребителен и под повестями разумелись рассказы.

Таким образом, объем в определении эпических жанров является их первичным признаком в его различении от других форм и, как параметр охвата действительности, играет немаловажную роль в художественной концепции действительности автора.

Много говорится и о промежуточности жанра повести между рассказом и романом, тяготеющей то к одному, то к другому. Считается, что повесть подготавливает появление романа, в связи с чем она как бы теряет свое самостоятельное значение. В определенной степени повесть, более чем рассказ, связана с романом. Она подготавливает его, переходит и перерастает в него, что подчас некоторые произведения так и не находят своей принадлежности к тому или иному жанру. Например, многие писатели свои повести называли романами и наоборот, в связи с чем часто возникали трудности и в установлении жанровой принадлежности многих эпических произведений.

---

[10] Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М. : Аспект Пресс, 1996. – С. 243.

[11] Абрамович Г.Л. Введение в литературоведение. - М. : Просвещение, 1975. – С. 231.

[12] Белинский В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Полное собрание сочинений. Т. 1 М. : АН СССР, 1953. – С. 271 – 272.

В истории литературы видно, что она действительно подготавливает почву для появления романа. Историко-революционному роману предшествовали социально-бытовые, историко-революционные повести, а социально-психологическому роману – социально-психологические, социально-нравственные, лирические повести. Также типическим явлением в истории литературы стало то, что в своем творчестве многие прозаики проходят путь от рассказа к повести, от повести к роману, считающимся вершинным достижением автора. Но все же, есть прозаики, непришедшие в своем творчестве к роману, оставшиеся в истории литературы авторами рассказов и повестей. Такое явление распространено в любой литературе, показывающее не недостаточность таланта, а особый стиль писателя. Авторами рассказов, признанными талантливыми писателями-рассказчиками в истории прозы остались А.П. Чехов в русской литературе и Н.А. Габышев – в якутской, в силу стилевых своеобразий своего таланта не прошедшие путь от рассказа к роману. «Не удалось создать роман Чехову, несмотря на предпринимаемые попытки ввиду несоответствия его несколько романтизированных, «просветительских» убеждений, стремлению к предельно реалистическому изображению жизни и «адогматичности» мышления. Складывающееся у художника целостное представление о жизни как бы постоянно разрушалось по мере углубления познания ее»[13]. Н. Габышеву роман не поддался также из-за своеобразия стиля писателя: «Лирико-романтический стиль писателя оказался непосильным в освоении романа»[14].

Известно также, что В.М. Шукшин не дописал свой роман. Также Валентина Гаврильева в современной якутской литературе известна как автор повестей. Многие писатели между романами пишут повести, как, например, Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой. Юкагирский писатель Семен Курилов, решив отдохнуть от романа, написал повесть «Увидимся в тундре», которую, исследователи признают продолжением и завершением его романа[15]. Софрон Данилов между работой над своими романами писал много повестей.

---

[13] Утехин Н.П. Жанры эпической прозы. – Л. : Наука, 1982. – С. 12

[14] Окорокова В.Б. Пути развития прозы в литературах народов Якутии. Часть I. Жанровая типология в прозе младописьменных и новописьменных литератур. – Якутск : Изд-во Якутского ун-та, 2001. – 68 с.

[15] Окорокова В.Б. Юкагирский роман. – Якутск: Ситим, 1994. – С. 17.

Таким образом, повесть в какой-то степени подготавливает появление романа в творчестве писателя и в литературе, но при этом сохраняет свое самостоятельное значение. Такое свойство присуще всем малым формам прозы, поэтому М.М. Бахтин говорит о том, что идет процесс романизации всех эпических жанров.

Формальных признаков недостаточно для определения жанра, оно основывается на комплексном восприятии целостности художественного произведения. Основой содержания эпических произведений является событийность. Поэтому исследователи отмечают, что именно этим качеством – способностью объять действительность - различаются между собой виды эпоса. Г.Л. Абрамович считает, что предметом повести является «то или иное сложное общественное явление, раскрытие которого требует ряда эпизодов и большего чем в рассказе, количества действующих лиц»[16]. В.Г. Белинский говорит о том, что повесть является «распавшимся на части, на тысячи частей, романом; главой, вырванной из романа»[17]. Повесть не претендует на всесторонний охват действительности, как роман, и не сосредотачивается на одном событии, как рассказ. Задачей повести является представить систему событий, в которой раскрываются история судьбы и характер главного героя – таково ее главное жанровое содержание. Повесть акцентирует свое внимание на выявлении процесса становления личности и изменения характера. В романе же изображается изменение жизни общества, народа, «он лучше всего выражает тенденции становления нового мира»[18]. Исследователи говорят о двух центрах в романе, где история общества и судьба человека равновелики. А в повести главное внимание сосредотачивается на характере и судьбе отдельного героя, потому этот жанр у читателей пользуется большей популярностью.

«Жанровая содержательность», как определенная установка автора на изображение действительности и обуславливающая ее видовые

---

[16] Абрамович Г.Л. Введение в литературоведение. - М. : Просвещение, 1975. – С. 102.

[17] Белинский В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Полное собрание сочинений. Т. 1 М. : АН СССР, 1953. – С. 271.

[18] Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М. : Худ. лит., 1975. – С. 451.

свойства, выходит на разряд основных доминантных свойств жанра. М.М. Бахтин называет жанр «памятью искусства»[19]. Каждый вид жанра повторяет одни и те же свои свойства, ему «присущи устойчивость, постоянство, повторяемость»[20]. Потому он является «отвердевшим содержанием»[21]. В связи с этим исследователь жанра повести в русской литературе Н.П. Утехин выделяет три способа отображения действительности, воплощающие художественную концепцию писателя. Первый – это рассказ, в котором «может быть запечатлен не только один эпизод из жизни человека, но и вся его жизнь или несколько эпизодов ее, но взята она будет лишь под каким-то определенным углом зрения, в каком-то одном отношении»[22]. А во втором - в повести «исключительный интерес художника может быть сосредоточен на отображении во всей полноте, во всей многогранности внутренних связей какой-то одной из основных частей содержания эпической поэзии»[23]. «В романе же в отличие от повести и рассказа как бы две основы, два центра, сопряжением которых и организуется художественный мир произведения. Изображение человека и изображение среды, окружающей его, имеют в нем одинаково самостоятельное значение»[24]. И потому, что повесть одновременно вбирает в себя черты и рассказа и романа, Н.П. Утехин называет ее «универсальным жанром»[25].

Универсальность повести также можно рассмотреть в ее определенных преимуществах перед романом при отображении человека и действительности. Повесть, как и рассказ, имеет способность проникать во все уголки действительности, отображая ее различные явления, поэтому у нее жанровых разновидностей, особенно в современной литературе, намного больше, чем у романа. Такие жанровые разновидности, как психологические, бытовые, юмористические, сатирические, авантюрные, приключенческие наибольшее свое распространение по-

---

[19] Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М. : Сов. Россия, 1979. – С.142.

[20] Гачев Г.Д., Кожинов, В.В. Содержательность литературных форм // Теория литературы. – М. : Наука, 1964. – С.17.

[21] Там же. – С. 19.

[22] Утехин Н.П. Жанры эпической прозы. – Л. : Наука, 1982. – С. 44.

[23] Там же. – С. 45.

[24] Там же. – С. 45.

[25] Там же. – С. 46.

лучают в повести. Таким образом, в повести больше всех, чем в рассказе и романе, ведутся поиски в расширении границ жанра, и в этом плане новаторство принадлежит ей.

Также повествование в эпических жанрах имеет свои отличительные черты и несет в себе определенные художественные функции. Повесть более субъективна в отображении действительности, чем роман. В романе автор более объективен, его голос более монументален, он вынужден придерживаться действительных, исторических фактов. Автор над романом работает скрупулезно и в течение многих лет. Например, Н. Лугинов в течение одного десятилетия написал более десяти повестей, а над своим романом-трилогией «По велению Чингисхана» работал около двух десятилетий[26]. Авторское начало в романе выявляется, прежде всего, в его работе над фактами действительности. Повесть же быстрее отзывается на события современности, поэтому она более эмоциональна и субъективна. И поэтому повесть более активно включается в художественное исследование жизни и проблем современного общества.

Все исследователи эпических жанров правы в том, что в романе жизнь отображается наиболее полно и во всем своем объеме. Но воплощение автором художественной концепции человека и действительности достигается в любом жанре, независимо от его объема. Например, А.П. Чехов в одном из самых своих маленьких рассказов «Толстый и тонкий» изображает встречу двух друзей детства. Тонкий хвастается тем, как умело он и его семья выживают. Но, узнав, что его друг достиг недосягаемых для него высот, превращается тут же в свою противоположность – в ничтожество: «- Ну, полно! – поморщился толстый. – Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства – к чему тут это чинопочитание. …на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку»[27]. Писатель смеется над лицемерием, чинопочитанием человека, показывает

[26] Васильева Д.Е. О далеком прошлом и настоящем. – Якутск : Бичик, 2008. – С. 88.

[27] Чехов А.П. Рассказы. – М. : Худ. лит., 1951. – С. 7.

чиновника как «маленького» человека, которого жизнь заставляет угождать, терять свое лицо. В рассказе ощутимо передается авторская концепция человека и действительности. Н. Габышев – также известный рассказчик в якутской литературе. Из всей системы его рассказов складывается особый взгляд писателя на мир и человека. Он, в отличие от предыдущих авторов произведений социалистического реализма, создает образ простого человека. В нем автор выделяет одухотворенность, романтичность его души, герои писателя ищут и находят в жизни ее прекрасные стороны.

А.А. Бурцев правомерно считает, что «универсальной эстетической категорией, отражающей особенности как жанрового содержания, так и формы, следует признать идейно-художественную концепцию личности»[28]. Единство, целостность произведению обеспечивает претворенная в ней авторская концепция человека и действительности, это прочный цемент, основание, на котором держится произведение.

В выявлениинии авторского начала в произведении используются такие термины, как мировоззрение, миросозерцание, мироощущение, мировосприятие, видение мира, концепция писателя. Мировоззрение – как более широкое и глубокое понятие, охватывающее все жизненные установки личности на мир, начиная с его политических, теоретических, научных до религиозных взглядов, может лежать в основе его художественной концепции человека и действительности. В литературоведении охват всех этих сторон и установления всего мировоззрения писателя может стать задачей в исследовании его жизни и биографии. Миросозерцание, мироощущение и мировосприятие писателя являются составными частями его художественной концепции действительности: «…для творчества писателя наиболее значимы не его теоретические воззрения, а непосредственно-оценочное отношение к жизни, названное миросозерцанием»[29]. То есть писатель в произведении дает свою трактовку видения мира и по-своему определяет, оценивает его явления, которые основаны на его жизненном опыте. Но исследователи указывают на то, что биографический метод литературоведения в изу-

[28] Бурцев А.А. Английский рассказ конец XIX – начала XX века: Проблемы типологии и поэтики. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1991. – С. 29.

[29] Хализев В.Е. Теория литературы. – М. : Высшая школа, 1999. – С. 59.

чении творчества писателя не является единственным и самодовлеющим в выявлении его художественной концепции. В своем произведении писатель может изобразить совершенно далекие, отличные от своего мироощущения и миросозерцания явления действительности. Видение мира – понятие, тождественное концепции действительности писателя, претворенной им в произведении и являющееся основным результатом художественного исследования жизни, ради чего оно было задумано.

Концептуальность современной литературы, освобожденной от принципов и догматов метода социалистического реализма, развивается на новом уровне, и в ней усиливается процесс индивидуализации творца, возрастание авторского начала и усиления его голоса, что видно во всех сторонах произведений писателей современности. Выражением авторской позиции «является произведение как целое, а не какой-либо аспект его структуры. Приведем два известных определения понятия «автор»: во-первых, это носитель концепции всего произведения, тот, кому принадлежит понимание мира и человека, превышающее возможности любого субъекта речи и носителя точки зрения внутри произведения (тот, который претворяет концепцию человека и действительности в своем произведении – Т.П.); во-вторых, «автор – эстетически деятельный субъект в отличие от субъектов, имеющих жизненные цели»[30].

Считается, что каждый писатель создает свой художественный мир: «мир Толстого», «мир Достоевского», «мир Горького», «мир Чехова» и т.д. Например, когда говорим «мир Толстого», перед нами предстает светское общество начала и середины XIX века, дворянство, князья и графы, офицеры и красавицы, блеск мраморных дворцов, балы, Наташа Ростова и Андрей Болконский, Анна Каренина и Алексей Вронский т.д. В мире, созданном Л.Н. Толстым, живут все его герои. В якутской литературе Софр. Данилов создал незабываемые образы Аласова, Надежды, Наташи, Дайи Тоскиной, Басыкка и др., которых отличают высоконравственные качества характера, борющегося за высокие идеалы общества. Писатель акцентирует свое внимание на исследование

[30] Теоретическая поэтика. – М.: РГГУ, 2002. – С. 259.

социально-нравственных возможностей человека. Романтические герои Н.А. Габышева Татьяна, Кирилл, Костя, Анфиса и др. раскрываются в их возвышенных чувствах, в их отношениях к любви. Писатель испытывает своих героев бытом. «Мир произведения представляет собой систему, так или иначе соотносимую с миром реальным: в него входят люди, с их внешними и внутренними (психологическими) особенностями, события, природа (живая и неживая), вещи, созданные человеком, в нем есть время и пространство»[31]. Якутский литературовед Е.В. Федоров считает: «Большой писатель, развернув собственную оригинальную концепцию в талантливом художественном произведении, может длительно держать под своим влиянием других»[32]. Созданные талантливыми писателями художественные миры определяют своеобразие их стиля и новаторства, вместе с тем оказывая влияние на своих последователей, продолжаются в их творчестве, становятся вечными и живут в сердцах читателей.

Авторская концепция действительности охватывает все формальные и содержательные стороны произведения, она растворяется в объективированных образах, и субъективное маскируется под видом объективности: «Концепция личности – это не столько мысли и представления писателя о человеке, сколько их реальное воплощение, изображение его в развитии, действии, конфликте и становлении»[33].

Таким образом, на содержательном уровне «художественная концепция действительности предполагает: 1) обращенность художника к миру, к жизни; 2) определенный познавательный уровень отношения писателя к жизненному материалу – не только мироощущение или мировосприятие, а именно самостоятельная, оригинальная концепция; 3) активное отношение к действительности»[34]. А на формальном уровне художественная концепция человека и действительности «обнаруживается в результате анализа всей образной системы произведе-

---

[31] Чернец Л.В. Литературные жанры. – М. : МГУ, 1982. – С.192.

[32] Федоров Е.В. Концепция личности в тюркоязычной прозе Сибири. – Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1992. – С. 8.

[33] Федоров Е.В. Концепция личности в тюркоязычной прозе. – Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1992. – С. 8.

[34] Воронов В. Художественная концепция. Из опыта советской прозы 60-80-х годов. – М. : Сов. писатель, 1984. – С. 11 – 12.

ния»[35]. Поэтому исследование художественной концепции писателя предполагает необходимость целостного и всестороннего анализа поэтики всей системы его произведений.

Повесть в якутской литературе также имеет не менее примечательную историю своего развития. Повесть (сэһэн) берет свое начало с традиций устного народного творчества. В якутском фольклоре она была одной из самых распространенных и излюбленных народом произведений. Якутский народ, живший в суровых условиях природы, свои длинные, зимние вечера коротал, заслушиваясь легендами, рассказами о старине. Их содержанием становилось повествование о лучших, известных людях народа, певцах, силачах, красавицах, воинах, вождях и т.д. Бытовали местные, улусные повести, некоторые из которых получали широкое распространение и становились всенародным достоянием. Таковы повести о минувших годах кыргыса (о временах межродовых распрей), о вождях Тыгыне, Легое, силаче Майагатта и др. Позднее социальные повести о Манчаары были на устах всего народа. Существовали и сатирические, юмористические, авантюрные повести о похождениях удалых людей, умельцах, лгунах, ворах, разбойниках и т.д. Якуты любили и уважали старцев, умудренных жизненным опытом и обладающих талантом повествователя, уважительно называли их Сээркээн Сэһэнньит (Искусный Повествователь). На основе сюжетов древних повестей многие якутские писатели создавали свои крупные эпические произведения, повести и романы. Например, в основу сюжетов повестей П.А. Ойунского «Николай Дорогунов – удалец с Лены» (1936), Софр.П. Данилова «Манчаары» (1969), Ф.Ф. Захарова «Омогой баай» (2001), романов И.М. Гоголева «Черный стерх» (1987), Далана «Глухой Вилюй» (1986), «Тыгын Дархан» (1993) и др. легли многие мотивы и сюжеты народных преданий, легенд и повестей.

«Воспоминания» А.Я Уваровского (1849) – первый литературный памятник якутской письменности и литературы, являющийся также первым опытом эпического жанра в якутской литературе. А.Я. Уваровский по просьбе исследователя якутского языка О.Н. Бетлинга рассказал и написал события о своей личной жизни в контексте действительности первой половины XIX века. Н.Н. Тобуроков считает, что на про-

[35] Там же. – С. 97.

изведение А.Я. Уваровского сыграло знание им традиций устного повествования якутского народа и вместе с тем в нем заложены ростки и черты эпического жанра литературы – автобиографизм, повествование от лица автора, лирические отступления, поэтические зарисовки и т.д.

В начале литературного процесса в якутской литературе была сильна поэзия, представленная творчеством таких крупных талантливых поэтов, как А.Е. Кулаковский, А.И. Софронов-Алампа, П.А. Ойунский, Кюндэ, Элляй, Кюннюк Урастыров и др. Поэзия долго и безраздельно господствовала в якутской литературе в течение 1910-40-х годов. Художественная проза начинает появляться и развиваться намного позднее, так как для обеспечения ее полного развертывания нужно было, чтобы развивались письменность, печать, издательское дело и др. Первые рассказы К.О. Гаврилова и А.И. Софронова были опубликованы в 1912-13 годах в первых якутских газетах, журналах «Якутский край», «Саха саҥата». Особенно интенсивным стало развитие якутской прозы после революции в советской литературе. А.И. Софронов обосновал первый литературно-художественный журнал «Чолбон» в 1926 г., в котором регулярно начали печататься произведения якутских поэтов и прозаиков. Многие первые рассказы увидели свет именно в нем, среди которых были рассказы А.И. Софронова, Н.Д. Неустроева, Кюндэ, П.А. Ойунского, написанные ими немного ранее. Журнал стимулировал творчество молодых авторов, на его страницах появились рассказы начинающих прозаиков – Амма Аччыгыйа, Суорун Омоллоона, Эрилик Эристина, Н.М. Тюгюннюрова и др.

Якутская проза в своем становлении проходит путь от рассказа к повести, от повести к роману, который охватывает 1920-40-ые годы. Такой путь прозы начался в рассказах А.И. Софронова, Н.Д. Неустроева, Кюндэ, П.А. Ойунского, Амма Аччыгыйа, Эрилик Эристина, Суорун Омоллоона в 1920-х годах, затем продолжился в повестях П.А. Ойунского, Эрилик Эристина, Амма Аччыгыйа и завершился в первых якутских романах – «Молодежь Марыкчана» (1942) Эрилик Эристина и «Весенняя пора» (1944) Амма Аччыгыйа. Такой темп развития якутской прозы был назван «ускоренным развитием» национальной литературы[36]. Первый этап становления прозы от рассказа к

[36] Прокопьев Ю.Н. От рассказа к роману. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1968. – 207с.

роману свою наибольшую реализацию нашел в творчестве Амма Аччыгыйа, Эрилик Эристина. В 1920-х годах они написали рассказы, в 1930-х годах – повести, в 1940-х – романы. Такой путь развития прозы повторялся и на других этапах истории якутской литературы, например, в творчестве А.И. Федорова, С.П. Данилова, Н.А. Габышева в 1950-60-х годах и в творчестве П.Д. Аввакумова, Е.П. Неймохова, В.Н. Титова, Э.Д. Соколова, Н.А. Лугинова в 1980-90-х годах.

В 1928 году якутские литераторы встретились с М.Горьким, который при беседе с ними заметил, что в якутской литературе на должном, высоком уровне развивается поэзия, а проза, наоборот, отстает, находясь в зачаточном состоянии. В связи с чем, он поставил перед якутскими писателями задачу завоевания крупных эпических жанров, повести и романа37. Якутские литераторы считали своим долгом завоевать крупные эпические жанры, тому способствовала и новая действительность с ее глобальными событиями, поставляющая материал для эпики, и сама советская литература, ставившая задачи освоения героического времени и изображения рождения характера нового человека.

Путь якутской прозы к крупному жанру наметился с конца 1920-х годов, когда появились первые переходные произведения. Рассказ Г.Д. Бястинова «Пелагея» (1923-1930) со своим крупным для рассказа объемом, предрасположенностью к описательности, растяженностью сюжета и, главное, изображением истории жизни главного героя тяготеет к повести. Но в нем еще нет показа становления и развития характера, как не было и творческого опыта у начинающего писателя. Рассказ Эрилик Эристина «Иван-душа» (1934) стал поворотным в творчестве крупного прозаика. В нем автор также показывает судьбу «маленького» человека, который становится человеком нового общества. Но автором не дается сам процесс становления его характера. В одном эпизоде произведения он униженный богачом, задавленный обстоятельствами человек, в другом – он уже предстает борцом за новую жизнь. Историю характера и судьбу человека попытался показать и Н.М. Тюгюннюров в своем рассказе «Неудавшаяся жизнь» (1928). В повести «Просека» (1934) Кюндэ видно, что автор, наоборот, огромное внимание уделяет изображению событий, происходящих глобаль-

[37] Там же. – С.144.

ных изменений в действительности и жизни народа, так как писатель задачей крупного эпического произведения считал показ событий, важных для переустройства мира. Нагромождение в сюжете произведения событиями, цепь которых может вылиться в бесконечность, видимо, и не позволило писателю завершить повесть. В первых крупных эпических произведениях видно, что изображение событий выходило на первый план. Рождение нового мира писатели пытались показать в равновеликости значимых в судьбе народа событий и героического образа, побеждающего обстоятельства жизни и созидающего новую действительность.

Произведение П.А. Ойунского «Великий Кудангса» (1929) до сих пор исследователями называется то рассказом, то повестью. Но его можно считать большим рассказом, в котором автор показывает события из жизни великого человека и его героические деяния. А повесть П.А.Ойунского «Выход из тины» (1930), исследователи также признают переходным произведением. Г.К. Боескоров это произведение однозначно называет рассказом[38], Ю.Н. Прокопьев считает его произведением, стоящим между рассказом и повестью[39], а Е.В. Федоров относит его к небольшой повести[40]. Между тем, именно произведение П.А. Ойунского «Выход из тины» стало в истории якутской литературы первой повестью. Ею это произведение стало не только, как первое крупное эпическое полотно, повествующее об изменениях в жизни народа, но благодаря тому, что автор впервые в якутской литературе показывает сам процесс изменения характера и рождения нового человека. Новая власть отбирает земли у богачей, и идет ее распределение среди населения, что само по себе явилось значимым событием, вызвавшим глобальное изменение в жизни и в сознании якутского народа. Забитая сирота Харитина растет до борца за свои права, при этом она не только является «маленьким» человеком, выходцем из низших слоев общества. Писатель акцентирует свое внимание на освобождении

[38] Боескоров В.Г. – Вопросы сюжета и композиции в якутской прозе. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1965. – С. 87-89.

[39] Прокопьев Ю.Н. От рассказа к роману. – Якутск: Як. книж. изд-во, 1968. – С. 44.

[40] Федоров Е.В. Якутская проза довоенного периода. – Новосибирск : Наука, 1982. – С. 65.

женщины, положение которой в дореволюционной жизни было весьма трагичным. Женская тематика еще на этапе становления якутской литературы до революции была одной из самых актуальных и злободневных. В советской литературе 1920-30-х годов, когда новая власть проводила борьбу за освобождение женщин от векового гнета и за ее равноправие, женская тематика также была одной из самых актуальных тем.

Тема новой жизни и проблема борьбы за права бедного, неимущего класса и рождения нового человека стали наиболее востребованными в советской литературе 1920-40-х годов. Эрилик Эристин также пошел по этому пути. Если в своем рассказе «Иван-душа» он не сумел достичь своей цели в показе становления характера борца, то в повестях это ему удалось в полной мере. В первой повести «Сыны революции» (1936), сюжет которой основан на материале жизни казахского народа, писатель показывает историю и судьбу казахских мальчиков-сирот, ставших борцами за новую жизнь. Но показ судьбы героев писателем дается скачкообразно – прежде и теперь, поэтому раскрытие их характеров во всей их полноте автору также не поддается. Но в повести автором показывались картины революционного переустройства жизни и общества на совершенно новом для якутской литературы материале – в судьбе казахского народа. Автор не сумел проникнуть в национальные характеры, раскрыл лишь типические черты характера нового человека. Но по новизне своей тематики повесть сразу завоевала внимание и любовь читателей. В повести «Волнение» (1937) Эрилик Эристин изображает жизнь бурятского народа и судьбу молодых борцов, закалившихся в классовой борьбе. Характеры и события в этой повести даны в более глубокой взаимосвязи, так как писатель показывает жизнь родственного народа, уровень и особенность которой могут быть соотнесены с якутской действительностью. Хотя в этих произведениях отображается жизнь народа на переломном этапе истории и дается множество событий, все же характеры получились не цельными. Творческие планы писателя и жанровое задание повести в полной гармонии сошлись в его произведении «Исполнение завещания» (1939), в котором действительность отображена с большой художественной силой, изображение характера дано во всех его проявлениях, в процессе рождения нового человека. Главный герой повести – Иван Сонливый в

начале повести предстает «маленьким» человеком, сознание которого «спит». Он, как мудрый и талантливый человек, сознательно самоотстраняется от активного участия в происходящих общественных катаклизмах, он не хочет быть участником «больших» событий, так как, как представитель народной мудрости, принимает уклад жизни, как нечто данное и предопределенное сверху. Но не так прост его характер. Как истинный сын своего народа, он является признанным, талантливым сказителем-олонхосутом, а значит человеком философского склада ума. Хотя он и кажется «спящим» человеком, но жизнь воспринимает более широко и понимает ее глубинный смысл. Под влиянием развивающихся в обществе классовых отношений, жестокой борьбы между белыми и красными и героической смерти своего брата он начинает осознавать свой долг и назначение в этой жизни. Из Ивана Сонливого он постепенно превращается в борца за новую жизнь, меняются даже его внешний вид, портрет и имя: председателя колхоза зовут отныне Иваном Дмитриевичем. Эрилик Эристин впервые в якутской литературе показал изменение национального характера. И такая концепция человека и его места в обществе стала подвластна именно повести. Исследователь творчества Эрилик Эристина Н.Н. Тобуроков отмечает, что писатель овладел «мастерством психологического изображения внутреннего мира героя, повесть стала большим событием молодой якутской прозы»[41].

Повести Амма Аччыгыйа отличаются тем, что писатель ставит перед собой цель показа психологии и внутреннего мира нового человека, и в его произведениях на первый план выходит психологическая коллизия. Писатель призывал писателей к изображению сложного, противоречивого, значит, истинного характера положительного героя: «Почему никогда не погибает, не страдает, даже не переживает наш положительный герой? Что это за металл? С каких пор идеология и чувство стали несовместимыми?»[42]. В повести «На отдыхе» (1936) автор показывает различные характеры и многообразие внутреннего ми-

---

[41] Тобуроков Н.Н. Писатель корчагинской закалки [Текст]: О жизни и творчестве Яковлева С. С. – Эрилик Эристиина / Н.Н. Тобуроков. – Якутск : Кн. изд-во, 1979. – С. 28.

[42] Мординов Н.Е.–Амма Аччыгыйа Человек и творчество. – Якутск, 1975. – С. 224.

ра двух друзей-коммунистов. В повести «Обида» (1938) писатель изображает внутренний конфликт в душе главного героя, который разрывается между личной проблемой и своим долгом перед обществом. Такой взгляд писателя на человека и действительность стал в то время новаторским в советской литературе.

В якутской литературе 1930-х годов повесть не только утвердилась, но начала развиваться вширь и пошла по пути жанрового обогащения[43]. Она расширила возможности охвата действительности и изображения человека в различных условиях жизни: в якутской прозе появились новые ее жанровые разновидности. Повесть П.А. Ойунского «Николай Дорогунов – удалец с Лены» (1936), написанная на основе фольклорного сюжета, на фоне произведений советской литературы тех лет сильно выбивалась из их ряда. Авантюрный сюжет со столь же авантюрным героем – продукт устного народного творчества. Люди всегда восхищались народным героем-удальцом, его веселым, неунывающим нравом и непотопляемым, находчивым характером в любых обстоятельствах жизни. А чем он пленил советского писателя 1930-х годов? Концепция писателя очень глубока и даже иносказательна, что также связано со временем создания произведения. В произведениях 1930-х годов прославлялись люди труда и их трудовые подвиги во имя процветания государства. А Николай Дорогунов высшим счастьем существования человека на земле считает познание им любви и живет по принципу авантюрного героя: «деньги – бумага, женщина – куколка, жизнь – копейка». Ради достижения своей цели он готов рисковать своей жизнью. И в действительности все так и происходит. Познав великую, красивую любовь, он погибает.

Чтобы понять концепцию писателя, надо окунуться в атмосферу 30-х годов XX века и в творческие замыслы автора. Если оглянуться назад и войти в положение дел литературы тех лет, то П.А. Ойунского могли репрессировать только за одно это произведение, так как автор, показывая образ авантюрного героя, как бы отходит от задач литературы социалистического реализма и увлекается фольклорными мотивами,

[43] Окорокова В.Б. Пути развития прозы в литературах народов Якутии. Часть I. Жанровая типология в прозе младописьменных и новописьменных литератур: Учебное пособие. – Якутск : Изд-во Якутского ун-та, 2001. – 68 с.

что также не поощрялось в советской литературе тех лет. П.А. Ойунский был писателем романтизма и не мог заниматься бытописанием, он решал вечные проблемы человечества, что видно и на примере его основного произведения «Красный Шаман» (1918). А в своей повести писатель воспел гимн простому человеческому чувству – любви, которая признавалась в мировой литературе вечной, неиссякаемой темой, однако в советской литературе 1930-х годов она была обойденной и почти что запретной.

Также в авантюрном сюжете работал автор повести «Кузьма» (1940) Н.Н. Павлов, автором приключенческой повести «Степан» (1939) стал И.П. Никифоров. Романтическую повесть «Лоокуут и Нюргусун» (1938) написал Джегэ Аныстыров. Поиски прозаиков 1930-х годов были продолжены и в 1940-х гг. Т.Е. Сметанин написал повесть с приключенческим сюжетом «Егор Чээрин» (1947) о событиях войны и о солдате - якуте, также приключенческую повесть, основанную на охотничьих байках, «Рассказы охотника Мэхэлэчээн» (1947). В 1944 г. вышли первые детективные повести в якутской литературе - «Золотой гроб», «Дом с номером 48», автором которых стал Д.С. Таас. Однако он был обвинен в протаскивании буржуазного жанра, произведений о преступлении в якутскую литературу.

Повесть Н.Г. Якутского «Золотой ручей» (1947) хотя продолжала традиции историко-революционных повестей, и автор показывал рост сознания «маленького» человека, но новое содержание он воплотил в приключенческом сюжете.

В якутской литературе 40-х годов XX века появились повести для детей, целью которых было служение делу воспитания подрастающего поколения в духе социалистических идей. В этом плане повесть оказалась самым лучшим, наиболее подходящим жанром для воплощения концепции становления, возмужания личности. Конфликт произведения приобретал особую художественную силу, так как максимализм молодого поколения не знал компромиссов в борьбе идей. В повестях «Друзья» (1947) Амма Аччыгыйа, «Твои друзья» (1949) Софр.П. Данилова, «Далеко на Амычане» (1951) Н.А. Габышева писатели показывали события, в которых раскрывались дружба школьников и их светлые помыслы, благие действия во имя процветания общества.

В 1950-х годах якутские повести, как и произведения всей советской литературы, испытали на себе влияние «теории бесконфликтности». Литература победившей классовых и внешних (фашистских) врагов страны объявила о том, что в бесклассовом обществе конфликтов не должно быть, различие может быть только между «отличным» и «хорошим». К тому же дал знать о себе и «вульгарный социологизм», распространенный в 1930-х годах, когда литература искала врагов-вредителей, мешающих строительству социализма, делила народ по классовому признаку. В повестях Д.С. Таас «Огни Кырсады» (1952), И. Никифорова «Труженики» (1951), М.Ф. Догордурова «Современная Лонкуда» (1952) властвовала тема труда. С одной стороны, тема труда была закономерной в этих повестях, так как они отображали народ, восстанавливающий хозяйство в послевоенное время. С другой стороны, писатели в этом деле находили врагов-вредителей и классовых противников, как бы продолжая традиции советской литературы 1930-х годов. В общей сложности художественные слабости повестей 1950-х были своевременно подмечены критикой.

Дыхание нового времени «оттепели» выявилось на появлении новых повестей конца 50-х годов XX века: «Неувядающие ветви» (1958) А.И. Федорова, «Белый поток» (1960), «Житель фермы» (1960) Н.М. Заболоцкого, «Подруги» (1961) А.С. Сыромятниковой и др. В них авторы основное внимание акцентируют на раскрытие психологии героев, их внутреннего мира и их отношений, любви и дружбы людей.

Таким образом, якутская повесть зарождалась в 1930-х гг., и ее развитие шло в русле художественных поисков всей отечественной литературы. Главным предметом своего исследования она избрала показ рождения характера нового человека, содержание повести определило и ее форму, она развивалась в основном в историко-революционных произведениях. Со временем расширялись ее жанровые границы в освоении действительности, кроме историко-революционных повестей, создавались и произведения с авнтюрными, романтическими сюжетами. На рубеже 50-60-х годов вся советская литература стояла перед своим обновлением, обогащением и новым витком развития под влиянием наступившей «оттепели» в обществе.

1.2. Повести 1970-80-х годов и творчество Н. Лугинова

Выход прозы на первый план и взлет жанра повести начался со времен «оттепели» во всей советской литературе. Особенно популярной повесть стала в 1970-80-х годах.

В якутской литературе произведения таких прозаиков, как Амма Аччыгыйа, Афанасия Федорова, Анастасии Сыромятниковой, Николая Заболоцкого, Николая Якутского, Софрона Данилова, Николая Габышева, Василия Яковлева, сыграли огромную роль в выдвижении прозы на переднюю лидирующую позицию. Вместе с тем в своем творчестве многие современные прозаики также, как и писатели 1930-х годов, прошли путь от рассказа к повести, затем к роману.

Н.Габышев в своих повестях «Цветы Колымы» (1967), «Осенняя радуга» (1988) показывает трудовые будни, быт и интересы, внутренний мир современного человека. В повести «Беда» (1966) Амма Аччыгыйа исследует человека в экстремальных обстоятельствах, писателю интересно узнать возможности человека как в физическом, так и в нравственном плане.

Особенно стремительным был рост писателя Софр.П. Данилова. После книг рассказов и повестей 1940-50-х годов в 1967 г. выходит его роман «Пока бьется сердце», ставший заметным явлением в якутской прозе и первым социально-психологическим романом в якутской литературе. Художественное отображение современной жизни и проблем современного общества в якутской литературе впервые стали подвластны роману, автор которого отобразил эпоху «оттепели», показал изменения, происходящие в обществе того времени. Постановка в крупных эпических произведениях нравственных проблем стала актуальной и вышла на первый план в советской литературе в 1960-70-е годы. Такую проблематику Софр.П. Данилов продолжил и в своих повестях. В повести «Нести радость людям» (1967) писатель, как и в своем романе, и в традиционном в советской литературе производственном конфликте выделяет нравственный аспект проблемы. Его герои не только сражаются за восстановление справедливости, но, прежде всего, стоят перед неразрешимой дилеммой – быть или не быть? То есть писателю в трактовке героя важен его внутренний конфликт в душе, он

больше внимания уделяет раскрытию психологии характера. Такая концепция писателя воплощена и в повестях «Огонь» (1980), «И завтра настанет день» (1980), «Пашня» (1986). Писатель верит в человека, в его высоконравственные качества, способные улучшить действительность, изменить мир. Таковы его герои – Аласов, Унарова, Наташа, Дария, Басыкка и др.

Своим многогранным творчеством, художественным новаторством Софр.Данилов, Н.Габышев внесли огромный вклад в современную якутскую прозу и оказали влияние на все ее дальнейшее развитие в 1970-80-х годах. Также они сыграли огромную роль в становлении молодых авторов. Если русские писатели признавались в том, что «они вышли из «Шинели» Гоголя и выпали из широких рукавов Горького», то на творчество молодых якутских прозаиков 1970-80-х годов, несомненно влияние произведений и стилей Софр.Данилова и Н.Габышева.

В 1970-80-е годы в якутскую литературу вошло новое поколение прозаиков, стали известны имена молодых авторов, которые активно работали в жанре повести – П.Д. Аввакумов, Р.А. Кулаковский, Н.А. Лугинов, Э.Д. Соколов, В.Н. Титов, Е.П. Неймохов, В.Н. Гаврильева, И.Г. Иванов-Нуолур, С.А. Попов-Тумат, И.Е. Федосеев-Доосо, В.С. Яковлев-Далан, В.Н. Егоров-Тумарча, П.А. Прокопьев-Чуукаар и др.

В.Гаврильева вошла в литературу под впечатлением романтических рассказов Н.Габышева. Ученический период В.Гаврильевой пришелся на ее первый сборник рассказов, в которых она продолжила стиль учителя – «Хатыҥчааным барахсан» («Березенька моя») (1967). Автор восхищается прекрасным внутренним миром своих героев, показывает свою влюбленность в людей с тонкой, ранимой душой. Но уже в следующей книге «Дөлүһүөн уга» («Шиповник») (1969) писатель находит собственный стиль в прозе, который развивался в ее следующих повестях – «Акаары дьахтар таптала» («Любовь глупой женщины»), «Күһүн таптала» («Любовь осенью»), «Суол» («Дорога») (1977). Ее отличает своеобразная художественная концепция человека и действительности. Было время, когда ее упрекали в протаскивании в якутскую литературу средств изображения зарубежной литературы. В.Гаврильева как бы отходит от центральной линии литературы социалистического реализма, показывая не образ коммуниста и даже не среднего человека, инте-

рес к которому испытывала проза 1960-х годов, а человека-«дурака» (акаары), т.е. «чудика», одинокого, неприкаянного, неприспособленного к повседневной жизни. Появление образа «чудика» в современной русской литературе связывали с творчеством В.Шукшина, который показывал людей, не вписывающихся в нормы общественных отношений и правил. В его героях видели метаморфозу «маленького» человека критического реализма. Герои В.Гаврильевой также выпадают из нормального уклада современной жизни, они больше живут в своих мечтах, думах, прислушиваясь лишь к своему внутреннему миру и живя собственными принципами в выдуманной ими действительности, а к окружающему их миру они не проявляют никакого интереса. Но В.Гаврильева ставит нравственную проблему современности, противопоставляя своих «чудиков» героям с мещанским отношением к жизни, которые поклоняются материальным ценностям и довольствуются преходящими, повседневными интересами.

Суть художественной концепции человека в повестях «Хапсыһыы» («Схватка») (1983), «Көтүү» («Взлет») (1986) Е.Неймохова составляет показ положительного героя нашего времени. Он, как журналист, искал их в действительной жизни, прототипами героев его повестей были известные борцы, певцы, внесшие вклад в развитие спорта, искусства не только республики, но и всей страны. В 1988 году вышла его детективная повесть «Сайсары күөлгэ түбэлтэ» («Случай на озере Сайсары»), где герой произведения, раскрывая преступление, затрагивает актуальные проблемы современного общества.

Э.Соколов показывал судьбу современного человека в повестях «Арахсыспат аргыстарым» («Неразлучные спутники») (1981), «Дьол» («Счастье») (1985), «Огдолуйбут олохтоох Одьунаас сордоох» («Одинец с несчастной жизнью»), («Виноватый») (1989). Образ «маленького», во всем виноватого человека воплотился в его произведениях. Но его герои не опускают свои руки перед жизненными трудностями и борются за свое счастье, за торжество справедливости. В последних повестях автора его героями стали люди «перестроечного» времени. Казалось бы, наступили времена свободы человека, но «маленький» человек и здесь не находит справедливости и своего лисного счастья, он становится лишним. В художественной концепции писателя ее

краеугольный камень составляет мысль о том, что во все времена государственные машины и все общественные устои, порядки враждебны человеку из народа, и вряд ли «перестройка» что-нибудь изменит в этом плане. Но писатель не пессимистичен, его герои не задавлены обстоятельствами, они борются и погибают в равной схватке со своими врагами, в них автор видит положительного героя современного общества.

Кажется, что молодые писатели во многом продолжают традиции крупных прозаиков и в повестях раскрывают нравственные проблемы, стоящие перед человеком и обществом, но они своими произведениями также внесли в литературу свежую струю и свои авторские новаторские изыскания. Их повести отличаются тем, что если произведения А.И. Федорова, А.С. Сыромятниковой, Н.А. Габышева, Софр.П. Данилова и др. были пропитаны духом времени «оттепели», то молодые прозаики показывают уже другие времена. В их повестях раскрываются герои и проблемы т.н. «застойного» общества. Отсюда и особенности в индивидуализации их героев. Если писатели времен «оттепели» верили в идею будущего прекрасного общества и новой личности коммунизма, то молодые писатели, как бы разуверившись в этом, показывают, наоборот, «маленького» человека и его беды. Новаторством молодых писателей и отличительным свойством их повестей стала и структурная организация произведения. Это, прежде всего, ее малый объем, камерность, сжатость сюжета. Отсюда и емкость, экономичность средств изображения, метафоричность и символичность образов.

С 90-х годов XX в. повесть свое лидирующее место уступает роману, наблюдается спад в ее развитии, но она не теряет своей активности в исследовании общественных процессов и отображении действительности. Если в повестях 1970-80-х годов отображалась современная действительность, то повести 1990-х годов, так называемого «постперестроечного» времени, обогащаются новыми темами, проблемами, образами и жанровыми разновидностями. Усиливается интерес к древней истории народа и «белым пятнам» в истории советского общества, также к животрепещущим проблемам современности. Таковы повести Е. Неймохова, Н. Якутского, Г. Борисова, В. Титова, Э. Соколова, К. Эверстова, И.Ойуур и др. В начале XXI века к мужскому отряду

прозаиков присоединяются голоса женских авторов – Куорсуннаах, Сайа, Венеры, А.Е. Варламовой–Айысхааны, Т.П. Находкиной, Г.В. Нельбисовой, Д.Сард и др.

Писатели, чье творчество в 1970-80-х годах развивалось в жанре повести, в 1990-е годы пришли к роману: П. Аввакумов, Э. Соколов, В. Титов написали социально-психологические, а Н. Лугинов и Е. Неймохов создали исторические романы.

Николай Алексеевич Лугинов (1948 г.р.) – народный писатель Республики Саха (Якутия), лауреат международной литературной премии «Алжир на перекрестках культуры», лауреат литературной премии «Алаш» Республики Казахстан, заслуженный деятель искусств Республики Саха (Якутия). Членом Союза писателей СССР стал в 1979 г. Окончил физико-математический факультет ЯГУ, работал учителем, инструктором обкома ВЛКСМ, в данное время является директором Литературного музея им. П.А. Ойунского. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М.Горького. Избирался секретарем правления Союза писателей России, заместителем председателя правления Союза писателей Якутии, член редколлегии газеты «Литературная Россия», журналов «Мир Севера», «Полярная звезда». В данное время является сопредседателем Союза писателей России. Академик Академии духовности Республики Саха (Якутия). В становлении писателя как творческой личности немаловажное значение имеет его окружение. Н.Лугинов с ранней молодости «варился» в литературной среде. В 1975 г. принял участие в VI Всесоюзном совещании молодых писателей, и, как отметил сам писатель, здесь он окончательно убедился в правильности своего выбора. Произведения молодого писателя поддержали такие крупные якутские писатели, как С.П. Данилов, Кюннюк Урастыров, Софр.П. Данилов, С.И. Тарасов, И.М. Гоголев, П.Д. Аввакумов и др. А уже в 1978 году произведения Н. Лугинова обсуждались на Совете молодых писателей при Союзе писателей РСФСР. На нем выступили такие московские писатели и критики, как Г. Дробот, Б. Костюковский, В. Чукреев, Г. Московская, И. Буркова и др. Они восхитились его повестью «Роща Нуоралджыма» и рекомендовали ее к печати на русском языке, чтобы она стала доступной для всесоюзного читателя.

Н. Лугинов – народный писатель Якутии, известный, крупный прозаик в якутской литературе, автор повестей и романа-трилогии «По велению Чингисхана» (1997-2005). Его оценивают как писателя, внесшего вклад в развитие не только якутской, но и всей отечественной литературы. Произведения Н.Лугинова переводят Семен Шуртаков, Петр Краснов, Владимир Карпов, Николай Шипилов, Анна Дмитриева и др.

Н.Лугинов в литературу вошел в середине 1970-х годов. Его первая книга «Рассказы» вышла в 1976 г. Но писатель не стал задерживаться на малом жанре, сразу перешел к повестям. Друг за другом выходят его книги повестей: «Сэргэлээххэ» («На Сергеляхе») (1978), «Нуоралдьыма чараҥар» («Роща Нуоралджыма») (1979), «Түһүлгэ» («Поединок») (1981), «Таас Тумус» («Таас Тумус») (1984), «Сэбирдэх уута» («Паводок листопада») (1986), «Үрдүк арыылар» («Высокие острова») (1988), «Халлаан хараҕата» («Ось неба») (1992), «Кустук» («Кустук») (1999), «Улуу хууннар» («Хуннские повести») (2010) и романы «Этажи» (1980), «Чыҥыс хаан ыйааҕынан» («По велению Чингисхана») (1997, 2000, 2005). Произведения Н.Лугинова переведены на русский язык: «Роща Нуоралджыма» (1981), «Песня белых журавлей» (1982), «Дом над речкой» (1988) «По велению Чингисхана» (1998), «Хуннские повести» (2011), а повесть «Таас Тумус», переведенная на английский и французский языки, стала достоянием читателей всего мира. Его роман на сегодняшний день является вершинным достижением писателя и всей якутской литературы современности: «Романом «По велению Чингисхана» начался новый отсчет, новое качество культуры Якутии»[44]. Как видно из всего перечисленного, писатель работает стремительно и плодотворно.

В своей первой повести «На Сергеляхе» Н. Лугинов показывает жизнь современной молодежи. Дружба пятерых парней: Сергея, Михаила, Семена, Никиты и Айаана – началась со студенческих лет, их объединила жизнь в одной комнате университетского общежития и учеба на факультете математики. Несмотря на общие интересы, у парней разные характеры. Михаил, хотя и способный, развитый парень, ведет

[44] Сидоров О.Г. От Алексея Кулаковского до Николая Лугинова: штрихи к истории якутской культуры. – Якутск : Бичик, 2010. – С. 51.

легкий, веселый образ жизни. Семену учеба дается с трудом, он показывает средние способности. Никита, как самый взрослый из них, целеустремлен, он готовится стать полноценным хозяином своей судьбы. У Айаана в силу того, что он очень больной человек, тяга к жизни очень сильна. Сергей – самый молодой, немного беспечный, типичный студент. Каковы их нравственные устои? Молодые люди – максималисты, все они хотят быть положительными героями современности. Михаил, талантливый во всем (он мечтал стать артистом), говорит о том, что человек должен быть многогранным и всесторонне развитым. Именно он ратует за походы в театр и приобщение к прекрасному. Семен любит вставать в позу, спорить, во всем находить изъяны. А Никита и Айаан более реалистичны, они говорят о том, что идеальных людей не бывает, и в жизни все очень сложно. А кем они становятся? Сергей в годы студенчества встречает свою первую любовь, с которой счастливо создает семью и на работе его ждет карьерный рост. У Никиты студенческая любовь становится единственной, но несчастной. Он посвящает себя любимому делу – спорту и становится успешным тренером. Айаан, победив свою болезнь, занимается наукой. Семен становится учителем-новатором, внедряющим новые достижения науки в учебный процесс, увлеченный работой, не женится. А Михаил становится крупным ученым, открывающим новые горизонты для современной науки. Его личная жизнь трудна, но он встречает свою любовь. Все друзья признают, что они стали людьми и специалистами благодаря университету, Сергеляху. Это их любимое место, которое всегда притягивает к себе, это точка отсчета их достижений, счастья, жизни. Каждому из них Сергелях снится, представляется в этом мире кусочком теплоты, света. Сергей, находясь на краю света, на далеком Севере, часто вспоминает Сергелях, а преподаватель Михаил завидует своим студентам, их безмятежной юности. Повесть написана недавним выпускником университета и озарена светом ностальгии по студенческим годам. Произведение привлекло внимание читателей новизной своей тематики и стало своеобразным гимном студенчеству.

Повесть «На Сергеляхе» стала во многом также ученическим произведением Н.Лугинова, и вместе с тем, возможно, именно тема студенчества, ностальгия по юным годам привели его в литературу. И хотя поиск самого себя и места в жизни останется в его творчестве ос-

новной проблемой, концепция человека и действительности в его следующих повестях кардинально изменится.

В своей второй повести «Роща Нуоралджыма» (1979) автор также показывает прекрасную пору жизни человека, но на этот раз – детство. Нюргун – восьмилетний мальчуган растет в родном аласе: играет, бегает, учится, работает, охотится. В повести создаются образы старой бабушки и внука, раскрываются их теплые отношения. Бабушка проводила на войну семерых сыновей, из которых вернулись только двое. Она свою жизнь заканчивает в ожидании. Ожидает возвращения молодых, здоровых сыновей, которые построят свои дома и продолжат жизнь рода. Хочет увидеть их кипучую, созидательную жизнь. Ждет от старшего сына внука, чтобы Нюргун не был одиноким.

Нюргун вырастет, но картины из его детства навсегда отпечатаются в его душе потому, что жизнь каждого человека начинается с родной земли. В первой повести писателя молодые люди начало своей жизни видят в студенческих годах: все начинается с Сергеляха. Если данное произведение во многом стало ученическим, то повесть «Роща Нуоралджыма» стала поворотным произведением в его творчестве. Здесь он нащупал свою тропу в литературе, свой особый стиль в прозе и состоялся как писатель со своей концепцией человека и действительности: «Мое видение мира, конечно же, выросло из глубинного национального своеобразия художественного восприятия мира»[45]. Н. Лугинов началом начал считает родной алас человека, где он не только родился и впитал с молоком матери традиции жизни народа, но здесь были заложены все черты его характера, он становился человеком.

Писатель, как художник-творец, глубоко понимает сущность искусства и поэтому говорит о том, что больше всего будет цениться «национальное восприятие, особенности национального видения мира и то, что отличает нас от других»[46]. Именно поэтому исследователь литературы А.А. Бурцев вполне правомерно считает эту повесть Н. Лугинова «программным произведением» писателя[47].

---

[45] Сидоров О.Г. От Алексея Кулаковского до Николая Лугинова: штрихи к истории якутской культуры. – Якутск : Бичик, 2010. – С. 126-127.

[46] Там же. – С. 129.

[47] Бурцев А.А. Введение в историю якутской литературы. – Якутск : Сахаполиграфиздат, 2004. – С. 175.

Молодежную тему продолжает повесть «Поединок» (1981). Автор берется за спортивную тематику, показывает образ спортсмена, достигающего успехи на международном соревновании и получающего мировое признание. Тема спорта и чемпиона была притягательной и новой в якутской литературе, так как была вызвана крупными успехами якутских борцов на мировой арене в середине 1970-х годов.

Повесть «Таас Тумус» (1984) привлекла внимание не только читателей, критиков и литературоведов, но получила признание и за рубежом. Повесть была переведена на французский язык Жаком Карро и Линой Сабарайкиной. За свое произведение Н.Лугинов получил высшую награду, став лауреатом международной литературной премии «Алжир на перекрестках культуры». Писатель показывает тяжелые, трудные судьбы разных людей, которые оказались связанными одним событием. Тойбол потерял ребенка, Одон его нашел, а Михей стал как бы их посредником. Тойбол, как и бабушка из повести «Роща Нуоралджыма», проводит свою жизнь в ожидании возвращения ребенка. Для героев повести жизнь стала испытанием, которое они выдержали каждый по-своему. Одон перед смертью раскаивается в содеянном, а всегда довольный собой и жизнью Михей также озадачен. Как и в повести «Роща Нуоралджыма», автор показывает послевоенную жизнь и людей поколения войны. Повесть «Таас Тумус» стала знаковой и поворотной в творчестве Н.Лугинова на его пути к философской повести.

Далее социально-психологическая повесть продолжилась в его следующих произведениях: «Танец» (1984), «Паводок листопада», «Улыбка старика», «Дом над речкой» (1986), «Высокие острова» (1988).

В повести «Танец» главная героиня Анна, вдова войны, сама воспитала и подняла сына, но в старости перед ней нависла угроза остаться одной. Она разошлась с молодыми, с сыном и невесткой, которые не хотят впустить ее в свою жизнь, во взглядах на действительность. Анна в современном обществе ощущает себя лишним человеком. И только искусство поднимает ее дух и может ей помочь справиться с трудностями, любить жизнь.

В повести «Паводок листопада» показывается время сенокоса. Юный паренек находится рядом со старшими, наблюдая за отношени-

ями взрослых, учится труду и жизни. Но мысленно свое будущее он связывает с далекими краями, куда он обязательно поедет за своей мечтой. Писатель подчеркивает, что паренек, только став взрослым, поймет, какое неповторимое и счастливое лето провел среди своих сородичей на родной земле.

В повести «Улыбка старика» житель тундры любит свою родную сторонку и ни за что не хочет оторваться от нее. Свой отдых в теплых краях он вспоминает с содроганием, настолько ему не мила оказалась чужая земля. Он может радоваться только тогда, когда видит любимые им деревья, снег и оленей.

«Дом над речкой» - большая повесть, в которой писатель показывает судьбу не только главного героя, но и второстепенных образов. Макар всю жизнь проводит в экспедициях и считает себя вполне состоявшимся, счастливым человеком. Но на старости лет его находит сын, они вместе строят дом, постепенно у него меняется отношение и к жизни.

И заключает цикл социально-психологических произведений Н.А. Лугинова повесть «Высокие острова» (1988). В повести писатель исследует характер людей, прошедших войну, на судьбу которых выпадают немалые испытания. У всех героев разные позиции в жизни, завершая свою жизнь, они оглядываются назад, чтобы переосмыслить ее.

Особую группу повестей составили философские произведения Н.Лугинова «Кустук» (1979), «Ворон» (1980), «Сэргэ» (1987). В философских повестях автора главными героями выступили необычные образы – собака, ворон и коновязь-сэргэ. Их всех автор наделил качествами живых существ, мыслящих, сознательных и дающих свою оценку миру. В философских повестях в большей мере воплотилась концепция автора о человеке и современной действительности.

Философские повести занимают основное место в творчестве Н.Лугинова и показывают рост его мастерства, в целом, зрелость писателя. О том, что повесть подготавливает роман, говорят многие исследователи. Н.Лугинов в зрелые годы также стал романистом.

В конце 1980-х - начале 1990-х годов для всей отечественной литературы наступили сложные времена. После «перестройки» и эпохи наступившей гласности перед литературой встала необходимость пере-

смотра своих принципов и ценностей. Шел отказ от метода социалистического реализма, от принципов советской литературы, загнавших писателей в определенные рамки, в зависимость от власти и приведших к потере национального своеобразия литературы. В эти годы стремление писателей к свободе творчества как никогда стало близко к осуществлению. В литературе все как будто замерло и приостановилось на некоторое время. Представители национальной литературы очень долго и болезненно выходили из этого состояния. Но с 1990-х годов началось рождение новой литературы, названной «постмодернистской». В творчестве Н.Лугинова в начале 90-х годов также происходит временная остановка, время передышки, когда писатель переосмысливает свое творчество, подводит итоги достигнутого им и ищет новые пути, новые темы и образы. Творческие поиски всегда сопряжены с сомнениями, трудностями. Писатель, отмечая свой 60-летний юбилей в 2008 г., говорил: «Настоящая литература – это тяжелый труд…Я сделал все, что мог. К сегодняшнему моменту… Я доволен этим. И что запланировал – я все совершил»[48]. Н. Лугинов в эти годы увлеченно занимался проблемами истории народов Азии, Евразии, круг его интересов был обширен. Сначала друг подарил ему книгу «Сокровенное сказание монголов», затем нашлась родословная Чингисхана, так писатель постепенно был втянут в историю далеких веков. Много работал в архивах, находил множество документов. Порой казалось, что он работает над историческим трудом, но писатель бесконечно рад тому обстоятельству, что у него получилось именно «художественное произведение об исторической личности и героическом времени»[49].

Появление исторического романа «По велению Чингисхана» Н. Лугинова во многом обязано его философским повестям, хотя содержание романа совершенно новое, чем в предыдущих произведениях писателя. С одной стороны, на столь кардинальный поворот в его творчестве, прежде всего, повлияла «постперестроечная» литература с ее призывами к свободе творческого процесса писателей. Она также вызвала небывалый интерес якутской литературы к древним временам якутского

[48] Сидоров О.Г. От Алексея Кулаковского до Николая Лугинова: штрихи к истории якутской культуры. – Якутск : Бичик, 2010. – С. 137–138.

[49] Харитонов П.Н. 50 лет со дня рождения Николая Лугинова // Якутия. – 1998.

народа и к историческому жанру. Первым автором исторических романов стал Далан, который в своих произведениях «Глухой Вилюй» (1984), «Тыгын Дархан» (1993), показав стародавние времена межродовых распрей на территории Якутии. С другой стороны, Н. Лугинов, как автор философских повестей, заинтересовался глобальными проблемами истории человечества, истоков государственности, армии, границы, войн и нашел в их хаосе соответствующий им образ – Чингисхана. Художественная концепция писателя в романе заключается в том, что Чингисхан, великий полководец и император, изменивший карту мира, не мог быть непричастным к судьбе якутского народа, оторванного от своих предков и так далеко заброшенного на Север. Также поэтика его философских повестей продолжилась и в романе – это притчи о назначении человека и сути его бытия, символические, архетипические образы и мотивы сюжета, повторяющиеся в его панорамном эпическом полотне. Поэтому роман стал произведением не только с историческим содержанием, но и с философским звучанием. О.Г. Сидоров, видя в произведении традиции А. Кулаковского, назвал его «философским трактатом современности»[50].

Н. Лугинов, работая над романом, все время твердил о том, что он обязательно возвратится к своим повестям[51]. При этом он имел в виду именно свои философские повести. В 2010 году вышли «Хуннские повести», в которых писатель продолжает тематику своего романа. Это история китайского государства до чингисхановской эпохи. Философская концепция писателя в том, что каждое государство, родная сторона и даже внутренний мир человека имеют свои границы, которые надо чутко охранять и храбро защищать от внешнего вторжения. Автор видит смысл жизни и призвание человека в такой защите. В повестях усиливается роль символических образов и философское звучание. Н. Лугинов, как и планировал, продолжает создавать свои философские повести.

Таковы этапы творческого пути и развития художественного сознания ведущего прозаика современной якутской литературы Николая

---

[50] Сидоров О.Г. От Алексея Кулаковского до Николая Лугинова: штрихи к истории якутской культуры. – Якутск : Бичик, 2010. – С. 50.

[51] Харитонов, П.Н. 50 лет со дня рождения Николая Лугинова // Чолбон. – 2008. – № 8. – С. 84.

Алексеевича Лугинова. Он становится писателем под влиянием якутской прозы 1950-60-х годов, в частности, творчества Софр. Данилова и растет в среде своих молодях коллег-повествователей.

Таким образом, в повести, как в крупном эпическом жанре, с одной стороны, жизнь отображается более полно, во всем ее многообразии. С другой, она, как наиболее активная форма освоения действительности, предметом своего исследования выбирает современную жизнь общества. При этом в жанре под влиянием времени и задач литературы происходят изменения, касающиеся как ее содержательной, так и формальной сторон. В повестях 30-50-х гг. XX в. писатели показывали рождение нового человека и становление его характера. В повестях 70-80-х годов авторы акцентируют свое внимание на показе человека в испытаниях обстоятельствами жизни, при которых происходит изменение его характера. Современные повести не концентрируют свое внимание на изображении событий, поэтому по объему они небольшие, камерные, в раскрытии характера авторы обращаются к новым, емким средствам изображения.

В 1970-80-х годах повесть в якутской литературе была одним из самых развитых и популярных жанров. На развитие якутской прозы и творчества молодых писателей огромное влияние оказали произведения Н.А. Габышева, Софр.П. Данилова 1950-60-х годов. В якутской прозе появилось много новых имен, среди которых были и молодые авторы повестей – Э. Соколов, П. Аввакумов, В. Титов, В. Гаврильева, Е. Неймохов, В. Яковлев и др.

В повестях 1970-80-х годов Н. Лугинова сформулирована основная концепция человека и действительности писателя, заложены его художественные традиции. В них выявляются этапы творчества писателя, начиная с его ученического периода до становления автора со своим оригинальным видением мира. Н. Лугинов так говорит о роли литературы в жизни народа: «Значимость литературы в том, что воздействие ее на человека, личность очень сильно. Литература воздействует на подсознание. Литература формирует человека, значит, через человека формирует и облик мира»[52]. Такова взаимосвязь литературы и действительности.

[52] Сидоров О.Г. От Алексея Кулаковского до Николая Лугинова: штрихи к истории якутской культуры. – Якутск : Бичик, 2010. – С. 137.

ГЛАВА II. СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕКА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ПОВЕСТЯХ Н. ЛУГИНОВА

2.1. Система героев и типы проблематики

Художественная концепция человека и действительности в произведении полнее всего воплощается в образе героев, их поступках. Литература всегда ставит своей высокой целью познать человека, а через него и действительность, человек и действительность – главный предмет искусства и литературы. Отсюда и возникает цель литературы – изучение человека и действительности во всех их многогранных связях. Каждая эпоха выставляет своих героев, по герою судят не только эпоху, но и саму литературу, как говорится, «с нового героя начинается новый этап развития литературы». С развитием литературы углублялась и художественная концепция человека и действительности, рождался интерес к внутреннему миру человека, его духовной жизни, его связи с миром, где он выступает творцом. Благодаря тому, что такая взаимосвязь обоюдная, литература и автор имеют возможность влиять на умы и сердца читателей, на общественное мнение и развитие духовности в целом. Видение мира у писателя, по мнению Г.Д. Гачева, В.В. Кожинова, есть «диалектическое единство объективного и субъективного начал в художественном творчестве»[53].

Каждый писатель также открывает своего героя, что становится отличительным свойством его стиля[54]. В литературе социалистического реализма концепция человека и действительности писателя была подчинена догматам коммунистической идеологии. Героев литературы искали в передовиках созидательного социалистического труда, систематизация героев была основана на классовом принципе: положительным героем всегда становился коммунист, человек из бедноты, а пред-

[53] Гачев Г.Д., Кожинов В.В. Содержательность литературных форм // Теория литературы. – М. : Наука, 1964. – С.36.

ставитель имущего класса всегда скатывался в лагерь врагов и в произведении был представлен как отрицательный герой. Характер человека в этих произведениях раскрывался в его отношении к общественному, коллективному труду и закаливался в его процессе. Связь литературы с реальной действительностью, с задачами строительства нового общества и идеологией того времени была главным критерием в оценке произведения писателя.

Поэтому в произведениях советской литературы идет сознательное отталкивание от традиций устного народного творчества, от национального миросозерцания. Такая ее черта была типологически присуща всем новым становящимся литературам. Так, еще родоначальник русской классической литературы А.С. Пушкин придерживался «тенденции демифологизации и постепенного отхода от традиционных сюжетов»[55]. Причины данных явлений различные, советская литература страдала нигилизмом по отношению к традициям устного народного творчества. Но, с другой стороны, художественная литература при своем становлении должна была размежеваться с фольклором в своих принципах отображения действительности. На современном этапе развития литературы усиливается ее интерес к мифологическим, фольклорным традициям и отображению миросозерцания народа. Такая реконструкция взаимоотношений литературы и фольклора характерна всей мировой литературе. «Современные писатели, отказавшись от догматических представлений о мире и человеке, выходят на новый уровень понимания своих творческих целей»56. Такие изменения, происходящие в современной литературе, приводят молодых прозаиков к новаторским изысканиям.

Основным принципом в систематизации героев произведения выступает художественный конфликт – «сердцевина произведения»[57], который «сортирует» их, разделяя героев на положительные и отрицательные. В системе образов произведения находятся главные герои,

---

[55] Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – С. 150.

[56] Мыреева-Баишева А.Н. Литература и время. – Якутск : Бичик, 2010. – С. 111.

[57] Бочаров А.Г. Требовательная любовь: концепция личности в современной советской прозе. – М. : Худ. лит., 1977. – 362 с.

представляющие два лагеря борющихся сил; герои, занимающие среднее положение между враждующими сторонами, представляющие собой наиболее сложные характеры, и второстепенные, не принимающие прямого участия в конфликте, но, в той или иной степени дополняющие образы главных героев. Такая отчетливая систематизация героев выявлялась в произведениях метода социалистического реализма. Например, в романе Софрона Данилова «Бьется сердце» две основные противоборствующие стороны конфликта представляют главные герои произведения - Аласов и Пестряков, первый из них – новатор, человек нового времени «оттепели», второй – консерватор, человек уходящего времени, защищающий правопорядки общества «культа личности». Их конфликт разделил всех остальных героев романа на два лагеря, представляющих их сторонников и поддерживающих их концепцию жизни. Между ними, не находя своего места, мучается Надежда Алексеевна, так как в конфликт вплетается личный мотив, она разрывается между своей первой любовью и мужем. Надежда Алексеевна – сложный характер в романе, раскрывающийся писателем во всей полноте и своей жизненностью притягивающий к себе внимание читателей. По такому принципу систематизации героев Н. Лугинов создал свой роман «Этажи». В его романе конфликтующими сторонами коллектива строителей города, архитекторов, являются Айдар и Мылахов. Но написанное намного позднее, чем роман Софрона Данилова, произведение Н. Лугинова отображает «застойное» время общества конца 1970-х годов. Поэтому характер конфликта также изменился, в его романе ставятся проблемы «застойного» общества: непроизводительность труда, отношение людей к труду как средству извлечения выгоды, преобладание личных интересов над общественными и т.д. Но затем в последующих произведениях Н.Лугинова характер конфликта и принцип систематизации героев произведения меняются кардинально. Роман «Этажи» завершает ученический период в творчестве Н.Лугинова.

Предмет исследования писателя становится темой его произведения, т.е. тема произведения прямо связана с миросозерцанием автора, его отношением к жизни. В.Е. Хализев отмечает, что: «… субстанциальный аспект тематики, т.е. предмет художественного освоения (познания) безгранично широк и потому трудно определим: искусству

есть дело едва ли не до всего. В художественных произведениях прямо или косвенно преломляются и бытие как целое (т.е. присутствуют картина мира как упорядоченного и дисгармоничного), и его определенные грани: феномены природы и, главное, человеческой жизни»[58].

В выборе темы писателем осуществляется своеобразное видение им мира. Например, Л. Толстой избрал показ жизни светского общества, так как писатель в них видел лучшие качества представителей русского народа. Он и сам был выходцем из этого общества. А Ф. Достоевский, наоборот, показывал «дно» жизни, в страстях и наклонностях людей он видел сложную натуру человека и не менее сложную действительность. Жизнь самого писателя также была трудной: он прошел суровое испытание обстоятельствами общественных отношений XIX века. «Дно» жизни изображал и М. Горький, который ставил своей целью познание всей действительности. Мир мелкого чиновника предстал в творчестве Н. Гоголя, А. Чехова и т.д.

Главной темой творчества Н. Лугинова, его повестей 1970-80-х годов, стали современная жизнь общества и человек-современник. Писатель ищет ответы на вопросы о назначении человека в жизни и его призвании в современном мире. Постановка таких социально-психологических проблем приводит к усилению философского звучания его произведений.

«Проблематика в еще большей степени, чем тематика, зависит от миросозерцания автора. Поэтому жизнь одной и той же социальной среды может быть осознана различно писателями, имеющими разное идейное миросозерцание»[59]. Таких примеров в истории литературы можно найти сплошь и рядом, когда писатели, живущие в одну эпоху и работающие по одной тематике, по-разному отображают одну и ту же действительность, разнятся и в ее оценке. Это видно, например, как рассмотрели выше, в творчестве Л. Толстого и Ф. Достоевского. Для писателя одно то, что он ставит актуальные проблемы общества, является его новаторством. В такой постановке проблемы ощущается его оценка и отношение к действительности, решать им проблему в рамках произведения не то что необязательно, но и не требуется. Если Ф. До-

[58] Хализев В.Е. Теория литературы. – М. : Высшая школа, 1999. – С. 41.

[59] Поспелов Г.Н. Проблемы исторического развития литературы. – М. : Просвещение, 1971. – С. 94.

стоевский не ломал голову над решением поставленной им в произведении проблемы и о сложности изображенного им мира говорят многие, то Л. Толстой в своей концепции действительности приходил к религиозному учению о «непротивлении злу». Талантливые реалисты своими видениями мира в художественных произведениях приводили к осознанию трагического положения в русском обществе XIX века, и их величие в том, что они до сих пор будят, будоражат умы и сердца читателей.

В современной якутской прозе у Н. Лугинова и Е. Неймохова есть повести, написанные впервые на одну и ту же тему спорта и показывающие жизнь чемпионов-борцов. Они написаны почти одновременно, если взять во внимание то, что Е.Неймохов в соавторстве с А.П. Стручковым в 1977 г. написал документальную повесть «Восхождение на Олимп», а в соавторстве с Д. Эверстовым – «Жизнь, посвященная спорту» (1980). Произведение Н. Лугинова «Поединок» вышло в 1980 г., а повесть Е. Неймохова «Схватка» - в 1983 году. Значит, молодые прозаики работали над данной темой на рубеже 1970-80-х годов. Авторы показывают одно и то же время победы якутских борцов на международной и олимпийской аренах. Но Е. Неймохов в своей повести показывает острый конфликт между людьми с различными жизненными позициями и изображает судьбы героев, а Н. Лугинов углублен в раскрытие внутреннего конфликта в душе своего героя. Поэтому в повести Е. Неймохова развертывается всеохватный во времени и пространстве сюжет, а повесть Н. Лугинова камерна. Е. Неймохов освещает актуальные проблемы современного общества, Н. Лугинов раскрывает глубинный, философский смысл бытия.

Проблематика произведения, прежде всего, вызвана сложными обстоятельствами действительности, отображаемой писателем в своем произведении: «Значительность и глубина проблематики зависит от того, насколько серьезны и существенны те противоречия самой действительности, которые писатели могут осознать благодаря особенностям своего миропонимания»[60]. И потому проблематика «представляет собой более активную сторону идейного содержания произведений»[61].

---

[60] Поспелов Г.Н. Проблемы исторического развития литературы. – М. : Просвещение, 1971. – С. 99.

[61] Там же. – С. 99.

Г.Н. Поспелов в истории литературы выделяет четыре основных типа проблематики: мифологическую, как фантастически-генетическое осмысление мира, национально-историческую, представляющую национальную судьбу народа, нравоописательную или этологическую, осмысляющую гражданско-нравственный уклад социальной жизни, состояния общества и отдельных его слоев, и романическую, исследующую личностное начало в общественном развитии[62]. К этим типам проблематики А.Б. Есин правомерно добавляет такую важную и основную проблематику, как философскую, «направленную на осмысление наиболее общих, универсальных закономерностей бытия общества и природы, как в онтологическом, так и в гносеологическом аспектах»[63].

В произведениях современных писателей преобладает романический тип проблематики, когда писатели свой огромный интерес проявляют к исследованию роли личности в общественном развитии, раскрытию богатства и сложности его внутреннего мира. В повестях Н. Лугинова видно, что писатель от романической проблематики движется в сторону философской: писатель, «осмысливая наиболее общие, универсальные закономерности бытия, общества и природы», ищет ответы на вечные философские вопросы бытия и человечества.

В своей первой повести «На Сергеляхе» Н. Лугинов, как молодой писатель, взялся показать образы молодых людей. Произведение стало многогеройным, то есть автор одновременно следит за судьбами всех своих героев. Такой принцип системы героев и сюжетосложения впоследствии он использует и в повестях «Таас Тумус», «Дом над речкой». Он рассказывает о судьбе пяти молодых специалистов, связанных студенческой дружбой. Более подробно раскрывается образ Михаила, как лидера их группы и как сложного характера. Он растет как ученый. Труд ученого не легок, он встречает трудности, личная жизнь также не ладится. Все это создает целостный характер Михаила. Характер Семена также раскрывается в процессе работы, он педагог-ученый, но на работе встречает различные препятствия. В начале пове-

[62] Там же. – С. 167 – 194.

[63] Есин А.Б. Время и пространство // Введение в литературоведение. – М., 2000. – С. 52.

сти автор многообещающе знакомит читателя с Сережей, рассказывая его детские впечатления и переживания, потому кажется, что именно он станет главным героем произведения. Но на этом повествование о нем прерывается. Никита и Айаан возникают лишь эпизодически. Герои между собой не вступают конфликт, писатель показывает, как они различны по качествам своих характеров. Михаил бойкий, от жизни хочет брать многое, Никита немногословен, Семен задирист и т.д.

Первая повесть Н. Лугинова - явно ученическое произведение, он идет по пути социально-психологической повести 1970-80-х годов, чувствуется влияние произведений Софр. Данилова. Автор стремится показать становление характера в процессе труда, но это удается лишь отчасти. Производственный конфликт не развернут, так как в своей повести автор не может угнаться за всеми параллельными линиями сюжета, второстепенные герои не играют значительной роли в сюжете произведения, некоторые вообще кажутся лишними в произведении. В молодежной тематике естественным образом возникает и тема любви. Но все эти линии только обозначены. Автор сумел показать своеобразную жизнь молодежи, их интересы и стремления, как они достигают своей цели и находят свои собственные пути в жизни. Но показ процесса становления характера отчасти удался в образах Михаила и Семена. Незавершенность сюжетных линий и недостаточное раскрытие характеров показывают неопытность писателя в создании крупного эпического жанра. А между тем по объему эта повесть писателя самая большая из всех остальных – 175 страниц. Она не только по объему, но и по своей задаче, по охвату действительности как бы стремится к роману. Эти задачи полностью были реализованы в романе писателя «Этажи». Что нового в якутскую прозу внесла эта повесть Н. Лугинова? Совершенно нова тема студенчества, проблемы молодежи, бытовые зарисовки узнаваемых мест привлекли внимание читателей. Автор поднимает проблему дружбы между людьми, союз верных друзей, отношения которых сохраняются в течение всей их жизни. Также писатель изображает жизненные ситуации, не деля своих персонажей на положительных-отрицательных героев, такая позиция по отношению к своим героям станет основным во всех его произведениях. С первой же повести писателя началось философское звучание его произведений –

в постановке нравственной проблемы о призвании человека и ценности бытия.

Затем тема молодежи продолжится в его повести «Поединок». Ньургун Кырбасов – спортсмен, чемпион многих крупных соревнований. В процессе поединка он изучает и познает характеры других людей, представителей других национальностей, но также познает и самого себя. Он открывает свои возможности, работает над собой, совершенствуется. В этом плане становление и возмужание характера писатель показывает достоверно. Ньургун – чемпион, победивший соперников, вместе с тем победивший самого себя, осилив свои слабости и обретя твердость духа. В повести показана связь поколений. Тренер Ньургуна Кирилл Маркович в повести имеет свою сюжетную линию. Писателю удалось раскрыть его характер как в труде, так и в личной жизни.

Тему молодежи и ее участие в современной жизни Н. Лугинов как бы завершает в романе «Этажи» (1980), в котором отображается жизнь столицы Якутии и современной интеллигенции, архитекторов, создающих образ будущего города. Писатель ставит проблемы «застойного» общества – отношение к работе и создание видимости достижений, погоню за мнимыми результатами, премиями, должностями, отношения людей, где преобладают «шкурные вопросы» собственного инстинкта, извлечение выгод для себя и т.д. Главный герой Айдар Быстахов – молодой специалист, борющийся за торжество справедливости, за высокие нравственные ценности, за творческий подход к работе и т.д. Но в своей борьбе он одинок, Мылаховы сильны, и его время еще не пришло. Город многолик, но издалека он видится единым, и Айдар думает, что их конфликт, как крысиная возня, также потеряет смысл, когда претворится мечта архитекторов – город будущего станет прорывом в вечность. Поэтому он полон сил, чтобы вновь ринуться в бой.

Роман имеет знаковое значение в творчестве Н. Лугинова: им завершается этап его становления как писателя и период его ученичества. В раскрытии образов – положительных и отрицательных, в постановке психологических, нравственных проблем, в разрешении конфликта, в способе повествования он выступил учеником Софр. Данилова и продолжателем его художественных традиций в якутской прозе.

В повести «Роща Нуоралджыма», как было выше сказано, Н. Лугинов утверждается как писатель со своим стилем и видением мира. Писатель впервые создает образы представителей трех поколений: бабушки, отца и внука. И отныне эти три поколения всегда будут представлены в его произведениях, олицетворяя связь времен и традиций народа. В лирическом повествовании автор создает прекрасный мир детства и особые отношения бабушки с внуком. Бабушка учит его любить родину, природу, людей и жизнь. Она всегда восхищается окружающей красотой – летом, солнцем, деревьями, птицами и т.д. Она, как представитель народа и мыслитель, уверена, что эта красота заполняет смысл существования человека, его связь в соприкосновении с вечным. Она учит слышать и понимать природу, жить с ней в согласии: «Птицы же здесь родились… Какая бы родина ни была, бедная или богатая, жаркая и холодная – нет без нее жизни ни человеку, ни птице… Все кругом живое и каждое дерево тоже. Да не все люди помнят это…»[64]. И маленький Нюргун бегает по аласам, разговаривает с небом, с деревьями, словно чувствуя их дыхание и мысли. Его детство проходит в полном единении с природой. Бабушкины наставления не только пригодятся в будущем внуку, но навсегда станут для него школой жизни. Мальчик видит, как бабушка любит жизнь, он чувствует боль ее сердца, души, как она страдает от потери своих любимых сыновей. На ысыахе она едва сдерживает свои слезы, будь здесь ее сильные, здоровые сыновья, победив в состязаниях и завоевав призы, порадовали бы всех сородичей. Нюргуну друг предлагает лучшее мясо от добытого его братом приза, но он, вспомнив бабушку, убегает прочь. Боль бабушки становится его собственной. «…бабушка, мне думается, помнила их, своих сыновей, каждый день, каждый час. Помнила молча, про себя. Так легче. Если она заговаривала о ком-нибудь, начинала рассказывать о его детстве, о том, когда и что он сказал или сделал, ей становилось тяжело. Она вдруг надолго умолкала, и, глубоко, прерывисто вздыхала, смотрела прямо перед собой неподвижными, полными слез глазами. И хотя я был еще совсем маленьким, но хорошо понимал – может, не столько умом, сколько своим детским сердцем – ее немую боль, ее безутешное горе…»[65].

---

[64] Лугинов Н.А. Роща Нораллджыма. Пер. С. Шуртакова – Якутск : Як. книж. изд-во, 1979. – С. 30.

[65] Там же. – С. 44.

Нравственная коллизия повести заключена в идее произведения. Бабушка всегда внушает и повторяет внуку: «Стань человеком! Стань человеком!»[66]. Из семерых сыновей, ушедших на войну, бабушка дождалась только двоих. Отныне ее гложет только одна мысль о продолжении рода, чтобы на земле оставалось ее многочисленное потомство, как было заведено со старины. Но «быть человеком» - это высшее предназначение человека, вечная, общечеловеческая проблема бытия, смысл жизни. Образ бабушки получился светлым и прекрасным. Она представляет собой национальный характер якутской женщины, душевной, заботливой, жизнелюбивой, стойкой и мудрой. Кажется, что она продолжает типичный образ бабушек в якутской литературе, например, Дарьи из романа Амма Аччыгыйа «Весенняя пора». Н. Лугинов раскрывает характер человека, прошедшего испытание обстоятельствами жизни: она, потеряв на войне сыновей, не перестает их ждать. Бабушка Нюргуна стоит на страже рощи Нуоралджыма, где должны были строить свои дома ее сыновья, как они обещали, возвратившись с войны. Но, все же, превозмогая свою душевную боль, страдания, пряча слезы, она соглашается отдать ее новой молодой семье – пусть на роще Нуоралджыма продолжается жизнь. Таково своеобразие национального видения мира: якуты издревле жили для будущего поколения, для продолжения рода и народа. Произведение Н. Лугинова в этом отношении сопоставимо с повестью В. Распутина «Прощание с Матерой» (1976). В обеих повестях бабушки, как хранительницы и защитницы народной жизни, стоят на защите своей «малой» родины. А.Н. Мыреева верно подметила, что «повесть Н. Лугинова типологически близка повестям В. Астафьева, В. Распутина, Ч. Айтматова. Его героиня духовно родственна бабушке Катерине у В.Астафьева, Евстолье у Ф. Абрамова, старухе Анне и старухе Дарье у В. Распутина. Они являются выразительницами народного взгляда на мир, на природу, духовными наставниками молодых»[67]. У писателей образ старого человека, хранящего традиции народа, становится ключевым в создании национального характера.

---

[66] Там же. – С. 16.

[67] Мыреева-Баишева А.Н. Литература и время: статьи. – Якутск: Бичик, 2010. – С. 114.

В повести Н. Лугинов показывает послевоенную жизнь, которую он часто изображает в своем творчестве. Как правильно отметил А.А. Бурцев, «во многих произведениях Н. Лугинова событием, создающим эпическое состояние, служит Великая Отечественная война»[68]. Война – точка отсчета у писателя, так как он более всех превозносит поколение, испытанное ее лишениями, трудными событиями. Характер у представителей этого поколения стойкий, жизнелюбивый, они мудры и терпеливы. Повесть «Роща Нуоралджыма» типологически сходна с повестями Чингиза Айтматова «Джамиля», Мустай Карима «Долгое – долгое детство», в которых также повествуется о военном и послевоенном детстве, о поколении, опаленном войной. Пора детства, как особый этап становления личности, всегда интересовала писателей-прозаиков. И такие крупные писатели, как Л. Толстой, М. Горький этой теме отдали свою дань, и их произведения «Мое детство», «В людях» сыграли определенную роль в становлении биографического жанра. Например, в якутской литературе роман Амма Аччыгыйа «Весенняя пора» также возник на их традициях.

В детстве маленький человек смотрит на мир по-особому, во-первых, потому, что он ребенком открывается и воспринимается впервые, и при этом его взгляд удивительно зорок, свеж, во-вторых, передается ощущение непредвзятого, чистого человека, начинающего свою жизнь и ждущего от него чуда. Впечатления детства яркие и незабываемые, оставляют след в памяти человека на всю жизнь, при этом у каждого человека они воссоздаются в своеобразных деталях: «Я почему-то с неизбывной тоской вспоминаю старый пенек, стоявший на дворе моего родного дома. Такая память является моим личным богатством, а если б ее не было? Тогда мое представление о жизни было бы беднее, скуднее»[69]. В повести «Роща Нуоралджыма» выявляются черты автобиографизма.

---

[68] Введение в историю якутской литературы. – Якутск : Сахаполиграфиздат, 2004. – С. 177.

[69] Лугинов Н.А. Роща Нораллджыма. Пер. С. Шуртакова. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1979. – С. 87.

Н. Лугинов сам вырос в послевоенной атмосфере, хорошо знал эту жизнь и это поколение. Война, всколыхнув жизнь народа, внесла в нее трагедию и неизбывную боль, которая долго заживала и долго отзывалась в судьбе людей. Собственно тема войны затронута писателем в его раннем рассказе «Айгылла», в котором главный герой в последние дни жизни явственно видит свою родную землю и людей. Его трагедию усиливает то, что он не понимает русской речи, лишь по выражению лиц окружающих его раненых и врачей понимает, что жить осталось считанные дни. Это было поколение закаленных людей.

Жизненная школа самого писателя способствовала достоверному отображению действительности и передаче своеобразия национального сознания, мировосприятия народа. Писатель имеет возможность не только отображать, но и создавать, творить свое видение мира. Поэтому Г.Д. Гачев пишет: «Мы имеем счастливую возможность: постигая наш профессиональный предмет – художественную литературу со стороны образности, характеров, конструкций (произведения и фразы) и т.д. – достигать знания о народном миросозерцании в целом. Художественное произведение – это как бы национальное устройство мира в удвоении»[70]. Таким образом, художественная концепция человека и действительности Н. Лугинова в повести «Роща Нуоралджыма» имеет глубоко национальные корни, которые получат свое дальнейшее развитие в его творчестве. Повесть «Роща Нуоралджыма» имеет огромное значение в эволюции автора: Н. Лугинов утверждается как писатель с собственным мировидением и поэтикой, также он своей повестью вносит огромный вклад в развитие современной якутской прозы.

В повестях «Танец», «Улыбка старика» писатель остро ставит нравственную проблему современности, которая выливается в конфликт поколений, отцов и детей. Главная героиня повести «Танец» Анна – простой человек со своими проблемами в жизни. На работе ее опять обходят при выделении квартиры. В советское время власть распределяла квартиры, что вызывало конфликты в коллективе и обостряло нравственную сторону проблемы. Однако в повести эта проблема не выходит на первый план, хотя Анна мечтает получить новую квартиру,

[70] Гачев Г.Д. Национальные образы мира. – М. : Советский писатель, 1988. – С. 52 – 53.

так как долго стояла в очереди на получение квартиры и живет в ветхом доме с запахом сырости, к которому она за долгие годы успела даже привыкнуть. Ее проблема в отношениях с детьми: с сыном и невесткой, с которыми они расходятся во взглядах на жизнь. Дети ценят практическую сторону жизни, живут ради материальных благ и собственного обогащения. У Анны муж погиб на войне, она успела познать лишь несколько месяцев семейного счастья. Сына воспитала одна, она ждала, что он, став взрослым, станет опорой для нее. Она тогда не считала себя одинокой, была по-своему счастлива, так как любила и лелеяла единственного сына. Но на старости лет ей придется остаться одной. Сын ее предает. На празднике, когда собрались благополучные, сытые гости, мать уловила взгляд сына, которому было стыдно за нее, за ее простоту и бедноту. Но она не рассердилась за это на сына, наоборот, пожалела его. Предательство сына в том, что он отвернулся от матери и выбрал другой путь в жизни. Став зятем благополучной, зажиточной семьи, он кардинально изменился. А Анна хочет нянчить свою внучку, к которой ее не подпускают. Здесь также возникает образ третьего поколения – внучки, которая тянется к бабушке, тем самым как бы смягчая ее душевную боль. Скоро день рождения невестки, сын заказывает матери продукты для праздника, но ее саму пригласить забывает. А Анна на свои сбережения купила для невестки серьги с бриллиантами, чтобы как-то порадовать ее. Когда Анна сидит в одиночестве, устав ждать детей, внезапно раздается телефон, звонит сын и радостно благодарит мать: «Мама, спасибо тебе за такой подарок, мы об этом только что узнали, сейчас же за тобой заедем»[71]. А им позвонила ее подруга, зная страдания Анны и жалея ее. А ведь больше у нее не осталось денег. Что же ждет ее впереди?

Спасением для Анны является искусство, театр, где она отдыхает душой. Она – театрал, не пропускает ни одной премьеры, артистов знает наперечет и в лицо. Анна любит саму атмосферу театра, где люди будто меняются. В театре она соприкасается с миром прекрасного, забывает повседневные проблемы жизни. Это как бы ее вторая жизнь.

[71] Лугинов Н.А. Танец // Таас Тумус [Текст]: повести (на якут. языке) / Н.А. Лугинов. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1984. – С. 222.

Здесь она встречается с постоянной публикой, с которой здоровается и чувствует себя среди них своей. Это ее мир. На улице она нечаянно замечает приму-балерину со страдальческим лицом и слышит как она восклицает: «За что же мне такое наказание, преследующее меня повсюду?»[72] (Пер. наш.) Анна удивлена, она считала ее небожителем, человеком из другого прекрасного мира. А она, оказывается, страдает и мучается так же, как и она сама. Значит, жизнь действительно трудна не только для нее, но и для небожителей. Она так одинока, что хочет найти себе родственную душу, и мысленно она как бы сближается с балериной. Но все вокруг ей чужие, все – в маске. В Анне видим образ «маленького» человека, ощущающего себя лишним в обществе. Она всего боится. Придя в гости к своим детям, живущих у родителей невестки, она заходит с боязнью, как будто обивает высокие пороги властьимущих людей. Тесть ее сына, в прошлом большой начальник, не оставил своих барственных замашек, свысока смотрит на Анну и разговаривает с ней нехотя, сквозь зубы. А когда внучка захотела идти вместе с бабушкой, он запрещая ей общаться, рычит своим мощным голосом. Говорит, что у нее дом затхлый, сырой, и ребенку там находиться небезопасно. И даже театралы на улице словно меняются, проходят мимо нее, не узнавая и не здороваясь. Анна воспринимает это как должное, она знает свое место в этом обществе. Только ждет любви и участия от своих детей, чтобы на старости лет не оказаться выброшенной за борт жизни. Таким образом, в повести, как и в «Роще Нуоралджыма», писателем созданы представители трех поколений рода – бабушка, сын и внучка. Но на современном этапе жизни их отношения разительно изменились. Проблема «отцов и детей» выходит на первый план.

В этом произведении воплощена писательская концепция о сложности современной действительности и отношений между людьми. В повести сильна нравственная коллизия: мир не прост, он многогранен, каждый человек в нем находит и зло, и добро. Н.А. Лугинов создает в повести полнокровный образ женщины. Обычно главными героями его произведений становятся мужчины.

[72] Там же. – С. 204.

В повести «Улыбка старика» конфликт поколений в современном обществе писателем также выводится на первый план. Старик Сылкан – житель просторной, бескрайней тундры, где прошла вся его жизнь с самого рождения. Он вспоминает, как побывал в центральных городах, где чуть не умер от тоски по родине, от затхлого воздуха и многочисленных толкающихся людей. Шумные города вновь и вновь всплывают в его памяти и являются в страшных снах. Он дал себе зарок: больше никогда не отлучаться от своей земли. Но угроза, что он может навсегда расстаться с тундрой, снова возникла. Его сын, большой начальник, директор совхоза, властный человек, велел отцу перебраться на старости лет в поселок. Старик любит свою вольную жизнь, свежий воздух, влюбленными глазами наблюдает за оленями, которых знает наперечет, изучив их повадки, улыбается и радуется, когда с ними все в порядке. Своего союзника он находит во внуке Тектее, который рос рядом с ним и так же любящего оленей, собак, тундру, летнюю и зимнюю. Он, окончив школу, решает остаться в стойбище, чему дед не может нарадоваться. Но у отца другие планы – отправить сына учиться. В параллельном сюжете писатель изображает олененка Кыылчаан (Зверек), названного так потому, что он наполовину дикий. Дикий олень, крупный и красивый, сильный и храбрый, влюбившись в важенку, тайком от пастухов кружился вокруг нее. И в итоге родился Кыылчаан. Необузданная кровь отца дает о себе знать, Кыылчаан с детства не подпускает к себе людей, как бы те ни пытались его приручить, его взгляд обращен вдаль, в бескрайность тундры. И он убегает от стада: «Он летел навстречу северу»[73]. Он ищет вольные земли. Кыылчаан становится образом-двойником юного Тектея, который также убегает из отчего дома в тундру. Он сообща с дедом решается выступить против отца. Может, дед и внук, как и Кыылчаан, победят?! Свобода человека в самоопределении, в выборе жизни – эта проблема становится основной в отношениях между поколениями.

Как и в повести «Роща Нуоралджыма», старик защищает свою «малую» родину. Писатель изображает отношения между дедом и внуком.

[73] Лугинов Н.А. Улыбка старика // Дом над речкой: повести и рассказы. Пер. В. Перегудова. – М. : Современник, 1988. – С. 204.

И как в повести «Танец», возникает конфликт отцов и детей. Такая связка старики-сыновья-внуки испокон веков в якутском народе была сильна, крепка и преемственна. Но у писателя эта цепочка словно обрывается, из нее выпадает среднее звено – поколение «застойного» времени. Они оторваны от народной жизни, от родного аласа. Возвращение внуков усиливает оптимистическое видение писателем мира и будущего народа.

В повести Н. Лугинова «Паводок листопада» также выведены представители трех поколений: старик Лэкэ, Константин и Митэ – взрослые люди и юный Аллан. Но они не связаны родственными узами, а все вместе составляют бригаду сенокосчиков. Аллан на сенокосе как бы только присутствует и наблюдает за всем происходящим со стороны, потому что его манят дальние края. Он весь устремлен в будущее и живет в своих снах и мечтах. Писатель говорит, что Аллан в юношеском своем неведении, даже не подозревал, что, оказавшись далеко от родины и добившись своей мечты, он всегда будет возвращаться в своих мыслях к этому лету. Летом капли росы, оживляя деревья, красиво сверкают на их листьях, но осенью они уйдут с паводком, а с листьев уйдет жизнь, они пожелтеют, усохнут. Так и человек в повседневной суете, в работе, в погоне за призрачными ценностями забывает свою родную сторонку, но она со временем всплывает в его памяти и отдается болью в его сердце, потому что человек без родины, родной природы иссушится, как листья без воды. Таков внутренний душевный конфликт, и нравственная дилемма, перед которой оказывается современный человек, должна быть разрешена.

В повестях «Таас Тумус», «Дом над речкой», как и в повести «На Сергеляхе», Н. Лугинов одновременно прослеживает за судьбами нескольких героев. Но в них писатель исследует характеры совершенно новых героев, и ставятся другие проблемы. На первый план повестей выходит проблема испытания человека жизненными обстоятельствами. Характер человека раскрывается писателем в момент его душевного надлома, когда он собирает все свои внутренние духовные силы. Таким образом, усиливается нравственное звучание в постановке проблемы жизни общества. В советской литературе показывалось, как герои побеждают трудности, обстоятельства и строят жизнь. Писатели создава-

ли образ всесильного, побеждающего человека. В произведениях Н. Лугинова, наоборот, обстоятельства жизни испытывают человека на прочность.

Сюжет повести «Таас Тумус» состоит из повествований о судьбах главных героев: Тойбола, Михея, Ексю, Одона, Сардааны. Тойбол – одинокий старик, живущий в ожидании возвращения дочери. Когда-то он был молодым и сильным, охотником и добытчиком. Он влюбился в Дайыс, с которой создал семью, построил дом. Но счастья у них не было, случались трагедии. Старшая дочь, играя, уплыла в лодке неизвестно куда. Тойбол искал ответа у реки, но величественная река Лена, словно рассердившись на то, что ребенка оставили без присмотра, бурлила и навсегда укрыла девочку в своих волнах. Когда Тойбол ушел на охоту, беременная Дайыс умирает в родовых схватках, родив будто бы мертвого ребенка. Тойбол остается одиноким и навсегда уходит в тундру. Состарившись, он опять возвращается в селение Таас Тумус и свои дни коротал на берегу реки, веря в возвращение старшей дочери. В этой жизни старик хочет оставить свою кровинку, продолжение своего рода, ведь его старшие братья погибли на войне. Так и не дождавшись дочери, но с надеждой на ее возвращение на родину, он умирает: «Тойбол ждал свою дочку, ждал, пока вплотную не подступил к нему желанный конец. Ожидание было его последним чувством, уже перестав различать свет, он все еще прислушивался, не послышится ли шорох шагов приехавшей дочери. Ждал… Казалось, он продолжал ждать и после смерти»[74]. Отныне его могила будто сторожит Таас Тумус. Такова история жизни Тойбола.

Писатель раскрывает характер боцмана Михея, бесшабашного человека, балагура и весельчака, проведшего свою жизнь, плавая по реке Лене. Он не создал свою семью, не построил дом, но доволен своей жизнью, своими похождениями и приключениями. На его взгляд, у него все есть – работа, деньги, друзья-товарищи, любовь женщин, которые ожидают его на берегу. Во всем этом он видит счастье своего существования. И по характеру своей работы он не признает оседлую жизнь и считает себя абсолютно свободным человеком. Но он, как и

[74] Лугинов Н.А. Таас Тумус // Пути земные, пути небесные. Пер. А. Дмитриевой. – Якутск : Бичик, 2007. – С. 83.

Тойбол, на старости лет оказывается в одиночестве. Однако в отличие от него писатель в Михее создает образ «временщика», ценящего в этой жизни миг, сиеминутное наслаждение благами жизни. Его образ похож на «маленького» человека, отстраненного от действительности, но он ни то, ни се, он не задавлен обстоятельствами, но и не творит жизнь. В чем смысл его жизни? Писатель недаром сравнивает образ его жизни с рыбой, которая плавает по своему усмотрению и не имеет постоянного пристанища. Даже внешне он похож на рыбу, автор постоянно подчеркивает его рыбьи уста: «Раздувая запавшие щеки, как рыба жабры, он что-то без устали рассказывает»[75]. Михей – это образ временщика, ставшего сквозным в творчестве Н. Лугинова.

Ексю – мать двух дочерей. Отец старшей дочери Вали погиб, работая на шахте. Сама детдомовская, бездомная, Ексю с мужем испытала радость недолгой семейной жизни и познала настоящую любовь. Потом она встретила Михея, которого по-своему любила и жалела. От него родила вторую дочь. Она живет своей жизнью, хранит память о первом муже, но встречает и привечает Михея, который по волне жизни иногда приплывает к ним.

Одон – капитан парохода. Он не боится трудностей, работящий человек. За это его все уважают, он в почете, за самоотверженный труд его признает и ценит власть. Со стороны кажется, что он прожил большую красивую, наполненную смыслом жизнь. У него жена и дочь, дом, где его встречают и ждут. Он любит вспоминать ласки дочери, от которой веет теплом, домом, дочерней любовью и детским восхищением. Но его счастье призрачно. Все герои повести, кажется, отделены друг от друга, их не связывают никакие отношения друг с другом. Кроме Михея, который ведя бродячий образ жизни, был со всеми знаком. Но одно событие всех их связывает и скручивает в один тугой узел. Оказывается, ребенок, рожденный Даайыс в экстремальных условиях, остался живым. Одон и его жена очень долго мечтали о ребенке. И когда Михей сказал о том, что Одон может взять себе спасенного им младенца, он без колебания прижал ребенка к себе, отнес жене, назвал Сардааной и воспитал, как своего собственного ребенка. Но, в конце

[75] Лугинов Н.А. Таас Тумус // Пути земные, пути небесные. Пер. А. Дмитриевой. – Якутск : Бичик, 2007. – С. 101.

концов, этот случай ворвался и возвратился бумерангом в его жизнь. Михей, который все знал, признался, что Тойбол является родным отцом Сардааны. Одон понял, какую непоправимую ошибку сделал он в своей жизни, сломал судьбы людей, вторгся в чужую жизнь, украл счастье Тойбола. Своей дочери он оставляет предсмертное письмо, в котором признается в содеянном.

Сардаана росла дочкой капитана, у нее было безмятежное счастливое детство, которое прошло в достатке и любви родителей. Однако, прочитав письмо отца, она приходит в смятение: «Кто я? Выходит, никто»[76]. Она понимает, что прожила чужой жизнью.

Тойбола все жалеют. Капитан Одон восклицает: «Ради чего прожил он, словно истукан, видный издалека, с парохода, сидящий на берегу?!» Как только пароход выплывает с поворота реки, перед ним предстает гора Таас Тумус, на вершине которой сидит Тойбол, и Одон, отплывая далеко, наблюдает за ним, пока он не превратится в точку: «Думал Одон, думал, но так ничего путного и не придумал. Пусть Тойбол и не подозревал о существовании дочери (откуда он мог знать об этом), но о его существовании невозможно было забыть. Так же как, проплывая по Лене, невозможно было пройти мимо, не заметив Таас Тумуса»[77]. Так ли никчемна жизнь Тойбола? Тойбол – не «маленький» человек. Он, как представитель народа, является «срединным» (простым) человеком среднего мира. То есть, по народному мышлению, человек в этом мире должен полностью испытать на себе и выдержать все жизненные невзгоды, выпавшие на его долю. Таков его удел на этой земле и суровый закон бытия, которые были пережиты многими поколениями народов Севера. Только такой человек, храбро и достойно выдержавший эти жизненные испытания, был уважаем среди народа. Тойбол – истинный сын своего народа, постигший смысл бытия он представляет собой национальный характер. Несомненно, он взят из действительной жизни, в окружении таких людей рос сам писатель. Коллега, давний друг Н. Лугинова А.А. Ким, так вспоминает об отце писателя: «Я познакомился с ним (Н.А. Лугиновым – Т.П.) лет 30 назад

---

[76] Лугинов Н.А. Таас Тумус // Пути земные, пути небесные. Пер. А. Дмитриевой. – Якутск: Бичик, 2007. – С. 121.

[77] Там же. – С. 111.

в Пицунде, в Доме творчества писателей. Жил он там вместе с престарелым отцом, недавно овдовевшим; они всегда держались вместе, сын был трогательно заботлив к старику, который молча, бесстрастно и внимательно взирал на все окружающее…»[78]. А.А. Киму отец Н. Лугинова показался истинным северянином, умеющим наблюдать и анализировать.

Тойбол надеется, что старшая дочь должна помнить своих родных и родные места. Однако выжила другая, младшая дочь. Сардаана приходит на могилу Тойбола. Запоздалая встреча родных душ оправдывает надежду старика. И он вдвойне должен быть счастлив, потому что Сардаана с собой привела и его внука. Таким образом, у его могилы как бы встретились три поколения, значит, жизнь Тойбола и его рода продолжается.

В повести изображается жизнь послевоенного поколения. Но жизнь меняется на глазах. Тойбол, сидящий на берегу и наблюдающий за проплывающей мимо него жизнью, людей с парохода воспринимает как чужих, далеких пришельцев. Они ведут другую, непонятную ему жизнь. Он не может сказать, хорошо это или плохо. Но одно понимает ясно, что это чужая жизнь, от которой он отгородился рекой. Он, только раз посмотрев на человека своим охотничьим взглядом и чутьем, сразу определяет: свой или с парохода. Люди с парохода шумные, суетливые, рыскающие в поисках сомнительных удач и счастья. Это в полной мере относится к Михею. Но, оказывается, в глазах Тойбола он не одинок. Маайыс, в прошлом его соседка и подруга его Даайыс, вдова погибшего на войне человека, сначала вместе с Тойболом несет груз прошлых лет. Но, приглядевшись к ней, Тойбол с удивлением обнаруживает в ней черты человека с парохода. Почему она изменилась? Она оторвалась от жизни народа и, как все современные люди, погналась за материальными благами.

В повести «Белый пароход» Чингиза Айтматова мальчика завлекает белый пароход с его многочисленными огнями, музыкой, как иная счастливая жизнь. И он уходит к нему, то есть погибает в воде. А Тойбола чужие края, чужое счастье не привлекают, он живет своей жиз-

[78] Ким А. О путях земных и небесных // Пути земные, пути небесные. – Якутск : Бичик, 2007. – С. 6.

нью. Жизнь Тойбола приобретает высший смысл бытия человека на земле. Он – философ, понимает глубинные механизмы действительности и мудро оценивает жизнь.

Писатель в своем произведении раскрыл характеры людей разных национальностей, представляя сегодняшний пестрый мир. Тойбол – эвенк. Характер его основателен, последователен, тверд, он умеет мудро воспринимать окружающий мир и знает свое место в нем: «…ничего не поделаешь, испокон веков у жителей Севера заведено: раз решил, взвесил все по-настоящему, так тому и быть» (Пер. наш.)[79]. Он, как и подобает северному мужчине, – охотник, любит тайгу, верен своей семье, роду. Он – защитник рода, кормилец и добытчик в семье. Как эвенк и человек Севера, он очень близок с природой и живет в согласии с ней. Тойбол вспоминает счастливое время охоты вместе со своими братьями, когда они все были вместе, были молоды и счастливы, и природа была богатой, нетронутой: «Тогда в ущельях Яны белок было полным-полно. Если удастся, за день убивали по 20-30 белок. Утром все четверо расходились в разные стороны, а вечером собирались все вместе. Все соревновались, кто больше настреляет» (Пер. наш.)[80]. Человек и природа были свободны в своем естественном развитии. В новые времена все разрушается, исчезают многие виды животных, птиц, рыб, и их приходится защищать от самих людей. Он отпускает осетра, попавшегося в его сети: «Вряд ли что-нибудь изменится в моей жизни, если я и съем тебя. Плыви, плыви, кому суждено, тот тебя и поймает… Спокойствие дороже. Это последнее, что у меня осталось»[81]. Его жалеют, считая, что жизнь его прожита напрасно. Но Тойбол знает, понимает свой удел и свое назначение. В этом высокая нравственная сила и чистота его характера. Глубинная идея произведения заложена в судьбе Тойбола, как представителя малочисленного, исчезающего народа. Поэтому изменяющийся мир им воспринимается по-другому, как раньше и теперь, при этом он к современной действительности относится с недоверием.

---

[79] Лугинов Н.А. Таас Тумус // Кустук. – Якутск : Бичик, 2003. – С. 58.

[80] Там же. – С. 57.

[81] Лугинов Н.А. Таас Тумус // Пути земные, пути небесные. Пер. А. Дмитриевой. – Якутск : Бичик, 2007. – С. 75.

Одон – юкагир, человек, любящий труд, преданный своим идеалам. Характер у него железный, несгибаемый, принципиальный.

Родная дочь Михея от него отказывается, она сурова, а приемная, Валя, наоборот, принимает его, относится к нему с нежностью, ласково, хочет его понять и помочь. У нее отец – русский, и ее широкая русская душа жалостлива и сердечна. А Михей – человек без роду, без племени, без национальности. Ему так удобнее жить, он всегда и везде свой. Писатель показывает, как в современном мире у людей начинают стираться национальные различия. Но человек, не знающий своей национальной принадлежности и своих корней, «как Фома, не помнящий родства», теряет свое истинное лицо. В этом трагедия людей-«временщиков». Их время пройдет, и их жизнь также пройдет. Писатель, сталкивая позицию жизни представителей народной жизни и временщиков, однозначно осуждает отношение вторых к действительности и к миру.

Повесть «Дом над речкой» Н. Лугинова по объему является одной из больших, вслед за произведением автора «На Сергеляхе», содержит в себе около 160 страниц. Под стать ему и содержание повести, в ней автор повествует о судьбе главного героя и в параллельных линиях сюжета дает историю судеб других героев. Сюжет испытания характеров также выходит на первый план произведения.

Главный герой повести – Макар Находкин. Он участник войны, после которой всю жизнь посвятил экспедициям, искавших месторождения алмазов. Макар, как и Михей из повести «Таас Тумус», человек безродный, он не знает своих родителей, какой он национальности, он воспитанник детдома. Потому и войну пережил намного легче, считая, что терять ему нечего. А по жизни ему приходится плавать словно рыба, как и Михею. Но если в повести «Таас Тумус» писатель изображал судьбы людей, их преломление через экстремальное событие, то в повести «Дом над речкой» автор показывает судьбу человека в трудных жизненных ситуациях, поставив цель – проследить за изменениями его характера. Писателю важно раскрыть внутренний психологический конфликт, происходящий в человеческой душе.

В группе экспедиции собрались разномастные люди. Как говорит их начальник, на такую трудную работу годны лишь бродячие люди. Если в повести «Таас Тумус» образ временщика был воплощен в Михее, то в

повести «Дом над речкой» писатель представил перед читателями целую галерею таких образов.

Василь Ситуха потерял во время войны всю свою семью, сам он из Белоруссии. С неизбывной тоской вспоминает свою речку Вилия, но он знает, что вряд ли возвратится на родину и, наверное, будет похоронен на берегу северной реки Вилюй. Трагические обстоятельства жизни вынудили его покинуть родной край и скитаться по белу свету. Ситуха – непутевый, бездомный человек, не желающий даже как-нибудь изменить жизнь, все заработанное спускает только на алкоголь. И действительно, он умирает в пьяной драке. Ситуха понимает бессмысленность своего существования, но выбраться из этой ямы он не хочет и не может. В повести отмечается, что в современной жизни таких людей-«временщиков» становится все больше.

Молодой парень, Андрей, часто вспоминает свою старую мать и родную деревеньку. На Север он приехал за романтикой. Но его жизнь с самого начала катится по наклонной вниз: совершает преступление – крадет найденный им крупный алмаз, сам не понимая, почему совершил такое. Не для обогащения, а только для того, чтобы насолить высокомерному начальнику, который их и за людей не считал, в них видел только рабочую силу и средство для достижения своей собственной славы. Или из-за своей глупости, или, как говорится, «от нечего делать». Он попадается только потому, что сидя пьяным в ресторане и забавляясь, алмазом начинает резать бокалы. Молодого человека упекают в тюрьму, его ничто не может спасти, потому что он совершил государственное преступление. И умирает, подхватив на зоне туберкулез. Такова судьба человека, неумно распорядившегося собственной жизнью.

Барахов, напротив, работает для того, чтобы разбогатеть и осесть в городе. Он мечтает о теплой, сытой жизни. Такая позиция Макару не нравится, даже противна. В конце повести Барахов - разочаровавшийся в жизни человек, его мечты о спокойной, счастливой жизни разбились, проблемы жизни настигли его и здесь. Он остро ощущает свое одиночество.

Начальник экспедиции Зайцев мечтает о карьере, о высокой награде, чего и достигает. В конце жизни у него есть все: деньги, слава,

квартира в Москве. Но душа его неспокойна. Все его мысли о работе на приисках, как там они справляются без него. Но в его услугах уже никто не нуждается, все идет своим чередом. Зайцев также чувствует себя одиноким. Макар его видел только издалека, как большого руководителя, степенного человека. Но как в гнилом яблоке, в его душе большой разлад. Он никогда не чувствовал себя свободным человеком, при должности он ощущал себя опутанным цепями. Макар, словно ходоки Н. Некрасова из поэмы «Кому на Руси жить хорошо?», наблюдает за судьбами других людей и так же не находит ни одного счастливого, довольного своей жизнью человека.

Сам Макар также любит бродячий образ жизни. Таким он родился и не собирается что-либо менять. Свою скоропалительную женитьбу на городской девушке считает непоправимой ошибкой жизни и с содроганием вспоминает дом ее родителей с высокими заборами, который воспринимается им как тюрьма. Макару там не хватало воздуха и простора, ему не нравился образ жизни этих людей. «Как можно все время сиднем сидеть дома?» - восклицает он[82]. Герою они представляются кулаками. Он зарабатывает деньги, затем хорошо гуляет, ездит, для него деньги сами по себе ничего не значат. Лишь неожиданная встреча с Аграфеной, пышущей здоровьем молодой женщиной, уютной хозяйкой, умелой сельской работницей, всколыхнула его сердце. Он обещает обязательно к ней вернуться и в своих мечтах видит себя семейным счастливым человеком. Но его ноги до нее не доходят. Ее образ остается для него лишь отголоском несбывшейся мечты о доме, семье. Макар выбирает свободу. Для него быть свободным от всего - большое счастье, и он наслаждается своим одиночеством.

Все в его жизни меняется после его встречи с сыном. Друзья отговаривают Макара от отъезда к нему, утверждая, что он хочет воспользоваться его средствами. Но у него такой сын, которым может возгордиться любой отец. Тит (что означает ливственница) сам крепко стоит на своих ногах, он прокурор, семьянин, отец. Бабушка и дедушка воспитали его как человека, помнящего свои корни и защищающего свой дом. Тит говорит о том, что в современной жизни не только «времен-

[82] Лугинов Н.А. Дом над речкой // Дом над речкой: повести и рассказы. Пер. В. Карпова. – М. : Современник, 1988. – С. 218.

щики», но все люди стали как бы кочевниками, непривязанными к родной земле. Таков образ жизни современного человека, специалиста. Тит по характеру своей работы жил во многих местах, но ни одно из них не считал своим домом. Молодой человек начинает осознавать, что ему не хватает родной души, мужского плеча, отца-советника. Тит с друзьями спорят о теории вероятности и случайности. Если бы его мать не встретилась с Макаром, он мог не родиться, не встретился бы со своей любовью, не родил бы сына. Он благодарен отцу за то, что тот подарил ему жизнь. Он с ним знакомится, постепенно приучает его к родственным отношениям и внушает мысль о постройке их общего дома. Отец и сын вместе строят дом, в котором они будут жить все вместе. Писатель опять показывает три поколения человеческого рода: деда, отца и внука. Связь деда с внуком опять же становится доверительной, дружеской. Однако в этой повести в роли мудрого человека выступает не старец, а сын Макара, представитель среднего поколения, он учит уму-разуму отца и направляет его по истинному жизненному пути. Писатель верит в то, что, если среднее поколение возвратится к своим корням, то жизнь может наладиться.

Повесть «Дом над речкой» завершает цикл повестей в творчестве Н.Лугинова, когда он работал над социально-психологическими произведениями. В этой повести все проблемы его произведений объединены и укрупнены. Человек возвращается к своим корням и строит свой дом.

Повесть «Высокие острова» вышла в 1988 г. Она стоит особняком от его социально-психологических повестей, представляя собой переходный период в творчестве Н. Лугинова. В ней рассмотрены проблемы жизни прошлых лет, хотя прямых отголосков наступившего времени «перестройки» в ней нет. Но все же можно провести параллели с повестью Софр. Данилова «Пашня» (1986). Так же, как и в повести Софрона Данилова, Николай Лугинов в своем произведении показывает старшее поколение общества, которое подводит черту под своей жизнью и выявляет ее итоги, пересматривая собственную жизнь. В повести Н. Лугинова все представители старшего поколения имеют разные, противоположные позиции в своей жизненной установке. Если у Софр. Данилова два старика противопоставлены друг другу, то у

Н. Лугинова их трое. Охоноон – человек без компромиссов, безжалостно относящийся к себе и другим. Его жена, приемные дети живут материальными интересами, ищут выгоды в ветеранстве Охоноона. Семен Матахов, наоборот, всегда был на руководящих должностях, умел управлять и жить, подлаживаясь требованиям времени и пользуясь благами жизни. А их друг, одноклассник Дмитрий – большой ученый, высокообразованный человек, городской житель. Но он жил как бы не по своей воле, в семье верховенствует жена, на работе действовал по указке начальства и свои идеи не воплотил ни в науку, ни в жизнь. Все говорят, что они, как «маленькие люди», не могли повлиять на ход неумолимой истории. А в их жизни было все: война, плен, конфликты на работе, смерти близких, репрессии. Они хотят снять с себя ответственность за происходящее в их обществе и оправдать собственное бессилие. А кто виноват? У писателя в этой повести огромную роль играют события и обстоятельства. Действительно, жизнь военного времени и советской диктатуры сломала их судьбы. Они признают себя несчастными, «маленькими» людьми. Только далеко от берега, на острове, окруженном водой, в одиночестве они чувствуют себя уютно. Интересна и трактовка писателем женских образов. Все они отрицательны. Жена и невестка Охоноона любят жаловаться на неустроенность и трудности жизни. Дочь, и жена Дмитрия не довольны им, неумеющим пользоваться благами и льготами ветерана войны. В них нет ничего привлекательного, они языкасты, сварливы, вечно недовольны и злы. Жена Охоноона даже не умеет готовить, в семье нет лада. Конфликт поколений, «отцов и детей» в данной повести крайне обострен, что связано с происходящими глобальными изменениями в обществе. Но что настораживает, это то, что в повести нет представителя третьего поколения, ребенка, олицетворящего оптимистический взгляд автора на будущее. Возможно, в повести отражено не самое лучшее время самого писателя, стоящего на перепутье и задумавшегося о дальнейших путях в своем творчестве.

Мужчины представлены писателем людьми, несущими груз времени и выдержавшими испытания жизни. Все они выбирают разные пути в выживании в этом мире, но в конце жизни у них нет ощущения счастья. Писатель оглядывается на прошедшую жизнь общества, и, дей-

ствительно, годы войны, репрессии прошли через судьбы мужчин, они прошли все испытания трагическими обстоятельствами.

В своих повестях с проблематикой романического типа Н. Лугинов показывает жизнь современного общества и его проблемы, акцентируя свое внимание на нравственную сторону конфликта. В повестях молодых прозаиков 70-х годов ставилась нравственная проблематика, где все они идеализирует поколение отцов. Но П. Аввакумов, Е. Неймохов, Э. Соколов, В. Титов ищут положительного героя в современниках и связывают свои надежды на будущее с молодым поколением. В. Гаврильева и Н. Лугинов не доверяют среднему поколению, обвиняя их в отходе от народной жизни и погоне за материальными, мнимыми ценностями. Н. Лугинов в своих повестях 70-80-х годов создает национальный образ мира и выписывает народные характеры.

2.2. Общечеловеческие, вечные ценности

Появление философских повестей Н. Лугинова – это не неожиданный поворот в творчестве писателя, а подготовленный уже ранними произведениями результат его художественных поисков. В своих образах, проблемах и темах они созвучны с социально-психологическими повестями автора и во многом продолжают их традиции. О философичности всех произведений писателя говорилось много. В этом плане особенно характерна повесть «Таас Тумус», которая во многом сыграла решающую роль в рождении философских произведений писателя. Герои повестей Н. Лугинова – бабушка Нюргуна, Тойбол, как и подобает национальному характеру, сами выступают в роли философов, мудро объясняющих и воспринимающих окружающий мир.

В его философских произведениях усиливается художественная концепция человека и действительности, автор призывает читателей к сотворчеству, размышлению и решению проблемы. В якутской литературе писателями-философами были такие классики, как А.Е. Кулаковский, А.И. Софронов, П.А. Ойунский, ставившие глобальные проблемы человечества, народа и эпохи. В неспокойную эпоху начала XX века они задумывались над путями развития общества, развертыва-

ли свое видение настоящего и будущего в судьбе родного народа. Их философские произведения были написаны в основном в поэтической форме – в крупных поэмах. Н. Лугинов, возродив философский жанр на современном этапе, впервые в якутской литературе написал философские повести.

Творчество Н. Лугинова началось с повествования о студенчестве и молодежи. После университета он был направлен в Хангаласский улус на работу учителем математики. Жил в селе Немюгюнцы, что сыграло огромную роль в становлении Н. Лугинова, как писателя. Прежде всего тем, что в этом селе жили маститые, известные якутские писатели - С. Ефремов, И. Никифоров, И. Гоголев и др. И сама местность с древней историей и знакомство будущего писателя с ее достопримечательностями, личностями также наложили свой отпечаток на дальнейшее развитие его творчества. Здесь были написаны его первые произведения. Философские повести написаны в период, когда писатель жил на Севере. Жизнь писателя на Севере, в свою очередь, определила круг их тем, мотивов и образов.

В повести «Кустук» изображается жизнь тундры. Дается картина зимней, холодной, вьюжной и снежной тундры. Если в повести «Улыбка старика» описывалась летняя, разноцветная, нарядная тундра с ее гомоном птичьих голосов, игрой животных, запахом лета, то в «Кустуке» тундра кажется абсолютно пустой. Все зверье спряталось от холода и пурги. Писатель повествует о жизни и доле упряжных собак. Работа у них трудная, требующая не только силы, но сноровки и ума. Они находятся в одной упряжке, их семеро, но все они по своему нраву очень разные. Вожак, бегущий впереди всех, как и подобает его положению, важен, доволен, держится обособленно от остальных и у хозяина пользуется всякими привилегиями. Хозяин не держит ее на цепи, как остальных, и она свободно гуляет и бегает. Белая и черная собаки – Маган и Харас от природы глупые, ходят по указке хозяина, у них нет собственного мнения. Кырбый (Забияка), как и указывает его кличка, всегда всем показывает свои клыки, ни с кем не общается, проявляя трудный, необщительный характер. Сырбай (Подлиза), наоборот, вечно следит за настроением хозяина и рад угодить ему. Харабыл (Защитник) силен, имеет уравновешенный, твердый характер. Такими всех их

воспринимает Кустук – якутская лайка, которую хозяин проиграл в карты Байбалу. Кустука от других собак отличает ум, наблюдательность, но самое главное, это его тоска по родине. Он здесь чувствует себя чужим, посторонним наблюдателем их жизни, а в своих мыслях видит Тайгу, свою счастливую пору на родной сторонке, он страстно мечтает о том, чтобы вернуться домой. Там у нее все свое: природа, балаган, хозяин. Он ждет своего хозяина, который, по его мнению, одолжил его другу и скоро должен за ним приехать. По дороге в поселок Кустук мчится со всех своих ног, в надежде увидеть хозяина. Вот Байбал всех привязал во дворе своего дома, вот дети выбежали и ластятся, играют с собаками, вышла хозяйка, чтобы их покормить. Кустук сидит, не шелохнувшись, не притронувшись к еде, он не отводит глаз от двери дома, представляя себе, как Охоноон долго одевается, чтобы выйти на улицу. Но его все нет и нет.

Байбал относится к своим собакам из рук вон плохо, если у него нет настроения, жестоко бьет всех, даже цепями. Больше всех достается Кустуку и непокорному Кырбыю, но они мужественно переносят побои. Байбал хочет показать свою власть над ними, и у боязливых собак «с кончика хвоста пробегала зябкая волна страха и распространялась по всему телу»[83].

Лучший кусок (а это самая большая рыба) всегда достается Вожаку, затем Сырбаю, а самые маленькие рыбешки он бросает Харабылу и Кустуку - такое отношение хозяина к ним вошло как бы в установленный порядок, этим он показывает не только свое пренебрежение к ним, но создает иерархическое, зависимое положение среди собак, укрепляя в них рабскую психологию.

Параллельно их жизни течет и людская жизнь с их заботами, трудовыми буднями, но она представлена не в отдельной сюжетной линии, а воспринимается глазами собаки. В поселке Байбал, видимо, получил от высокопоставленных начальников взбучку, потому он, напившись, плача, горько жалуется на судьбу, как бы изливая свое горе собакам. И собаки его понимают, жалеют, лижут, словно успокаивая и деля с ним его печаль. Байбал жесток и со своей женой. Ночью она, рыдая, выхо-

[83] Лугинов Н.А. Кустук // Пути земные, пути небесные. Пер. В. Карпова. – Якутск : Бичик, 2007. – С. 11.

дит на улицу и подходит именно к Кустуку, словно чувствуя родственную одинокую душу. Кустук, чувствуя ее женскую долю и несвободу, жалеет ее.

В конце концов, Кустук срывается со своей цепи и, будто на крыльях, летит на свою родину, в Тайгу. Собаки, увидев стадо диких оленей, с остервенением начинают на них лаять, изо всех сил бросаясь со своего места, и в этот момент у Кустука и Магана рвется цепь, и они даже не сразу осознают, что стали свободными. А потом только с радостью побегут по бескрайней тундре. По мере того, как они отдалялись от тордоха Байбала, Маган все чаще начал сомневаться и оглядываться назад, скоро и вовсе возвращается обратно к своей неволе. В нем писатель отчетливо видит психологию раба. Тем более на Магане цепи вообще не осталось, а Кустук за собой волочит длинную тяжелую цепь.

Кустук не только рвется к свободе, но больше всего к родному дому. Он обходит селения, пробегает горные перевалы, за которыми распростерлась тысячу раз виденная им во снах и мыслях, любимая, желанная Тайга. По дороге с ним случаются разные приключения, встреча с песцом, с волком. Он вступает с волком, грозой тундры и тайги, в смертельную схватку. Кустук слаб, голоден и, казалось бы, бессилен против своего грозного врага. Но он превосходит его умом, охотничьей смекалкой, силой духа, и своими атаками хочет обессилить волка. Его подбадривает дума о возвращении домой, вера в свою мечту. «Ему нельзя было уступать. Нельзя умирать, не дойдя и не увидев Иччи-Охоноона! Иччи ждет его! Кустук должен выстоять и победить, если даже это невозможно. Потому что Иччи пропадет без него»[84]. Когда они сошлись в последней схватке, цепь нечаянно оказалась во рту у волка, о которую он сломал зубы, заскрежетал и на мгновение застыл. И этого мгновения хватило, чтобы Кустук нанес ему смертельный удар.

Но раны, полученные им в схватке с волком, не дают ему дойти до родины. Кустук умирает, с высоты горы глядя на огни своего селения. Не умерли только его Надежда и Вера: «… сладкая истома разливалась по телу. Было хорошо. Под закрытыми веками виделась деревянная

[84] Там же. – С. 26.

избушка в тайге и старый охотник Иччи-Охоноон, с которым они встретятся, чтобы никогда уже не разлучаться»85. Как и в смерти Тойбола, надежда не умирает.

Н. Лугинов впервые в якутской литературе главным героем своего произведения избирает животного – собаку. Затем такие произведения появятся в творчестве Харысхала, С. Тумата, Д. Наумова, К. Эверстова и др. Они, как бы продолжая художественные традиции А. Чехова («Каштанка»), Д. Лондона («Белый клык»), исследуют особый мир животных. А собака у Н. Лугинова становится аллегорическим, символическим образом. В философской повести в аллегорических образах - собаках угадываются образы людей. И потому сам писатель говорит о том, что душа на этот раз приобрела собачий облик, и, наоборот, человек, в данном случае Байбал, облачился в собачью шкуру. Он исследует душу, ее стремление к свободе и любовь к родине, преданность к Иччи. Таким образом, писатель утверждает, что человек теряет свое истинное лицо, когда отходит от традиций национального уклада жизни.

Начиная с этой повести, Н. Лугинов в своих произведениях остро ставит проблему исследования души человека и народа. «Иччитэх сир» (пустая земля, без хозяина) - такие словосочетания у него часто встречаются, показывающие, что народ идет по пути самоуничтожения. Любовь к родине, к родному дому, к своим истокам – основная тема творчества писателя, которая, начавшись с повести «Роща Нуоралджыма» проходит через все его произведения. Кустук не может жить на чужой стороне, он ради возвращения домой жертвует собой. Другого выбора у него нет.

Тема свободы, рассмотренная Н. Лугиновым в повести «Таас Тумус», с особой силой прозвучала в повести «Кустук». Люди не только посягнули на свободу Кустука, но и сами они не свободны, что видно в судьбе жены Байбала, да и в нем самом также. Они оба страдают от несправедливости. Проблема обретает высокую нравственную силу: люди обижают слабых, маленьких, но в их собственном мире также не царит идеальная атмосфера. Отношения человека к себе подобным и

[85] Там же. – С. 28.

природе – одна из краеугольных камней философской мысли - легли в основу данного произведения. Мотив вечного ожидания, неизбывной тоски, надежды и веры проходит через все произведения Н. Лугинова.

Героем следующей философской повести становится Ворон («Баллада о Черном Вороне»). Ворон и человек взаимосвязаны между собой, как дети природы, как балансирующие стороны природных явлений и обеспечивающие гармонию в ней. У якутов издревле бытует пословица: «Рождению мальчика Ворон радуется». Потому что мужчина в семье – охотник, добытчик, от его удачи и добычи достанется и Ворону. Ворон живет столетиями, а у человека жизнь слишком коротка. Но жизнь оценивается не длиной, а мгновением, мигом, в котором открывается прекрасное в жизни и самая ее суть. Философская мысль писателя заключается в его иронии над человеком, возомнившим себя царем природы и жизни, однако ему отпущено на этой земле слишком мало времени. Так мало, что порой он не успевает до конца понять своей роли и места в действительности.

Ворон удивляется тому, как короток век человека, еще вчера он был удачливым и сильным охотником, а сегодня уже не может отойти от своего дома. В повести опять рисуется картина зимы, голода и холода. Все живое – люди и звери бьются в поисках еды и выживания в суровую зиму. Рысь охотится на зайца, на нее, в свою очередь, лиса, на лису человек и т.д. Ворон, облетая над тайгой, сверху видит всех, лосей, прячущихся за деревьями, волка, подкрадывающегося на уямканов. В его сознании все окружающее имеет живую душу: дышат, смеются и поют деревья, говорят овраги, разговаривают горы, ручейки, ветры и т.д. Вся природа словно оживает и живет своей жизнью. Но хозяин земли – человек, без него земля пуста, и все на земле взаимосвязано друг с другом. У старого охотника рождается внук, и вся природа радуется, признав в нем своего хозяина (Иччи).

В повести «На Сергеляхе» Н. Лугинова волновала проблема призвания и долга человека на земле и в жизни. Если молодые дюди видели свое предназначение в служении народу, быть полезными обществу, то в философских повестях призвание человека – стать хозяином земли. Человек в этой жизни должен понимать свое предназначение, только тогда он выполнит свой долг, и его жизнь приобретет смысл. Писа-

тель славит рождение человека. В этом мире все имеет свое начало и конец. Именно в этом есть величественная загадка самой природы, разгадать которую суждено лишь мудрецам. Мысль у писателя становится самостоятельным мотивом повести. Человек живет, пока мыслит. Но в данном случае мыслит Ворон. Таким образом, высшее человеческое качество на этот раз писатель передает Ворону. Смысл жизни писатель видит в ожидании: «Жить – это значит ждать вечно: нового, неожиданного и невозможного, радости и чуда. Всю жизнь человек стремится к несбыточному, гонится за своей мечтой». Ожиданием жили его герои – бабушка (Роща «Нуоралджыма»), Тойбол («Таас Тумус»), Кустук, Сэргэ. Радость, Надежда и Вера становятся спутниками человека в его борьбе с трудностями.

В повести «Ворон» изображение человеческой жизни также подано через взгляд постороннего наблюдателя - Ворона. Когда рождается новый человек, люди стараются заглянуть в будущее и угадать его судьбу. Про Айаала говорят, что плач у него громкий, значит, он будет сильным удачливым охотником, надежным хозяином земли. Но в его голосе также слышны нотки, делающие его похожим на своего дядю-бродягу. И это настораживает. Так писатель говорит о качествах характера, генетически заложенных в человеке и передающихся к поколениям.

Даже Ворон замечает, что люди все разные. Их он делит на своих, таежных, и чужих, заречных, у которых другие интересы в жизни. Он боится алчности, жестокости людей, они могут загубить природу. Ворон ждет настоящего хозяина тайги и видит его в Айаале. Ворон не хочет, чтобы Айаал примкнул к заречным людям. Айаала отдают в школу, но каждое лето своим присутствием мальчик оживляет мир природы. И дед, и Ворон хотят, чтобы он стал охотником и продолжил традиции деда, то есть народной жизни.

У Ворона был самый любимый, смышленый, удачливый сын, в котором он души не чаял. Осознав свою особенность, любимец возомнил себя орлом. Но родившийся от ворона, вороном и остается, и его сын, совершив ошибку, погибает. Писатель говорит, что человек должен знать свои возможности, свое место в этой жизни, и в связи с этим поставить такие цели, которые можно достичь. Ворон награжден долго-

летием, он нажил за долгие годы ум, терпение и мудрость. А его друг, не обладая этими, необходимыми в природе качествами, погибает раньше него.

В повести прослеживается связь трех поколений людей: отношения деда и внука вновь самые исконные, верные, а среднее поколение опять же выпадает. Так писатель противопоставляет два мира: жизнь предков и современную жизнь. При решении этой задачи думы писателя оптимистичны: если внуки продолжают жизнь дедов, то народные традиции сохранятся и в будущем. В этом мире владычествует только Вечность, перед которой все равны. Жизнь плывет, как вода, но каждый раз она меняется, не меняются лишь вечные ценности – рождение ребенка, любовь к родной земле, Вера и Надежда. Если Кустук – аллегорический образ, в котором писатель видел стремление человека к свободе, то Ворон как образ, более самостоятелен и отстранен от человеческого общества, он выступает посторонним, хотя и заинтересованным наблюдателем жизни людей.

Повесть «Сэргэ» не только завершает цикл философских произведений Николая Лугинова, но особенностью своего содержания и поэтики она занимает значительное место в его творчестве. Потому и по объему она намного больше, в «Кустуке» – 20 страниц, в «Вороне» – 30, а в «Сэргэ» - более 50. Видно, что этой повести писатель придавал наибольшее значение, он работал над ней в течение всего десятилетия (1978-1987 гг.).

Стоит одинокий Сэргэ (коновязь) в заброшенном аласе и думает думы. На этот раз писатель оживляет, наделяет душой неодушевленный предмет. Он также выступает как посторонний, но заинтересованный наблюдатель за жизнью людей. Повествование опять же начинается с картины зимы: «Холод! Холод!»[86]. Холодно и неуютно чувствует себя Сэргэ, который тоскует по прошедшей жизни. Когда-то этот алас был наполнен людьми, их голосами, любовью, делами. Сэргэ наделен сознанием, он размышляет, думает и тоскует. Он не теряет надежды и ожидает возвращения людей в родной алас. В его воспоминаниях оживает прошлое, проходит вся человеческая жизнь. Сидор и Илья – дру-

[86] Лугинов Н.А. Сэргэ // Пути земные, пути небесные. Пер. П. Краснова. – Якутск : Бичик, 2007. – С. 123.

зья, но их жизненные пути кардинально расходятся. Сидор живет заботами труженика, добытчика и защитника семьи. А Илья, как талантливый человек, певец и мастер, всю жизнь проводит в разъездах и умирает на дороге. Семья терпит нужду, потому что он оказался нерачительным хозяином, неприспособленным к жизни. Якуты говорят: «Певец в личной жизни несчастлив». Но, с другой стороны, осталось его дело – поставленный им Сэргэ. Писатель поднимает проблему творческого человека и во многом его трагическую судьбу. Хотя он умер в нищете, но сотворенный его руками Сэргэ стоит на века, напоминая людям имя и талант своего создателя.

Сидор привел молодую жену, держа за узды ее коня. Сперва они остановились у Сэргэ, затем вошли в балаган. Так началась их жизнь. По древним обычаям народа они строили дом, семью, родили и растили детей. Их первые детишки умирали, и, чтобы оградить своих детей от злого духа, по народному обычаю они «прячут» их за именами: старших назвали Большой Митэ, Большой Нюку, а младших – Младший Митэ, Младший Нюку. Все четверо ушли на войну, а возвратились только два младших сына. Родители умерли, дети переехали в город, Сэргэ остался один. Тема одиночества и опустошенной земли без хозяина здесь прозвучала с еще большей силой.

Писатель одним из первых поставил глобальную социально-нравственную проблему – отход людей в современной жизни от вековечных традиций своего народа. Сэргэ вспоминает и тоскует по прошлой счастливой жизни, когда якуты придерживались своих древних, вековых традиций, жили на родине. Он обречен на вечное ожидание возвращения людей в родной алас. Ветер, каждый раз прибегая к Сэргэ, с горечью жалуется на то, что он все время ищет свой Иччи (душу) и не находит его. Таким образом, писатель говорит о том, что люди остались без души, как марионетки, живут автоматически, и в итоге сама земля остается без хозяина. В жизни современного общества нет высокой одухотворенности – такова общечеловеческая идея произведения.

Люди возвращаются в родной алас, но совершенно не так, как об этом мечтал Сэргэ. Дети Сидора, пьяные дурни, чуть не зарубили самого Сэргэ, чтобы разжечь костер. Такое отношение людей к прошло-

му возмущает писателя. Они даже не подозревают, что Сэргэ одухотворен, он вобрал в себя душу народа, от которой они отказались. Согласно мифологии, народному учению, «каждый предмет имеет свою душу (иччи). Они выражают в аллегорической форме духовность народа, этноса. Если уничтожить эти духовные традиции, то не теряет ли этнос будущее? Не погибает ли он и физически, и духовно? Не потому ли сегодня наше общество находится в критическом состоянии?»[87]. Если такие вопросы стали актуальными в «перестроечное» время, то Н. Лугинов намного раньше задумался над такими глубоко национальными и общечеловеческими проблемами. Данная проблема, начатая писателем в повести «Кустук», свое наибольшее звучание нашла в повести «Сэргэ».

Писатель обличает современного человека, который поднял свою руку на святое, на традиции своего народа, которых он придерживался в течение многих веков в своем выживании в суровых условиях Севера. Как и сын Ворона, он возомнил себя царем, властителем природы. Что ждет его впереди? Сэргэ стоит, как памятник, как напоминание о том, что когда-то здесь жили якуты. Ведь с него начинается жизнь семьи, народа. Человек стал таким потому, что его характер разложили обстоятельства современной действительности. Писатель особенно остро ставит проблему алкоголизма в современном обществе, которая выхолащивает сущность человека и его бытия. В творчестве Н. Лугинова возродились софроновские мотивы о судьбе человека и народа, прозвучавшие в якутской литературе начала XX века.

Предназначение человека – в продолжении рода, верности традициям родного народа. Сэргэ свое назначение видит в защите семьи, уклада жизни, и этим он счастлив. Если в «Вороне» традиционная для Н. Лугинова система образов трех поколений выдержана, то в повести «Сэргэ» третье поколение – внуки продолжают бездумное отношение своих родителей к предкам и родной природе. Такой постановкой вопроса писатель усиливает трагизм положения современного общества.

В философских повестях писатель мыслит и оперирует философскими категориями. Основным содержанием повести «Кустук» являет-

[87] Новиков А.Г. О менталитете саха. – Якутск, 1996. – С. 33 – 34.

ся проблема Свободы личности. Вместе с тем автор, раскрывая любовь и преданность к родному краю, придает произведению романтическое звучание – на стороне ущемленного в своих правах и в его борьбе всегда присутствует справедливость. В повестях «Ворон», «Сэргэ» главные герои – это наблюдатели за жизнью людей, которые выносят свою оценку и приговор их действиям. Здесь идея произведений раскрывается в таких понятиях, как Жизнь, Бытие, Предназначение человека. Ворон и Сэргэ оба ожидают возвращения человека, первый – Хозяина Природы, второй – Хозяина земли. Они, как высшее проявление духа, знают о предназначении человека на земле, о котором он забыл и не подозревает.

Философские повести Н. Лугинова сыграли огромную роль в его становлении как романиста. В историческом романе «По велению Чингисхана» ярко выражено философское начало, писатель рассуждает устами своих героев о назначении человека, о свободе и любви к родине, о роли великого человека в истории, о создании сильного государства и развитии имперского мышления и т.д. Н. Лугинов в своем романе как писатель-философ выходит на новый уровень своей художественной концепции действительности и человека. Он ставит общечеловеческие проблемы сосуществования народов, развитие политических отношений и государственного мышления. Поэтому роман Н. Лугинова нашел отклик в умах и сердцах отечественных читателей и стал известен всему миру.

В 2010 году вышла книга повестей писателя «Хуннские повести». В аннотации книги отмечено, что этими произведениями автор начинает серию новых исторических повестей, значит, начинается новый виток развития в творчестве Н. Лугинова.

В этих исторических повестях автор продолжает тематику своего романа – проблемы строительства и защиты государства, войны между великими народами степей и Востока, Средней Азии в древние времена. Но в произведении также продолжаются мотивы философских повестей автора: о предназначении и долге человека, но на более высоком общечеловеческом уровне, перед своим государством и народом, о судьбе и свободе человека. В исторических повестях писатель также прослеживает за судьбами друзей, нашедших свое место в жизни и вы-

полняющих свое великое призвание, но идущих разными путями. Дин Хун посвящает себя военной службе, он становится большим генералом, а Лао-Цзы – великим мудрецом и поэтом. Они, один олицетворяя физическое начало, другой – творческое, духовное, дополняют друг друга. Самое интересное в том, что писатель и здесь дает три поколения военных и мудрецов. Они не родственники, но родственны душой. В этом писатель видит непрерываемость традиций народа, продолжение их в вечности. Тем и выживает человечество, что хранит верность своим традициям. Н. Лугинов, взявшись за раскрытие данной темы, открыл всему человечеству проблему заново и привлек его внимание к истории народов. К данному своему призванию писатель готовился с ранней поры своего творчества, о чем так вспоминает А. Ким: «Еще лет 30 назад я в Николае Лугинове ощутил некую призванность на крупные деяния. В Тибетском мире по особым приметам находят мальчика, призванного стать Далай-Ламой. Лев Толстой в свое время тоже был призван на то великое, что совершил. Николай же, призванный поведать миру о живом прошлом громадного азиатского народа, через художественное слово дал нам возможность ощутить истинную жизнь подлинной Азии. Азиатская жизнь недоступна поверхностному анализу и синтезу. Ее возможно понять лишь через вдохновенное слово избранного»[88]. Н. Лугинов в романе задумывается над глобальными общечеловеческими проблемами бытия и сущности жизни на земле.

Н. Лугинов в своих повестях выступил прекрасным знатоком жизни, достоверно изображая ее проявления в быте, действительности и в характере, судьбе человека. Выбор тематики и характеров «зависит от мироощущения писателя, от его общественных взглядов»[89]. Повести Н. Лугинова отличает тематическое богатство. Писатель показал жизнь студенчества, молодежи, спортсменов, архитекторов, геологов-искателей алмаза, жизнь сельского труженика, жителей тундры и т.д. Н. Гоголь в свое время восхищался всеядностью интересов А. Пушкина: «Что же было предметом его поэзии? Все стало ее предметом, и

[88] Ким А. О путях земных и небесных // Пути земные, пути небесные. – Якутск : Бичик, 2007. – С. 7.

[89] Поспелов Г.Н. Проблемы исторического развития литературы. – М. : Просвещение,1971. – С. 93.

ничто в особенности. Немеет мысль перед бесчисленностью его предметов. Чем он не поразился и пред чем он не остановился? От заоблачного Кавказа и картинного черкеса до бедной северной деревушки с балалайкой и трепаком у кабака – все становится его предметом. На все, что ни есть во внутреннем мире человека, начиная от его высокой и великой черты до малейшего вздоха его слабости и ничтожной приметы, его смутившей, он откликнулся так же, как откликнулся на все, что есть в природе видимой и внешней»90. Между тем, сам Гоголь в своих произведениях имел способность проникать не только в жизнь людей, но в необъяснимые, сверхъестественные стороны действительности и бытия человека.

В тематическом богатстве социально-психологических повестей Н. Лугинов выявляет общее и особенное в жизни народа, мастерски изображает бытовые реалии, проникает во все подробности жизни своих различных героев. В емких средствах изображения автором даны особенности бытовой жизни семьи, северян, сенокосчиков, горожан, сельчан, выписаны сцены охоты на различных зверей и строительства дома. Например, в повести «Дом над речкой» строители дома – отец и сын устанавливают место стройки, вылаживают фундамент постройки, выдерживают угол дома, выравнивают стены и т.д. Они работают как настоящие мастера, вместе с тем они строят жизнь и отношения между поколениями. В этом мире все должно быть разумным. А в повести «Ворон» с высоты птичьего полета, глазами Ворона, видим всю тайгу и всех обитателей леса, наблюдаем за их жизнью и борьбой за выживание, их схваткой до смертельного исхода. Побеждает сильнейший, таков закон природы. «В точном наименовании, систематизации и классификации мира животных и растений виден культурный уровень народа, род его древних занятий и т.д.»[91]. Якуты – издревле охотники, они жили среди природы и в согласии, гармонии с ней. Поэтому и взгляд писателя на природу, выходца из охотников-северян, вызывает особое восхищение у инонациональных читателей.

---

[90] *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений в 14 т. Т.8. – М. : АН СССР, 1952. – С. 380 – 381.

[91] Федоров Е.В. Концепция личности в тюркоязычной прозе Сибири. – Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1992. – С. 21

Вместе с тем писатель с изображением внешнего мира свое усиленное внимание обращает к проникновению во внутренний мир своих героев, раскрывая в нем те черты характера, о которых они сами даже не подозревают. Главный герой повести «Дом над речкой» Макар Находкин во всеуслышание заявляет о своей свободной натуре, но его изнутри точит червь сомнения и тоски, что в конце концов и он находит свое пристанище в этом мире. В «течении мыслей», монологах раскрывается весь внутренний мир героев и одновременно самого автора, его отношение к жизни, обществу и человеку. Такова суть «двойной» концепции действительности.

В романе писателя «Этажи», во многом ученическом произведении, в остром конфликте сходятся две противоборствующие силы. В повести «На Сергеляхе» также намечен этот конфликт в процессе труда и в отношении героев к жизни, но он остается в своем неразвитом виде. Новаторством Н.Лугинова в якутской литературе 1980-х годов является то, что в его произведениях конфликт имеет совсем иной характер. Во многих его повестях раскрывается скрытый конфликт, герои не сходятся в схватке, но накал страстей достигается противопоставлением различных жизненных позиций героев. Например, в повести «Таас Тумус» противостоят друг другу Тойбол, ставший символом преданности своей родине, традициям своего народа и безродный, бродяга по жизни, «свободный» человек Михей. А в повести «Дом над речкой» конфликт проходит между «мирными» в своих отношениях отцом и сыном, отец также представляет «свободных» людей, сын держится за дом, за семью. Но писатель больше внимания уделяет внутреннему конфликту человека, то есть он исследует его духовные силы. Например, это тот же Макар, который до поры до времени и не подозревает, насколько сильна в его душе тяга к оседлой жизни. Или бабушка из повести «Роща Нуоралджыма», решившая до конца стоять на защите аласа своих сыновей и посвящающая свою жизнь вечному ожиданию, но находящая в себе силы отказаться от него во имя зарождения новой семьи, новой жизни. Н.Лугинов в конфликте поколений осуществляет свою концепцию человека и действительности, он предлагает читателю своих героев – представителей трех поколений, такая систематизация героев в его произведениях утверждает особенности национального характера.

У Н. Лугинова отличительным свойством его стиля является то, что он с большой убедительной силой открывает новое в якутской литературе, неизведанное поле для художественного исследования – жизнь природы, животных и материального мира. Но любой писатель не может отойти от действительности, в конечном счете его изображение все же соотносится с человеком и его делами, тем более, если его образы аллегоричны. Таким образом, «очеловечивание» также является предметом искусства и литературы[92] и имеет под собой мифологические корни, идущие от детства человечества. Так, в древней мифологии якутов весь этот мир был представлен живым, все сущее имело свою душу: живые и неживые были равны, при этом три души могло иметь только высокоорганизованное, сознательное существо – человек[93]. У Н. Лугинова Ворон и Сэргэ – хотя и имеют непосредственное отношение к жизни людей, но являются посторонними наблюдателями за человеческой жизнью. А Кустук, как и человек, сам хочет изменить свою судьбу, выступая борцом за справедливость и свободу.

Н. Лугинов сам подчеркивает, что он – математик и видит жизнь подругому: «В историю я пришел как математик. Состоялся в ней, наверное, тоже как математик. До сих пор у меня так – все строго иерархично.… Для меня важнее истина, опирающаяся на незыблемые аксиомы… Гуманитарий не складывает, не доказывает историю из фактов, а вначале вырабатывает какую-то интересную для себя идею восприятия мира и истории, и только потом начинает собирать подходящие под нее факты»[94]. Хотя это высказывание писателя относится к его исторической прозе, его свойство мыслителя как математика отображается и в ранних повестях. Писатель к предмету своего изображения подходит, как к трехмерному изображению и старается охватить целиком в его многогранном проявлении. Именно поэтому Н. Лугинов не расстается со своими героями на полпути, он обязательно прослеживает за его судьбой до логического конца.

---

[92] Гачев Г.Д., Кожинов В.В. Содержательность литературных форм // Теория литературы. – М. : Наука, 1964. – С.34.

[93] Новиков А.Г. О менталитете саха. – Якутск, 1996. – С. 34.

[94] Сидоров О.Г. От Алексея Кулаковского до Николая Лугинова: штрихи к истории якутской культуры. – Якутск : Бичик, 2010. – С. 131.

Таким образом, Н. Лугинов в своих повестях отображает жизнь современного общества и его проблемы, создает образы своих современников. Все это становится основной темой его творчества в период работы над повестями. В социально-психологических повестях автора преобладает тип романической проблематики. Писатель показывает своего героя в его поисках истины, в момент душевного разлома и разлада, его поиска смысла жизни, что усиливает философское звучание произведений.

Если в ранних социально-психологических произведениях Н. Лугинова на первый план выходит производственный конфликт, то в последующих повестях писатель сосредотачивает свое главное внимание на внутреннем дискомфорте своих героев. Поэтому, с одной стороны, основным в сюжете произведения становится мотив испытания, с другой – в трактовке героев у писателя нет делений их на отрицательные и положительные образы. Мотив испытания составляет сюжет социально-психологических повестей, в кумулятивном сюжете раскрываются характеры героев, потому они и по размеру стали крупными произведениями. В философских повестях сюжет концентрический, потому они по объему сжатые, в камерном произведении отражается весь мир. Писателем показывается драматизм обстоятельств современной жизни и не менее драматическое положение человека в ней. Н. Лугинов горд якутским человеком, выдержавшим испытание временем «застойного» общества: «Господствовала круговая порука, безнравственность, апатия ко всему, халатное отношение к работе, беспорядок во всем.… Но наш народ достойно выдержал эти испытания…»[95].

В философских повестях развивается тип философской проблематики, Н. Лугинов поднимает общечеловеческие проблемы бытия и выживания современного человека. Если основным содержанием социально-психологических повестей писателя становятся Дом, родной алас, то философских стал – Иччи (как душа и хозяин). Эти образы вместе составляют суть художественной концепции писателя о возвращении человека к своим истокам, к национальному укладу жизни и мировосприятию. Потому Ожидание, Надежда и Вера становятся уде-

[95] Лугинов Н.А. Мысли о новом времени // Писатель и перестройка. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1990. – С.84.

лом всех героев писателя: старики – Тойбол, Сылкан, Бабушка ждут продолжателя рода, а Ворон и Сэргэ – Хозяина жизни на земле.

Философские повести стали предтечей появления крупного эпического произведения в творчестве Н. Лугинова - романа «По велению Чингисхана», его проблемы переросли на новый уровень – национально-исторический. Писатель в нем оперирует такими общечеловеческими категориями мышления, как государство, империя, международные отношения и т.д.

В своих повестях Николай Лугинов уже утвердился как писатель-философ и внес в якутскую литературу огромный вклад, свой свежий новый взгляд на человека и действительность. Писатель достиг таких высот потому, что его творчество опиралось на богатых традициях устного народного творчества и своеобразии национального мировидения: «В произведениях Н. Лугинова заметны следы творческого освоения поэтических структур фольклора, интересного переосмысления их («Баллада о черном Вороне», легенды о древнемонгольских и тюркских вождях), и это вызывает чувство радости за писателя, находящего для своего творчества новые темы в своеобычной культуре древнего якутского народа»[96].

Н. Лугинов свое творчество начал с изображения молодежи и выявления ее жизненных устремлений. Но со временем в системе его героев основное место начинают занимать представители трех поколений. Почти во всех повестях автор показывает неразрывную связь трех поколений рода или просто родственных душ. В такой неразрывной связке поколений старцам достается роль хранителя и защитника традиций народов, и автором создается национальный характер. Образы стариков и их связь с молодыми поколениями, продолжателями их традиций, гарантирует миропорядок космоса, гармонию развития всего человечества: «Форма индивидуальной народной жизни заключает в себе общечеловеческое, мировое содержание[97]. Н. Лугинов в своих произведениях еще раз убеждает в том, что общечеловеческие ценности формируются через восприятие национального мира.

---

[96] *Ким, А.* О путях земных и небесных //Пути земные, пути небесные: повести и легенды – Якутск : Бичик, 2007. – С. 7.

[97] Белинский В.Г. Разделение поэзии на роды и виды // Полное собрание сочинений. Т.5 М. : АН СССР, 1954. –С. 37.

ГЛАВА Ш. ПОЭТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕКА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

3.1. Особенности повествования и хронотопа

В эпических жанрах повествование является организующим началом произведения. Если в лирике создается образ лирического героя, часто соотносимого с автором, то в эпосе в образе повествователя выделяют двойную функцию – образ автора и образ рассказывающего. Повествование в своем широком значении – это «развернутое обозначение словами того, что произошло однажды и имело временную протяженность»[98]. Значит, оно представляет все словесное описание повествователя, имеющее свою протяженность во времени и пространстве. Речи персонажей: внутренний монолог, внутренняя речь, диалоги - выступают предметом изображения произведения и составляют основную композиционную структуру произведения. Повествование автора в узком и конкретном значении включает в себя «совокупность всех речевых фрагментов произведения, имеющих информационный характер, иначе – содержащих разнообразные сообщения: о событиях и поступках персонажей; о пространственно-временных условиях, в которых развертывается сюжет; о взаимоотношениях действующих лиц и мотивах их поведения и т.п.»[99]. Е.В. Хализев выделяет несколько типов повествования: эпическое повествование, субъективное и «рассказ от третьего лица»[100].

В эпическом повествовании дистанция между повествователем и действующими героями абсолютная, что создает иллюзию максимальной объективности. Повествователь выступает в роли эпического миросозерцателя, единолично объясняющего мир. Такая роль повествователя особенно была сильна в фольклоре. Сказители-олонхосуты, Повествователи – Сээркээн сэһэнньиттэр в своих песнях-тойуках и повестях рассказывали об устройстве вселенной, о приключениях героев-

[98] Введение в литературоведение. – М. : Высш. шк., 1988. – С. 507.

[99] Там же. – С. 293.

[100] Хализев В.Е. Эпос // Введение в литературоведение. – М., 1999. – С. 509-511.

богатырей и т.д., изображая мир как бы со стороны. В начале развития художественной прозы в якутской литературе в рассказах, повестях, романах также преобладало эпическое повествование. В таком повествовании закономерно усматривалось продолжение богатых повествовательных традиций устного народного творчества101. Первые якутские писатели говорили о том, что они вышли из устного народного творчества народа. Они были прекрасными знатоками фольклора, сами также являясь исполнителями героического эпоса - олонхо, как например, П.А. Ойунский, Эрилик Эристин, Кюннюк Урастыров, С.С. Васильев и др.

В якутской прозе 1960-70-х годов усиливается ее лиризация, в повествовании начинают преобладать «рассказ от первого лица» и монологичность. Появляются такие новые формы повествования в произведениях, как монологичность, многоголосие, «поток сознание», «диалектика мыслей» и т.д.

«Рассказ от первого лица» встречается только в одной повести Н. Лугинова – «Роща Нуоралджыма», в которой повествование ведется от имени десятилетнего мальчика Нюргуна. Автор на мир смотрит глазами ребенка, что имеет немаловажное значение. Мальчик обо всем окружающем узнает впервые, и его первые впечатления останутся в памяти на всю жизнь, играя определяющую роль в становлении его психологии, характера, нравственных качеств, во многом предопределивших его жизненную позицию. От имени ребенка также раскрывали мир военного и послевоенного времени Ч. Айтматов в повести «Джамиля», Мустай Карим в повести «Долгое-долгое детство». Их произведения в свое время стали популярными и знаменательными во всей советской литературе, в какой-то мере они отложили свой отпечаток и на повесть Н. Лугинова. Это прежде всего выразилось не только в тематике, но и в поэтичности повествования. В произведениях о детстве также усиливается автобиографизм писателя, например, как в произведениях Л. Толстого, М. Горького. В повести Н. Лугинова также можно заметить черты автобиографизма. Писатель является представителем послевоенного поколения, он эту жизнь и людей этого времени сам

[101] Петров В.Г. Традиции эпического повествования в якутской прозе. – Новосибирск : Наука, 1982. – С. 19 – 22.

очень хорошо знал: «Война внесла в нашу маленькую деревеньку и в мою семью много трагедии. Несколько братьев и родственников моего отца не вернулись с фронта. Мое детство прошло в теплой атмосфере родственников, которые вспоминали, ожидали и глубоко почитали погибших воинов»[102]. Таким образом, в повествователе-ребенке ощущается голос самого писателя, потому повествование становится глубоко лиричным и поэтичным. На обсуждении его произведений редактор отдела национальных литератур издательства «Детгиз» Г. Московская выразила свое восхищение повестью: «Даже в этом неважном подстрочнике чувствуется, что это поэтическое произведение. Прочитав повесть, я подумала, что она написана поэтом. Оказывается, он чистый прозаик»[103]. Обычно поэтический язык находят в прозе поэтов, например, в прозе И. Гоголева. Лирическая повесть «Долгое-долгое детство» также была написана башкирским поэтом Мустаем Каримом.

Повесть Н. Лугинова «Роща Нуоралджыма» сильна поэтичностью авторского языка, передачи эмоций героев, восхищенного изображения красот природы. Экспрессивность эмоций, мыслей, переживаний героев образуют особую структуру повествования, его ритмизацию. Высокий слог в повествовании образует особенность стиля писателя, его видения мира. Такая поэтичность больше всех будет встречаться затем в его философских произведениях. Видимо, поэтому, учитывая сказовость, поэтичность и высший слог повествования автора, повесть «Ворон» в переводе названа как «Баллада о Черном Вороне».

Отмечается, что субъективное повествование стало в современной литературе ведущим способом отображения мира. Лиризм в эпосе усилился в его обновленном виде – в прозе 60-70-х годов XX века, который был принят как новаторство литературы времени «оттепели». «Оттепель» приоткрыла занавес диктаторского времени, дала вдохнуть воздух свободы, и писатели получили возможность самовоплотиться в своих произведениях. Таковыми в якутской литературе стали произведения старшего поколения прозаиков – А.И. Федорова, А.С. Сыромятниковой, Н.А. Габышева, Софр.П. Данилова, И.М. Гоголева и др. Затем

---

[102] Тарасов С. Үрдүк анал туһунан уйэлээх өйдөбүл (Н.А. Лугинов 50 сааһын туолуутугар) // Чолбон, 1998. № 8. – С. 92.

[103] Тарасов С. Олох кымыһынан туолан туруохтаах // Кыым, 1978. – 01 февраля.

их новаторство подхватили и продолжили молодые авторы – В. Гаврильева, Н. Лугинов, Э. Соколов, П. Чуукаар и др. И поэтому лиризм, субъективность в повествовании выступают показателем возрастающей роли художественной концепции человека и действительности авторов в их произведениях.

Многие критики утверждают, что повествование в крупном эпическом произведении не может держаться на одной монологичности. Но роман Софр. Данилова «Пока бьется сердце», ставший открытием в отечественной литературе, признан «многоголосьем», где объективный мир предавлен в монологах героев и автор их глазами смотрит на окружающую действительность. В монологичности не только отображается внешний мир, но в большей степени раскрывается внутренний мир героев. Таково было новаторство Софр. Данилова в якутской прозе, за которым последовали многие молодые якутские авторы современности.

В современной якутской прозе в повествовании стала преобладать монологичность. Впервые в якутской прозе В. Гаврильева в «потоке сознания» и «диалектике мыслей» сумела проникнуть в подсознательную область бытия своих героев. В хаотичности потока мыслей своих героев она сумела показать изменения, происходящие в глубинах сознания человека. В повестях Н. Лугинова повествование также выливается в монологи героев, в которых автор раскрывает, прежде всего, мысль человека, поток его сознания и внутренний мир своих героев, их видение мира и жизненную позицию.

На обсуждении произведений начинающего прозаика Н. Лугинова в Москве (1978) В. Чукреев предупредил писателя в чрезмерном увлечении внутренними монологами, которые, по его мнению, не дадут автору создать крупные эпические произведения[104].

Но такие опасения оказались напрасными. Монологичны почти все его повести, как социально-психологические, так и философские, в которых автор показывает человека мыслящего, философа, мудреца. Писатель умеет не только проникать во внутренний мир, но каждый раз воплощаться в различные человеческие характеры и даже в явления

[104] Тарасов С. Олох кымыһынан туолан туруохтаах [Текст] / С. Тарасов // Кыым. 1978. – Олунньу 1 күнэ.

материального мира, т.е. «видеть субстанцию мира в одушевленной материи, способной к ощущениям и мышлению»[105]. Сложные монологи даются автором в сцеплении собственно-прямой и несобственно-прямой речи персонажей. Например, в повести «Таас Тумус»: «Старый Одон считает, что счастливо прожил жизнь»[106] - несобственно-прямая речь, затем следует: «И правда, разве это не настоящее счастье – водить большие суда по такой великой реке, как Лена?»[107] - собственно-прямая речь. Такие переходы нужны автору для того, чтоб повествование не вылилось в один монотонный монолог. Когда автор говорит: «Одон считает, что», «Ворон подумал, что», «Кустук ждал, что», «Сэргэ знал, что», повествователь и персонаж сливаются в единое целое.

Повествование в произведении «Дом над речкой» в основном развивается в монологе главного героя – Макара Находкина. Хотя в повести героев много и в параллельных сюжетных линиях раскрываются их судьбы, но на все это смотрим глазами Макара.

В повести «Таас Тумус» повествование выливается в многоголосие. В сюжете, когда всех героев одно событие стягивает в тугой узел, одно и то же время повторяется в сознании и мыслях каждого героя. Поэтому писатель свою повесть разделил на главы по героям: «Тойбол», «Михей», «Ексю», «Одон», «Сардаана». Из общей канвы сюжета кажется, что выбивается глава «Ексю». Однако она имеет значение для раскрытия характера Михея и выступает продолжением его судьбы, его главы. Если характер Тойбола в основном раскрывается в его монологе, то Михей, наоборот, - в диалоге. У Тойбола внутренний мир закрытый, он по своему характеру замкнутый человек, и как охотник, привык свои мысли держать в себе, к тому же замкнутость считается национальной чертой характера северян. Михей же – человек открытый, общительный, ему все время необходимо находиться среди людей. Но своего собственного внутреннего мира у него нет, как и своего дома. Говорят, Л. Толстой своим нелюбимым героям отказывал в глубине души, а своих любимых героев наделял богатством духовного и

---

[105] Новиков А.Г. О менталитете саха. – Якутск, 1996. – С. 34.

[106] Лугинов Н.А. Таас Тумус // Пути земные, пути небесные. Пер. А. Дмитриевой. – Якутск : Бичик, 2007. – С. 106.

[107] Там же. – С. 108.

внутреннего мира. Так получается и у Н.Лугинова. Михей считает себя человеком всего мира, недаром автор его представляет человеком без национальности. Он ни к чему не привязан и абсолютно свободен.

В философских повестях Н.Лугинова повествование монологично. В повести «Кустук» на окружающий мир смотрим глазами собаки. Повествование обрамлено авторским вступлением и концовкой. В начале автор говорит: «Пустынной казалась тундра»108. Только казалась, потому что обитатели тундры все скрылись от студеного мороза. Но повесть заканчивается теми же словами: «Куда ни глянь, одна тундра глядела своим белым бездушным безмолвием»109 (Пер. наш.) Если в начале повести автор как бы сомневается, то в конце произведения он выносит свой окончательный вердикт: природа, как и человек, потеряла свою душу-иччи. Смерть Кустука трагична во всех смыслах. В своем творчестве Н.Лугинов дает ответы на поставленные им вопросы: если в «Кустуке» герой стремится к свободе любой ценой, в повести «Сэргэ» между главными героями идет дискуссия о свободе, то в повести «Таас Тумус» свободолюбивый Михей осуждается писателем. Автор приходит к мысли о том, что абсолютно свободным может быть только человек, оторванный от своих корней. Повествование в произведении представляет собой сплошной монолог, нет диалогов, что показывает абсолютное одиночество Кустука. Смысл человеческой речи собаки улавливают по интонации.

Повествование в повести «Ворон» монологично, но монологи главного героя прерываются иногда диалогами деревьев, оврагов и людей. Больше всего диалогов Ворона со своим другом. В своих диалогах они спорят о смысле жизни, стараясь найти ответы на жизненные вопросы:

«- Как они быстро стареют, люди… И семидесяти лет не прошло. Когда он достиг зрелости и стал уже ни на что не годен… а еще называется Хозяином, Иччи!... Нет, глупо надеяться на нового человека.

- Да, они таковы. Но и мужают они быстро, не забывай. Не забывай главного…»[110].

---

[108] Лугинов Н.А. Кустук // Пути небесные, пути земные. Пер. – В. Карпова. Якутск : Бичик, 2007. – С. 9.

[109] Лугинов Н.А. Кустук // Кустук. – Якутск : Бичик, 2003. – С. 24.

[110] Лугинов Н.А. Ворон // Дом над речкой: повести и рассказы. Пер. П. Краснова. – М. : Современник, 1988. – С. 26.

Вороны вспоминают молодость, рассуждают о жизни, спорят об удаче и т.д.:

«Да так он все сожрет, ничего не оставит… Нас двое, может попробуем? Он не сильнее нас двоих, он истощал, он устал, гоняя зайца, - попробуем?!

- Но он глотнул крови…»[111]. Ворон учит друга быть терпеливее, осмотрительнее и зря не рисковать своей головой. Их диалоги больше всего характеризуют Ворона и выступают продолжением его мыслей.

Деревья Тайги, Леса, Каменные мысы, Поля, Нивы – все приветствуют рождение человека:

« - Уруй!

- Уруй-тускул священной богине Иэйэхсит!.. Да не оставит ее покровительство нас!

- Да не прервется нить жизни священная!

- Мальчик!.. Мужчина!.. Новый Охотник пришел!

- Да будет он нашим Иччи-Хозяином!»[112].

Сэргэ – неодушевленный предмет из всех образов-символов писателя, но наделенный им всеми человеческими качествами, способностью слышать, видеть, чувствовать, размышлять и рассуждать. В повести «Сэргэ» монологи Сэргэ часто прерываются диалогами людей, которые постоянно всплывают в его воспоминаниях. Воссоздается картина давно минувшей жизни – прошлое оживает, люди как бы заново начинают жить, любить, радоваться. Жизнь как бы бьет ключом. Но все это только иллюзия, тоска по прежней жизни народа.

Также диалоги происходят между Сэргэ и его другом Тыал (ветерок). С каждым разом содержание их спора становится все яснее: в их диалогах раскрывается идея произведения. Цикличность же их диалогов образует ритмичность повествования. Тыал завидует постоянству и преданности Сэргэ земле и признается, что он все время ищет и не находит своей души: «Ты счастлив, потому что все у тебя есть. У меня нет ничего своего, ни дома, ни родины. Ищу я свою потерявшуюся душу, поэтому без остановки и устали все бегу-лечу по всей земле…»[113]

---

[111] Там же. – С. 25.

[112] Там же. – С. 30.

[113] Лугинов Н.А. Сэргэ // Кустук. – Якутск : Бичик, 2003. - С. 141, 158.

(Пер. наш.) А Сэргэ завидует его свободе, будь его воля, он полетел бы искать своих заблудившихся хозяев.

Ритмичность повествования усиливается частыми повторами мыслей Сэргэ, повторами таких ключевых слов, как «ожидание», «Иччи». Эмоциональность усиливается риторическими вопросами, восклицаниями, которые также создают ритмизацию прозы. «Холодно! Холодно! Ну и мороз студеный! Тяжело!»»[114], «Да, как же это все начиналось?»[115], «Ну-ну … С чего же все начиналось? Как было начало? А что такое начало? Где оно находится?»116, «О, как же время испытывает людей!»[117], «Ожидание…»[118], «Как же печально! Какая тишина!»[119], «О, если б он пришел!»[120] (Пер. наш.) и т.д. Монологичное повествование в социально-психологических повестях течет более плавно, спокойно, герои в своих видениях, воспоминаниях воссоздают действительность в конкретном, реальном изображении событий и бытовых подробностей.

Время и пространство, как формально-содержательная категория произведения, занимают основное место в тексте и сюжете произведения, также имеют значение в мировосприятии писателя и в его художественном моделировании мира. У каждого писателя свое мировидение, выбор им темы и героев предопределяет своеобразие времени-пространства, в которых он их раскрывает. «Хронотоп моделирует сюжет художественного текста, закрепляет определенные структуры: время является в поэтике произведений элементом сюжетосложения, устанавливающим причинно-следственную связь между звеньями событий, а пространство представляется ареалом, в пределах которого разворачиваются все события» [121]. Таким образом, хронотопу «принадлежит основное сюжетообразующее значение»[122].

---

[114] Там же. – С. 121.

[115] Там же. – С. 136.

[116] Там же. – С. 140.

[117] Там же. – С. 142.

[118] Там же. – С. 149.

[119] Там же. – С. 151.

[120] Там же. – С. 151.

[121] Ноева С.Е. Поэтика времени и пространства в романах И.М. Гоголева. – Новосибирск: Наука, 2009. – С. 4.

[122] Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М. : Худ. лит., 1975. – С. 398.

Время реализуется в пространстве, а пространство – во времени, имея в виду такую их взаимообусловленность, М.М. Бахтин соединил их в одном понятии-термине – хронотоп: «Приметы времени раскрываются в пространстве, а пространство осмысливается и измеряется временем»[123].

Усложнение и индивидуализация пространственно-временных отношений в произведении связано «с возрастающей оригинальностью концепций мира и человека у каждого писателя»[124]. Современному человеку о мире и об его устройстве известно практически все. И он не задается вопросом о происхождении мира, как в мифологии и в героическом эпосе. Цель современного писателя – показать и раскрыть характер человека в обстоятельствах жизни. В свою очередь, связь человека с обстоятельствами, действительностью все время усложняется.

В хронотопе М.М. Бахтин ведущее место отводит времени. Время в действительности вещь неумолимая, оно всегда в движении, течет и не повторяется. Поэтому образ времени у многих писателей часто ассоциируется с образами реки, дороги. Со временем в произведении писатель распоряжается по своему усмотрению, но он сам в некоторой степени становится заложником времени, и его отношение к изображению действительности зависит от эпохи, в которой он живет, от принципов художественного метода и т.д. Поэтому говорят о трех ступенях времени: автора, когда он пишет данное произведение; повествователя, когда он развертывает сюжет; и читателя, воспринимающего сюжет произведения. От их сложного взаимодействия зависит и восприятие читателем произведения и творчества писателя, судьба самой книги – все они становятся составными частями хронотопа произведения. «Произведение и изображенный в нем мир входят в реальный мир и обогащают его, и реальный мир входит в произведение и изображенный в нем мир, как в процессе его создания, так и в творческом восприятии слушателей-читателей. Этот процесс обмена, разумеется, сам хронотопичен: он совершается, прежде всего, в исторически развивающемся социальном мире, но и без отрыва от меняющегося историче-

---

[123] Там же. – С. 235.

[124] Есин А.Б. Время и пространство // Введение в литературоведение. – М., 2000. – С. 59.

ского пространства. Можно даже говорить и об особенном творческом хронотопе, в котором происходит этот обмен произведения с жизнью и совершается особая жизнь произведения»[125]. Таким образом, рождается непреходящая ценность произведения, так как оно в конкретном времени отображает вечное, общечеловеческое.

Время в художественном произведении может быть абстрактным и конкретным, сакральным и историческим. В устном народном творчестве господствовало абстрактное и часто сакральное время. Абстрактное воспринималось как вечное, люди верили в цикличность времени. В сакральном времени отразились мышление, мировосприятие и мировоззрение древнего народа. Реалистическая художественная литература с его одним из главных принципов - историзмом исследовала поступательное движение истории, смену общественных отношений и развитие жизни народа, изменение его сознания, т.е. писатели отображали конкретное историческое время. В современной литературе писатели обращаются к абстрактному, скральному времени при отображении сложных обстоятельств действительности, при этом они часто апеллируют к традициям устного народного творчества.

Новаторское видение мира П. Ойунского состояло в том, что он первым в якутской литературе заявил о том, что человек может сам изменить мир и должен быть участником революционного переустройства действительности. В рассказе «Великий Кудангса» писатель показывает, что древний народ был твердо уверен в неизменности мира, сотворенного и данного верхними божествами раз и навсегда. Великий Кудангса взялся изменить мир, за что понес суровую кару. Но своими действиями он заложил в умах людей, еще невышедших из состояния мифологического мышления, сомнения насчет первозданности и неизменности мира. П. Ойунский ставил целью своего творчества пробуждение сознания народа и содействие перевороту в его сознании, отказу от старого уклада мира и принятию новой жизни. В произведении П. Ойунского синтез сакрального и исторического времени стал способом отображения современной ему сложной действительности.

---

[125] Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М. : Худ. лит., 1975. – С. 402 – 403.

Таким образом, в художественной литературе различают два основных типа времени – абстрактное, сакральное и конкретное, историческое. Их воплощение в произведении зависит от особенностей стиля писателя, от своеобразия его концепции человека и действительности.

Н. Лугинов в своих социально-психологических повестях показывает исторически конкретное время. В основном оно охватывает вторую половину XX века – послевоенное, современное время. Это время не богато историческими событиями, потрясающими мир, как например, революция, гражданская война, репрессия, Отечественная война и др. В социально-общественном отношении народ переживает т.н. эпоху «оттепели», «застоя», что вызвало в творчестве писателей постановку ими актуальных проблем и тем своего времени. Для Н. Лугинова основным отсчетом времени служит Великая Отечественная война, которая стала для писателя шкалой измерения духовных и нравственных ценностей современного общества.

Способы отображения времени в повестях Н. Лугинова по своей художественной функции различные.

Поступательное развитие времени реализуется в хронологическом сюжете, например, в повестях «Роща Нуоралджыма», «Танец», «Паводок листопада». В повести «Роща Нуоралджыма» бабушка одержима мыслью о продолжении рода, она наставляет своего внука: «Стань человеком!»[126]. События одного лета: рождение брата, смерть бабушки – сыграли огромную роль в становлении личности Нюргуна. Бабушка заканчивает свою жизнь, но она озабочена думами о будущем не только своего рода, но и жизни на земле. Поэтому свою Нуоралджыму она отдает молодой семье, новой жизни. Повесть «Паводок листопада» заканчивается словами автора о том, что наполненная паводком вода все текла и текла. А вместе с ним течет и время, пролетят года. В обеих повестях мальчики станут взрослыми, обойдут много земель и пространства, но обязательно вернутся на родину, к своим истокам. Наставления бабушки стали заветом для Нюргуна: «Может и статься, что окрепнут у вас с братом крылья, и вы тоже улетите из родного гнезда. Страна широка, земля велика… Так что везде можно жить с

[126] Лугинов Н.А. Роща Нораллджыма. Пер. С. Шуртакова. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1979. – С. 16.

пользой для людей, только нужно всегда помнить о своей Нуоралджыме…»[127] Финал повестей – открытый, время перетекает в вечность, писатель решает вечные проблемы бытия и человечества.

Интересное время представлено писателем в повести «Поединок». Оно раскрывается в концентрическом сюжете, охватывающем короткий отрезок времени, исчисляемый часами и минутами. Но в мыслях, воспоминаниях героев оно расширяется, охватывая всю их жизнь. Автор показывает всего пять дней из жизни спортсмена. Эти пять дней начинаются в 10 часов 43 минут 15 июля и заканчиваются в 4 часа 12 минут 19 июля. Одно и то же время проходит в различных, отдаленных друг от друга пространствах – Нюргун борется на арене международного соревнования в столице Болгарии, Софии, а его тренер Кирилл Маркович переживает за него, находясь в родной деревне Чурапче. Из далекой Якутии он тщательно следит за ним, его настроением, анализирует ход борьбы спортсменов и поведение, борьбу своего воспитанника. Однако в таком коротком отрезке времени вмещается вся их жизнь, автор в воспоминаниях героев, во временных инверсиях, прослеживает за историей их судьбы, их пути к победе. Время служит для выявления возможностей Нюргуна и закаления, становления его характера, как чемпиона. Нюргун шел к своей победе, обретя мудрость в изучении тактики борьбы, психологии борцов, человеческих отношений и преодолевая свои слабости. К этой победе путь тренера же был более долгим и трудным. Он прошел испытания годами военного лихолетья, его сознание формировалось в борьбе за выживание в чужих краях. В годы войны их выселили из собственных домов и родных мест, эту тему переселения чурапчинцев Н. Лугинов затронул в якутской литературе одним из первых. Писатель в своей повести показывает одну из интересных сфер действительности – спорт, где время обретает особый смысл. Считанные минуты решают судьбу не только спортсмена, но и всего государства. О своих чувствах, когда звучит гимн их страны, говорили многие спортсмены. Значит, в спорте формируются, усиливаются и обостряются такие чувства человека, как патриотизм, ответственность и гордость за свою страну. Нюргун все

[127] Там же. – С. 107.

это познает, как говорится, на своей шкуре. И он снова назван писателем как Нюргун не зря, как богатырь из героического эпоса, он стоит на страже интересов своей родины.

Н. Лугинов в своих произведениях в основном создает сложное время. В сюжете его повестей реализуются прерывность (дискретность), повторяемость и цикличность времени, что показано в изображении судеб нескольких героев произведений, отраженных в параллельных линиях и в ретроспекции сюжета, в которых часто происходят временные инверсии.

В повести «На Сергеляхе» герои говорят о том, что прошло пять лет после окончания университета. Но своими мыслями во временных инверсиях они все время возвращаются к своим студенческим годам. Первая пятилетка – университет – время становления их личности, когда они проводят его в поисках истины, в спорах о будущем, в упорном постижении нового, вторая пятилетка – самостоятельная жизнь и труд молодого специалиста – это время закаливания характера и испытание, проверка его на прочность. Такая временная продолжительность соизмерима с тем, что советский человек вообще мыслил, планировал и жил пятилетками. В параллельных линиях сюжета герои повести переживают одно и то же время.

В повести Н. Лугинова «Таас Тумус» охватывает всю жизнь человека, эта протяженность реализуется в биографическом времени. Тойбол, Михей, Одон подошли к рубежу своей жизни. В сложном сюжете герои произведения проходят испытания событиями, обстоятельствами жизни, и одновременно все они анализируют пройденный ими жизненный путь. В повести всего пять глав, каждую из которых представляет герой произведения: «Тойбол», «Михей», «Ексю», «Одон», «Сардаана». Одон доволен собой, своей жизнью, он достиг своей заветной мечты – водить огромные суда по великой реке. Одно его мучает – как повиниться перед дочерью, но и здесь он выходит победителем, как бы тяжело ни было, он открывает ей правду. Тойбол в последнем десятилетии не живет, а существует, у него одна мечта – быть похороненным рядом со своей женой. У него остались одни воспоминания, в которых все его родные и друзья предстают живыми, счастливыми, какими он не видел их даже в настоящей жизни. Прошлое живет вместе с ним.

Он понимает, что пока он их помнит, его родные живы. Писатель представляет Тойбола человеком, постигшим тайну бытия и вечности.

Поступательное развитие времени и хронологического сюжета в судьбе главного героя Макара в повести «Дом над речкой» прерывается параллельными линиями судеб других героев. Война и участие в ней Макара и Ситухи даются в ретроспекции. Повесть состоит из трех частей, в которых раскрывается характер главного героя. В первой части повести герои предстают молодыми, сильными, работящими людьми со своей установкой и мечтой в жизни. Но момент их возмужания, зрелости из повести выпадает. Сюжет Ситухи и Андрея прерывается их смертью. Во второй части показывается, как они завершают свои жизненные пути – Барахов, Зайцев и Макар. Они уже старые люди, подводящие итог своей жизни. Барахов, кажется, всего достиг, чего хотел: дом – полная чаша, дача, машина, жизнь в городе. Но счастья не оказалось, мечты оказались призрачными, дети не уважают, ценности в оценке бытия у Барахова также изменились. Зайцев также достиг всего, чего хотел – славы, денег, высоких должностей, признания, почитания, жизни в столице. Но опять потерял свои ориентиры в жизни, оказался ненужным обществу, он считал, что жизнь держится на нем одном. Выходит, Макар, живший незаметно, довольствовавшийся малым, не мечтавший о зажиточной жизни оказался более счастливым. Но он еще не знает себя. В третьей части повести на арену действий выходит его сын – Тит. И характер Макара меняется, он строит свой дом, в котором планирует жить еще долго и счастливо.

К данной повести автор возвратился во второй раз и дополнил ее третьей главой, вместе с этим изменилось и все содержание произведения. В первом варианте повести в двух ее первых частях автор методом противопоставления показывает историю судьбы своих героев – прежде и теперь, когда они были молодыми и затем, став стариками, как бы подытаживали пройденный ими жизненный путь. И поэтому повесть называлась «Соревнование». Люди, добывавшие алмазы, соревновались в поисках богатых месторождений, многие партии гибли в трудных условиях, некоторые терпели поражения, а другие, добывая драгоценный камень, хватали удачу за хвост. Но и победители распоряжались своей судьбой по-разному: кто умирал от алкоголизма, кто бро-

дяжничал, кто совершал преступление. А оставшиеся «соревновались» в жизни: кто в ней сумеет реализоваться и достичь своей мечты. Макар – временщик, он похож на странника, который следит за судьбами своих коллег. Во втором варианте повести писатель добавил третью часть и изменил ее название – «Дом человека», в переводе – «Дом над речкой». Макар был странником, бродягой, не искал себе постоянного пристанища. Но в третьей части он становится другим человеком. «Посадить дерево, построить дом, родить сына» - это о нем, он выполняет свой мужской и человеческий долг в жизни.

Время в философских повестях Н.Лугинова в основном абстрактное, цикличное, так как писатель повествует о вечных, общечеловеческих ценностях. И образы времени в них символические, это в основном времена года – зима («Кустук», «Ворон») и смена времен года («Сэргэ»).

В повести «Кустук» в тундре властвует зима с ее снегом, холодами и пургами, что вполне соответствует мировосприятию мира главным героем. Он защищает свой внутренний мир, свое «я», свою свободу, ему холодно, плохо, трудно, и его свобода скована холодом, цепями. Во временных инверсиях Кустук видит свое счастливое прошлое, которое его постоянно преследует и не дает покоя, превращаясь в неотступную мечту о свободе. Вопрос состоит лишь в том, насколько это состояние плена может продолжиться: вечно или придет конец его мучениям, каков будет этот конец? Время в произведении абстрактно и циклично потому, что такое положение дел может быть везде и всегда, т.е. писатель в своей философской повести ставит общечеловеческие проблемы.

В повести «Ворон» также властвует зима. Ее холод может прервать только Весть о рождении нового человека, это зарождение надежды на перемену в жизни, надежда на счастье, на продолжение жизни и традиций народа. Ворон – птица долговечная. Он сам толком не знает, сколько же лет он прожил на белом свете – триста или четыреста? И рассуждает о том, что жизнь измеряется не длиной, а мгновениями познанного счастья. Но вместе с тем время в этой повести соотнесено с жизнью человека и проблемами современного общества.

События в повести «Сэргэ» развертываются в смене времен года. Повествование также начинается с зимы, но приходит весна, а затем

наступает и лето. И опять придет зима, сковывающая своей ледяной стужей сознание, мечту, жизнь на белом свете. Так писатель показывает текучесть времени и вечность в ожидании Сэргэ. Вместе с тем в воспоминаниях Сэргэ о прошлом возникает жизнь нескольких поколений людей, и тогда в изображении счастливой жизни семьи преобладает лето. В молодости Дария и Сидор были счастливыми, жили в родном аласе в собственном доме, но их детей война, затем и современная жизнь разбросала далеко от родных мест. Сэргэ выступает посредником между поколениями людей, землей и небом, смертью и вечностью. Он олицетворяет прорыв в вечность, и народу нужно держаться за него.

Н. Лугинов героев, испытанных во времени, населяет в определенном внешнем пространстве, в котором различаются конкретное и вымышленное. У писателя во всех его произведениях пространство конкретное, писатель изображает родные места, раскрывает великолепие и красоту природы родной Якутии, воссоздаются любимые автором родные места.

Своеобразие поэтики писателя видится в том, что он изображает красоту родной природы и является мастером ее описания. Вот примеры из повести «Роща Нуоралджыма»: «В глубине, в чащобе еще держится снег. А на опушках кое-где видны его дотаивающие, набухшие влагой остатки.

Высокое и чистое весеннее солнце щедро льется на землю, и над его лучами сверкают, вспыхивают многоцветной радугой последние крупинки снега, превращаясь в капельки и собираясь в тоненькие ручейки.

Один такой ручеек бойко, весело бежит, извиваясь меж покрытых опавшей хвоей кочек, собирает по дороге другие ручейки и постепенно заливает, заполняет прозрачной водой широкую луговину…»[128]. «Над темной, почти черной полосой леса горит вполнеба вечерняя заря… Я теперь вижу на розовом фоне небольшие, замершие в неподвижности облачка; вижу, как они, насквозь просвеченные ушедшим за горизонт солнцем, каждую минуту, а может и секунду, меняют свой цвет. Одни облака вспыхивали ярким розовым пламенем, другие постепенно

[128] Лугинов Н.А. Роща Нораллджыма. Пер. С. Шуртакова. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1979. – С. 9.

гасли, а некоторые вовсе на глазах таяли, исчезали…»[129]. «Солнце. Процеживаясь сквозь ветви деревьев, лежит золотыми пятнами на кустах, на придорожной траве. Щедро льется сверху солнечное тепло и словно бы переливается и в эти кусты, и в эту траву – каждая ветка, каждая травинка живет, дышит, радуется…»[130]. «Я иду опушкой Нуоралджымы и слушаю, как сверху, из небесной сини, льется торжествующая трель жаворонка. Но вот он сложил крылья, опустился в густую траву и смолк. И тут же на разные голоса запел, зазвенел лес. Будто все птицы до этого слушали жаворонка и вот теперь только осмелились запеть сами»[131] и т.д.

В пространстве исследователи выделяют природные, бытовые, социальные, сакральные и географические топосы[132]. В произведениях устного народного творчества описание природы имело одно из главных мест. Ее функции были разнообразны, но она имела также самостоятельное значение, являясь предметом искусства и воплощением прекрасного. В литературе социалистического реализма и реализма вообще природа превращается в пейзаж, начинает служить фоном для событий и местом действий героев.

Оживленная, одухотворенная природа в повестях Н. Лугинова становится живой участницей событий, сопереживающей героям. В социально-психологических повестях такое изображение с особой силой прозвучало в таких произведениях автора, как «Роща Нуоралджыма», «Таас Тумус», «Улыбка старика», «Высокие острова». Природа в «Роще Нуоралджыма» поэтична, показана автором во всей своей красе, летнее время автором не идеализируется, но оно показано как любимая пора детства и в целом всего народа. В повести «Таас Тумус» реки, горы величественны, вместе с тем символичны.

А в философских повестях Н. Лугинова природа становится основным пространством. Она не выступает фоном для событий, а становит-

---

129 Там же. – С. 22.

130 Там же. – С. 46.

131 Там же. – С. 95.

132 Белозубова Н.И. Проза Хейдока в контексте литературы Дальневосточного зарубежья: виды и образы пространства // Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2009. – С. 5.

ся фантастическим, метафорическим миром, который живет своей жизнью, думает думы, размышляет, страдает и радуется. Писатель дает прекрасные картины леса, тайги, долин, аласа. Он знает их обитателей и постигает законы их бытия. В финале повести «Сэргэ» автор так изображает природу: «Осенняя природа стояла, как застывшая. Вдруг у западной большой дороги молодые деревья, придя в смятенье, расступились, словно захотели дать дорогу. Ввысь с ревом взлетел огромный холорук (буря)… Оказавшись таким образом на середине аласа, внезапно остановился и на месте яростно закрутился, словно ища что-то. Затем раздался ужасно громкий звук, словно ударяли доской об доску, поднявшийся сор с пылью двинулся к опушке леса прямиком к Высокому дубу и Старой сосне. И вдруг Высокий дуб, весь изогнулся, будто приподнявшись высоко над землей, затем со страшным треском рухнул навзничь, обломав свои ветви! Вместе с этим холорук исчез без следа. Только листва, поднятая вверх вместе с пылью-сором, начала опадать на землю… Тишина… Только тоскующая Старая сосна, оплакивая своего друга, стояла, качаясь на ветру…

Сэргэ после такой трагедии словно согнулся и накренился еще больше»[133] (Пер. наш.). Такой конец повести показывает, что надеждам Сэргэ на возвращение людей вряд ли суждено сбыться. Писатель показывает трагизм положения современного общества, когда народ оторвался от родной земли и забыл свои истоки.

В абстрактном пространстве философских повестей писатель мыслит образами своего национального мира: Аласа («Сэргэ»), Тайги («Ворон») и Тундры («Кустук»).

В философских произведениях, как отмечает С.Е. Ноева, специфический хронотоп: «Пространственно-временная проекция видоизменена – она развивается в обратном направлении: мир человека превращается в наблюдаемый извне мир»[134]. Так и в повестях Н. Лугинова на действительность смотрим как бы со стороны – глазами собаки, ворона и сэргэ.

---

[133] Лугинов Н.А. Сэргэ // Кустук. - Якутск: Бичик, 2003. - С. 172.

[134] Ноева С.Е. Поэтика времени и пространства в романах И.М. Гоголева. – Новосибирск: Наука, 2009. – С. 20.

Пространство в социально-психологических повестях Н. Лугинова конкретное. Место действия героев начинается с их указания в названиях повестей. «На Сергеляхе»: Сергелях – это местонахождение университета, где произошло становление характера героев, и откуда началась их самостоятельная жизнь. Сергелях во многом определил их жизненные позиции и пути, поэтому он незабываем ими.

«Роща Нуоралджыма» – алас, где проходит детство Нюргуна, его родина, которую бабушка наказала никогда не забывать.

«Таас Тумус» – заброшенное селение, где прошла семейная жизнь Тойбола, Таас Тумус – это каменный мыс, гора, вечный свидетель и памятник жизни народа. Так конкретные пространственные обозначения наполняются символическим значением.

У Н. Лугинова нет вымышленных мест действия героев, он изображает конкретные географические топосы, собрав их в единую систему, писатель создает образ своего мира. «Создавая мир произведения, писатель структурирует его, помещая в определенном времени и пространстве. Есть примеры, когда по тексту можно воссоздать детальную топографию действия – фантастическую или как бы реальную»[135]. Такую топографию можно составить и по произведениям Н. Лугинова.

В повестях «На Сергеляхе», «Танец», в романе «Этажи» автор воссоздает картины из жизни города Якутска. Для героев произведений Якутск прекрасен, его улицы, дома, все достопримечательные места связаны с их жизнью.

В повести «Таас Тумус» изображаются земли Кобяйского улуса. Таас Тумус - родное селение писателя, где он знал всех жителей, здесь жили его предки, родственники, друзья, селяне, которых объединяли одни и те же события, трагедии и радости. Отсюда видны снежные вершины гор Верхоянья, особенно такие монументы, как Ирэкээ и Орулхан. Величавая река Лена несет свои воды и огибает Таас Тумус. Охотник Тойбол знает тайгу вдоль и поперек, он охотится у Верхоянских гор, бывало, доходили и до Северного Ледовитого океана. Приключения Михея ограничиваются тем, что он мотался по реке вниз и вверх.

---

[135] Введение в литературоведение / Г.Н. Поспелов, П.А. Николаев, И.Ф. Волков и др. – М. : Высш. шк., 1988. – С. 200.

В повестях «Кустук», «Улыбка старика» изображается жизнь Севера и тундры, в первой - зима, во второй социально-психологической повести писателя – лето, с его птицами, растениями, показывается жизнь эвенов их труд, оленьи стада.

В повести «Высокие острова» действия героев происходят в Намских землях, расположенных у реки Лена. Главный герой вспоминает годы войны, места своих сражений.

Главный герой повести «Дом над речкой», как герой-странник, проходит по многим местам вилюйских районов, он часто бывает в таких городах, как Мирный, Якутск, Москва, Сочи и т.д.

Повесть Н. Лугинова «Тюсюлгэ» в переводе названа как «Поединок». «Тюсюлгэ» – это спортивная арена, где происходит схватка борцов. Таким названием писатель подчеркивает замкнутое пространство, так что своеобразие времени-пространства создает камерность произведения. Но герои своими воспоминаниями во временных инверсиях расширяют хронотоп произведения.

В повести «Сэргэ» писатель показывает удивительный мир, который героями признается как «Айыы сирэ» - «земля божеств». Но вместе с тем это реальная земля – земля предков самого писателя. Как географическая точка, эта земля не только красива и богата природными дарами, вместе с тем она для якутов имеет особое значение. Она названа Орто Сурт – срединная земля, это было местом пресечения охотников из разных улусов и встречи купцов, которые торговали, обменивались товарами, здесь собиралось много народа, устраивались спортивные соревнования и состязания. У жителя аласа Сидора фамилия Суртахов, так как он был хозяином этой земли. Сэргэ, как олицетворение древа мира, находится в центре земли. Он, как вертикаль держит и соединяет пласты пространства и времен, концентрируя в себе мысль, веру, мечту народа о счастливой жизни. Таким образом, писатель подчеркивает важность поставленной им проблемы для всего народа и мира.

В исторических повестях – «Хуннские повести» писатель показывает жизнь трех поколений, которая на протяжении многих лет, даже веков проходит в одном и том же пространстве - на границе государств. Тем самым писатель хочет показать, что великая история Китая насчи-

тывает тысячелетия, на протяжении которых изменения как бы замедляются. В повести автор акцентирует внимание читателей на философском аспекте бытия человека.

Главными архетипическими образами пространства в литературе, по М.М. Бахтину, считаются «Дом», «Порог», «Дорога», то, с чего начинается жизнь человека, и он, достигнув зрелости, устремляется осваивать другие края. Такие образы имеют бытование повсеместно, в любой литературе любой эпохи, потому что представляют собой жизненно важные общечеловеческие понятия и ценности. Эти образы также связаны с внутренним имром человек, в котором происходит изменение характера человека и становление личности, что всегда становилось предметом художественного исследования повести.

В творчестве Н. Лугинова Дом занимает основное место, ему посвящены многие его произведения, начиная с одной из его первых повестей «Роща Нуоралджыма» и заканчивая итоговым произведением – «Дом над речкой». Таким образом, происходит как бы обратный процесс в художественных исканиях писателей. Если до этого герои якутской литературы словно стремились покинуть родное гнездо, чтоб освоить иные пространства, то писатель ратует за их возвращение в Дом. В его Доме сосредоточены вековые народные традиции, мудрость и вечные ценности. Таким образом, автор борется за их сохранение и почитание, верность заветам предков. Дом – это семья, семья – ячейка государства. Дом - самый почитаемое понятие у якутов, как символ рождения, жизни и смерти человека. В романе «По велению Чингисхана» Н. Лугинова данный образ переходит в свою наивысшую категорию и перерастает в Государство. Писатель мыслит на уровне государства и мира. Государство – это также Дом, который нужно строить, развивать и защищать. Дома, то есть семьи, бывают крепкие, родовитые, многочисленные, так и государства бывают разные. Среди них есть государства с вековыми историями и традициями, развитые, с воинской славой и т.д. В своем романе «По велению Чингисхана» Н. Лугинов показывает монгольскую империю и ее предводителя, ставит такие вопросы – каким путем была достигнута ее слава, кто был ее вдохновителем и почему она распалась? А некоторые империи, например, как Китай, Россия до сих пор благополучно существуют. То есть

государства, как и отдельный человек и его Дом, имеют свою судьбу, свои истории рождения, становления и развития, распада и возрождения.

Просторы необъятны и зависят от интересов, мечты преодоления человеком пространства. Но если молодые люди стран Европы, Америки всегда устремлялись на покорение пространства земли, морей и океанов, и даже пускались на поиск таинственных, мифических стран, то национальный менталитет якутского народа совсем другой. Хотя и говорят о далеких предках якутов, как кочевников, но они на территории Якутии кочевали в пределах своих владений: от зимовья к летнику и наоборот. Простор им предоставляет огромная территория Якутии, по которой бродили люди-странники. Первые якутские писатели-просветители критиковали патриархально-феодальный уклад жизни, когда люди всю свою жизнь не отрывались от своих родных мест, поэтому развитие народа и его сознания как бы оставались в заторможенном состоянии. В основном, как потом повелось, якуты ехали учиться, за светочем знаний. С другой стороны, в литературе простором называют пространство вне дома. Поэтому странствующими героями являются люди без Дома, как Михей, Макар, Ситуха и др.

Порог – это преодоление, перешагнув которое, человек оказывается в другом месте, в другом мире, в другой жизни. Порог символизирует состояние человека, стоящего перед выбором, перед принятием главного решения в его жизи. Порог показывает становление, развитие и изменение характера. Например, в повести Эрилик Эристина «Исполнение завещания» (1938) раскрывается характер якутского человека, прозванного Иваном Сонливым. Он не хочет выйти за пределы своего родного аласа. Когда ему предлагают плодородные земельные наделы богача, он наотрез отказывается, хотя его земельные угодья непригодны для проживания людей и содержания скота. Он не принимает борьбу классов, и его сознание как бы «спит». Но все-таки переступив порог старого мира, он входит в новый мир.

Кустук бежит от своего тирана к своему хозяину. Но умирает на вершине горы, откуда видны огни его родного дома. Он умирает на пороге своей новой жизни, потому что ее не будет. Он остался на этом свете одиноким, но свободным. Он должен был переступить порог от

зла к добру, от неволи к свободе, но ему нет места в этой жизни, потому что его предали по обе стороны порога.

Если повесть Н. Лугинова «Роща Нуоралджыма» завораживает своей поэтичностью, а «Таас Тумус» – своей таинственностью, то повесть «Кустук» одно из самых загадочных и самых эмоциональных произведений автора. В повестях «Ворон», «Сэргэ» сильна постановка автором проблем сохранения национальных традиций и устоев жизни народа. В «Кустуке» ставится проблема свободы. Повесть, видимо, связана с жизнью самого автора, создавшего ее в моменты своего душевного разлада, кризиса. Оказавшись далеко от родных мест, он испытывал отчаянную тоску по родине и на работе его, как молодого специалиста, возможно, притесняли. Все эти эмоции автора вылились в его произведении. Понятие свободы может быть только относительным. «Жить в обществе и быть свободным от него невозможно», человек окутан путами обязательств, норм, порядка, закона. И писатель ищет ответы на вопросы, заданные жизнью.

В повести «Дом над речкой» приглянувшаяся Макару молодая женщина Арыпыай вряд ли пойдет за ним странствовать. И поэтому она остается дома, и в течение всей его жизни она так и запомнилась стоявшей, опершись на свою изгородь. Изгородь, забор – это также порог, который не может переступить Арыпыай. Она – человек Дома. Но и Макар не может переступить этот порог. Был момент, когда он решился вернуться к Арыпыай и жениться на ней, но так и не доехал. Дороги, которые он выбирал в своей жизни, так и не привели его к Арыпыай, к семейному очагу. Но в конце произведения он все-таки сумел переступить этот порог, построив дом и поняв его значение для человека. Его характер изменился.

Символом-образом в пространстве у Н. Лугинова через все его произведение проходит Иччитэх сир – пустая земля, земля без хозяина. Образ Иччитэх сир, продолженный автором в его романе «По велению Чингисхана», С.Е. Ноева объясняет так: «Такая пространственная категория, как «пустота», рассматривается писателем на уровне онтологической проблемы. В исторических романах в отличие от предыдущих историко-революционных модель «человек и история» подвергается модификации и предстает в более усложненной конфигурации «народ

и мир»»»[136]. Если в историческом романе Н. Лугинова на первый план выходит проблема войны и мира, то в повестях писатель ставит нравственные проблемы современности. Поэтому пустота также предстает в бинарной оппозиции с образом Дома, так как Дом с хозяином, а земля осталась без него. Но во многих его повестях и Дом, и природа, и человек выступают двойниками, так как все они остаются без Иччи, без Хозяина, без души. Так писатель показывает разрушительное отношение человека к родной земле и критикует бездуховность, безнравственность, аморальность современного человека. Таково трагическое положение современного общества.

У писателей-психологов основное место в изображении человека занимает, кроме показа внешнего пространства, исследование внутреннего пространства своих героев. Внутренний мир человека – это его личное пространство, чутко охраняемое от внешнего вторжения. Это его знания о мире, мысли, воспоминания, сны, мечты и т.д. Такие талантливые писатели, как Л. Толстой, Ф. Достоевский, бились над раскрытием тайны неразгаданной человеческой души.

Н. Лугинов в своих произведениях огромное внимание уделяет выявлению внутренних возможностей человека, стоящего перед нравственным выбором и раскрытию внутреннего мира героев. Его повествование в монологах служит максимальному раскрытию характера, его внутренней драмы и тайн его души, мотивов его поступков.

Тойбол больше живет своими воспоминаниями, видениями, снами, воображением воскрешает давно ушедшее время. Это его личный, никому не открываемый, замкнутый мир. В него он не впускает никого и предан ему всей душой. Это то единственное, что у него осталось в этом мире. Люди удивляются тому, что он не принимает участия в событиях действительности, ведет себя отстраненно от них. Для них становится загадкой, для чего же жил старый Тойбол? Но он знает тайну человеческого бытия, постиг его высший смысл. Недаром Михей, узнав о том, что Тойбол посвятил свою жизнь ожиданию, как бы пересматривает свою жизнь, ища в ней смысл своего бытия.

---

[136] Ноева С.Е. Поэтика времени и пространства в романах И.М. Гоголева. – Новосибирск : Наука, 2009. – С. 20.

Молодые герои писателя, как наиболее открытые люди, общительны, делятся сокровенными мыслями, мечтами со своими друзьями («На Сергеляхе»).

Михей («Таас Тумус») – человек общительный, всем рассказывает о себе, о своей судьбе. Но и у него есть свои тайны, охраняемые им, и свои сокровенные думы.

Люди в экспедиции представляют собой маленький мир, заброшенный в неизвестное, незнакомое им пространство, где они чувствуют необходимость раскрыться друг другу («Дом над речкой»). Иногда это выходит боком, Макара обзывают «үөн» («насекомое») – безродным существом, отшепенцем.

Есть и крепкие орешки. Охоноона («Высокие острова») даже жена не смогла раскусить за долгие годы их совместного проживания. Он свои мысли прячет от всех, даже от близких людей, когда жена ругается, он с ней спорит только про себя или вообще игнорирует ее. Он любит жить в своем замкнутом мире и со всех сил оберегает его от остальных. Это своего рода протест против окружающей действительности и защита своего мира. Его сны – это продолжение его жизни, он ищет ответы на многие жизненные вопросы. В свое время люди не приняли Охоноона, оттолкнули, в своем несчастье он обвиняет других и спасается одиночеством на острове. Пространство его – остров, окруженный водой, отчужденный от берегов и от людей.

В реальной пространственно-временной организации социально-психологических повестей Н. Лугинова видно, что писатель показывает современное ему общество и ставит его актуальные проблемы. В философских повестях писателя время-пространство, приобретая фантастические и аллегорические черты, абсолютизируется, автор акцентирует свое внимание на вечных, общечеловеческих ценностях.

3.2. Художественные функции образов-символов и архетипов

Художественная концепция человека и действительности является категорией эстетической и «вне поэтики не может восприниматься»[137]. Таким образом, для полного представления художественной концепции человека и действительности писателя обязательным становится исследование художественных функций образов в его произведениях.

Так как образ сам по себе является продуктом авторского художественного сознания, в нем воплощается своеобразие видения мира писателем. Если в произведении образ, представляя отраженную автором действительность, становится всеохватным, то деталь выступает как бы его малой частью, но смысл и сила детали в том, что «в бесконечно малое вмещено целое, целый мир»[138]. Образ становится темой произведения, а деталь – это его идея. Таким образом, деталь помогает раскрыть скрытый смысл произведения. Когда деталь начинает обретать свое наибольшее значение, она переходит в категорию символа, в большей степени олицетворяющего художественную концепцию писателя о человеке и действительности. Есть образы-детали и образы-символы, первые в малом вмещают целое, вторые объемлют всеобщее.

Деталь в основном работает в бытовых, психологических, реалистических произведениях и может проявить себя в воспроизведении бытовых реалий, в зарисовке портрета, пейзажа, интерьера, вещей героев и др., а символ в большей степени присущ философским произведениям и выражается в необычных образах. Например, критики обращают внимание на то, что у аристократа до мозга костей Павла Андреевича Кирсанова в «Отцах и детях» И.С. Тургенев выделяет белоснежные манжеты его рубашки. Эта деталь занимает основное место в его характеристике, указывая не только на его чистоплотность, аристократизм, но и на то, что он как «западник» в своих взглядах далек от народа. А горящее сердце Данко у М. Горького выступает символом борь-

---

[137] Бочаров А.Г. Требовательная любовь: концепция личности в современной советской прозе. – М. : Худ. лит., 1977. – С. 21.

[138] Балданов С.Ж. Художественная деталь в бурятской прозе. – Улан-Удэ : Бур. книж. изд-во, 1987. – С. 13.

бы народа за справедливость. В якутской литературе, соответственно, возьмем рассказы Суорун Омоллоона и П. Ойунского. В рассказе Суорун Омоллоона «В рождественский вечер», где хозяйка парню-скотнику дает на оладью больше, чем больному старику. В такой маленькой детали всплывают все перипетии человеческих отношений. В рассказе П.А. Ойунского «Великий Кудангса» меч выступает символом борьбы пробуждающегося народа.

В социально-психологических повестях Н. Лугинова деталь преобладает в основном в портретной характеристике героев, так как писатель бытовому описанию, как таковому, не уделяет особого внимания. Например, в портрете Михея автор выделяет его рыбьи губы, и в жизни он ведет себя, как рыба, плывет по течению обстоятельств.

В философских повестях Николая Лугинова в раскрытии художественной концепции человека и действительности основную роль играют образы-символы.

В повести «Кустук» собаки выступили аллегорическими образами, олицетворяющими человека и качества его характера. Повесть писателя, на первый взгляд, можно соотнести с произведениями Джека Лондона «Белый клык», А.П. Чехова «Каштанка». Но эти произведения интересны тем, что в них описывается жизнь собаки, писатели показывают особенности ее психики, рефлексирующей не только на уровне инстинкта, но и на уровне привычки, привязанности и даже в какой-то мере и сознательного восприятия окружающего мира. В произведениях А. Чехова и Д. Лондона звучит социально-нравственная проблематика. В философской повести Н. Лугинова образы приобретают символическое значение.

Двойничество стало одним из основных категорий в познании человека и мира у И.М. Гоголева: «Модель мира романов Гоголева включает систему бинарных оппозиций»[139]. У И. Гоголева оно также становится методом раскрытия характера героев. У Н. Лугинова двойничеству придается основное значение, так как в аллегорическом содержании повестей охватываются параллельные миры жизни общества и

[139] Ноева С.Е. Поэтика времени и пространства в романах И.М. Гоголева. – Новосибирск : Наука, 2009. – С. 85.

природы, в целом отражающие концепцию действительности автора. В повести «Кустук» Н. Лугинова образ двойника сложный, он одновременно близнец и антагонист. Вожак собачьей упряжки и Хозяин внешне похожи: Байбал «всегда двигался медленно, не спеша»[140], и Басыргас «идет медленно, солидно, виляя хвостом»[141] (пер. наш. - Т.П.). Они и внутренне похожи: важничают, сознавая свое мнимое превосходство над другими. Поведение хозяина также собачье (по иронии, люди выражаются такими словами, характеризуя жестокость человека, но животные до такого состояния не доходят), он жестоко убивает Кырбыя. Писатель постоянно сравнивает Байбала с собаками, говоря, что он ходит в обличье собаки, и когда жаловался на свою судьбу, уподобился им: «И сам он был очень похож на жестоко избитую собаку»[142]. Значит, и людские отношения ничем не отличаются от собачьих. Вместе с тем писатель говорит о том, что на этот раз душа имела собачий облик. То есть заблудшая в мире Душа поселилась в Кустуке. Но в этом мире он оказался одиноким и брошенным. Такой отверженный человек ищет родственную душу, не выдерживая своего трагического одиночества. «Трагедия человека, который не в силах обрести друга, соучастника, сотоварища, подчеркивается тем, что близким ему в конфликтной ситуации оказывается нечеловек: собака, дерево, ворона … - существа, не имеющие полноценной возможности к соучастию»[143]. А в повести Н. Лугинова собаки становятся главными героями произведения, переживающими, ощущающими себя и окружающий мир, с одной стороны, с другой – они олицетворяют самого человека, одинокого, несвободного. Писатель в данном случае воплощение иччи видит не в людях, ни в Байбале, ни в Охонооне. У молодого автора как максималиста усиливается протест против современной ему действительности и звучит мотив разочарования в людских отношениях.

---

[140] Лугинов Н.А. Кустук // Дом над речкой: повести и рассказы. Пер. В. Карпова. – М. : Современник, 1988. – С. 5.

[141] Лугинов Н.А. Кустук // Кустук. – Якутск : Бичик, 2003. – С. 14.

[142] Лугинов Н.А. Кустук // Дом над речкой: повести и рассказы. Пер. В. Карпова. – М. : Современник, 1988. – С. 14.

[143] Ноева С.Е. Поэтика времени и пространства в романах И.М. Гоголева. – Новосибирск : Наука, 2009. – С. 92.

Каждая собака олицетворяет собой качество характера человека: важность, лидерство – Харабыл, льстивость – Сырбай, простота – Маган, безобидность – Хара, верность, преданность – Кустук. Все эти черты характера могут быть совмещены в одном человеке: «Люди, как реки: вода во всех одинаковая и везде одна и та же, но каждая река бывает то узкая, то быстрая, то широкая, то тихая, то чистая, то холодная, то мутная, то теплая. Так и люди. Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств людских»[144]. Таким образом, человек в повести как бы не раздваивается даже, а множится. В данном случае в семи собаках собраны основные черты характера человека. «Метаморфоза (превращение) – в основном человеческое превращение – наряду с тождеством (также в основном – человеческим тождеством) принадлежит к сокровищнице мирового доклассового фольклора» [145]. Если в анимизме народа все живое и неживое имело душу, и они с человеком легко могли найти свое родство, то в современной литературе метаморфоза становится средством углубления в душу человека, в законы бытия и природы.

Оппозицию Байбалу составляет образ Кустука, прямого, честного, свободолюбивого, смелого. Он во всех грехах обвиняет Байбала и ненавидит его, идеализируя своего настоящего хозяина Охоноона, не подозревая об его предательстве. Иначе бы он не выдержал такую жизнь, и в нем давно бы потух огонь жизни. Таким образом, он становится оппонентом и своему хозяину, и человеку в целом. Метаморфоза такова, что человек потерял свое лицо и свою душу, которая нашла свой приют в собаке.

Образ волка также противопоставлен Кустуку. У него нет хозяина-Иччи, он одинокий голодный, замерший бродяга. И потому униженные, оскорбленные волки не чувствуют уважения и доверия ни к одной живой душе, во всех видят врагов. Образ волка символизирует человека, по какой-либо причине выгнанного из общества, отвергнутого социумом, и выступает двойником-близнецом таких бездомных героев-бродяг писателя в его социально-психологических повестях, как Михей, Ситуха, Макар и др.

---

[144] Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. // Т. 32. – М., 1928 – 1958. – С. 193.

[145] Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М. : Худ. лит., 1975. – С. 262.

Интерес представляет и цепь как образ-символ. Цепями хозяин бьет своих собак – значит, он потерял свой человеческий облик. «Цепь стегнула Кустука – по шее, вдоль лопатки, поперек спины, обвив туловище, концом впилась в живот»[146]. Цепями собаки прикованы к определенным местам, они находятся в полной власти своего хозяина, в неволе. Здесь встает вопрос о свободе, о подавлении воли, стремлении к свободе, об угнетении и унижении достоинства собаки, то есть личности. «Другие даже не знают, что такое воля. Всю жизнь на привязи, в ремнях и цепях, словно в них родились»[147]. Однажды познавший волю, всегда стремится к ней. Таков и Кустук, который жаждет возвратиться к своей счастливой жизни. А остальные и не подозревают о таком счастье. Потому Маган и возвращается обратно к Хозяину. «Бедный, он никогда не уходил дальше длины своих цепей и так к ним привык, что без привязи его одолевал страх»[148]. Цепь является показателем несвободы и самого хозяина: угнетающий других он сам остается в заложниках таких отношений. Вот почему французский историк и социолог Рейналь Гийом Томас Франсуа пишет: «Нельзя налагать цепи на других без того, чтобы самому не почувствовать их тяжести»[149].

Сам Байбал ограничен в своих поступках и желаниях, потому он отрывается на собаках. Как и Байбал, Охоноон также оказывется в цепи, он как картежник вынужден рассчитаться за свой долг, но его предательство лежит грузом на сердце. Так он становится заложником сложившихся сложных обстоятельств.

В повести «Ворон» главным образом-символом является сам Ворон. В данном случае «синкретическая двойная природа героя – антропоморфия и зооморфия – олицетворяет особый статус персонажа»[150]. В «Кустуке» автор имел интерес, кроме человеческого фактора, к собаке, как другу человека. А в этой повести автор не ставит целью иссле-

---

[146] Лугинов Н.А. Кустук // Дом над речкой: повести и рассказы. Пер. В. Карпова. – М. : Современник, 1988. – С. 7.

[147] Там же. – С. 10.

[148] Там же. – С. 18.

[149] Энциклопедия Ума, или Словарь избранных мыслей авторов всех народов и веков. - М. : Терра, 1998. – С. 540.

[150] Ноева С.Е. Поэтика времени и пространства в романах И.М. Гоголева. – Новосибирск : Наука, 2009. – С. 95.

дование жизни, психологии ворона, он является наблюдателем за жизнью людей извне, из космоса. Писателем создаются параллельные миры общества и природы, выявляются точки их соприкосновения и взаимодействия.

Ворон обычно является героем мистических произведений. В якутской мифологии и фольклоре он имеет иное значение. В данном случае автор выбирает его как одного из самых загадочных, мудрых, долголетних представителей природы. Поэтому он выступает в роли двойника старца, мудро обозревающего мир. А старец, присутствуя почти во всех произведениях автора, является одним из главных героев в творчестве Н.А. Лугинова. Ворон, как и он, рассуждает о смысле бытия, о предназначении и судьбе, т.е. о жизненно важных, общечеловеческих вопросах жизни на земле.

В повести появляются и мифологические образы хозяев, духов природы. Также в произведении оживают явления природы: овраги, деревья, травы, птицы и т.д. Они мыслят и вступают друг с другом в диалог. Писатель дает понять, что в этом мире все сущее имеет свое право на жизнь и все в нем взаимосвязано, взаимообусловлено.

В повести «Сэргэ» усиливается метафоричность и аллегоричность образов и идеи произведения, поэтому и образов-символов в ней появляется множество – сам Сэргэ, конь, земля, небо, ветер, вода, дерево-дуб, дерево-сосна и др. Сэргэ (коновязь) – у якутов символ жизни, благополучия семьи. Его наличие во дворе дома предполагает, что люди имеют своих коней и рады гостям, их коням, которых встречает Сэргэ и которых привязывают к нему. Сэргэ в якутской мифологии занимает одно из самых жизненно важных мест и соотносится с древом жизни, держащим все три мира: «Родовое дерево представляет собой силы добра и принимает непосредственное участие в сотворении мира»[151]. Сэргэ в повести говорит о том, что он чувствует, как вливаются в него соки земли, он часто сообщается и с Небом, таким образом образуя вертикаль пространства. Писатель показывает, что Сэргэ также держит все сущее на земле, на нем держится весь срединный мир и жизнь человека. Сэргэ, как древо рода, сохраняет в себе память о его поколениях, семьях, поэтому на земле заброшенных аласов до сих пор сохрани-

[151] Новиков А.Г. О менталитете саха. – Якутск, 1996. – С. 30.

лись покосившиеся сэргэ. Если в Кустуке поселилась душа человека, то в Сэргэ чувствуется дух предков народа.

Тыал (ветер) в противовес Сэргэ абсолютно свободен, он гуляет по всему миру, носит его куда попало, он находится весь в поиске, но и сам не знает, что ищет. В образах Сэргэ и Ветра писатель показывает черты характера людей, они имеют своих двойников в социально-психологических повестях Н. Лугинова. Сэргэ своей мудростью, основательностью, преданностью родной земле соотносится с бабушкой - защитницей родного аласа из повести «Роща Нуоралджыма», с Тойболом из повести «Таас Тумус». А Ветер – это Михей («Таас Тумус»), Ситуха, Макар («Дом над речкой»), которые так же, как и он, бездомные скитальцы, ведущие «свободный» образ жизни. Такие образы, как Сэргэ, также Дом, Алас впервые появились в социально-психологической повести писателя «Роща Нуоралджыма». Сэргэ почитают, берегут, с ним обращаются, как с живым существом. Видя это, Нюргун восклицает: «А Сэргэ разве умеет мыслить?»

Во всех философских повестях проходным образом, раскрывающим идейное содержание произведений, является Иччи (Хозяин). Современная земля автору представляется пустой – «иччитэ суох», «иччитэх» (без души, без хозяина). Сэргэ ждет хозяев аласа, земли, но они ушли безвозвратно. Кустук также верит в своего Иччи, но не смог с ним встретиться. А Ворон и вместе с ним все: тайга, лес, деревья, птицы, звери радуются рождению нового человека – мальчика, Иччи, их хозяина. Значит, человека признала вся природа, она не представляет свое существование без него, без его участия. И действительно, что может быть ценнее человека и его жизни на этой земле, недаром воскликнул древний философ: «Чудо из чудес представляет – человек!».

Иччи в повестях Николая Лугинова имеет и другое значение. Иччи не только дух природы, но и собственная душа человека. Человек, как и Ветер, растерял свою душу, он стал бездушным и бездуховным. В этом философская идея автора и общечеловеческая проблема его произведений. Писатель обвиняет современных людей в бездуховности, они растеряли свою Веру в вечную красоту и справедливость.

Иччи является и хозяином мыслей. Сэргэ, Ворон являются духами мысли (санаа иччитэ). Ворон иронизирует, что старец, уже ограниченный в своих действиях, в конце жизни остается наедине только со сво-

ими мыслями, думами. На то он и мудрец, значит, старики являются иччи умных, долгих, разных мыслей. В повести «Поединок» тренер наставляет своего борца: «За твоей схваткой наблюдают сотни тысяч людей, ты для них являешься духом мечты, идеала.… Твоя жизнь не принадлежит тебе, к ней отныне причастны миллионы людей, наблюдающие за тобой…»[152] (Пер. наш.). Но современные люди, спешащие успевать за всем, утеряли способность мыслить.

В социально-психологических повестях основным проходным символом выступает образ ребенка. Ребенок как главный герой произведения стал предметом исследования писателя в его повести «Роща Нуоралджыма». В остальных повестях – «Танец», «Дом над речкой», «Таас Тумус» он становится образом-символом, олицетворяющим связь поколений и обеспечивающим непрерывность жизни и традиций народа. Роман М. Шолохова «Тихий Дон» заканчивается тем, что на пути к себе домой у изгороди Григорий Мелехов встречает и поднимает на руки своего маленького сына. О значении такого конца крупного эпического произведения говорили многие исследователи, как о его оптимистическом финале. Н. Лугинов в своих произведениях ставит, казалось бы, неразрешимые трагические проблемы современного общества. Но оптимистический пафос его произведений видится в отношениях первого и третьего поколения рода, где ребенок становится залогом надежды и веры старцев в продолжение их жизни.

Символичны и имена героев произведений Н. Лугинова. Макар Находкин (находка) является сиротой, его нашли и воспитали в детдоме. Но самое главное – он нашел себя, сумел найти свое место под солнцем, построив дом. Охоноон Ордахов – уордаах (свирепый), по словам его оппонента Матахова, всегда имел свое мнение, отстаивая которое восставал против принятых норм. Но этот период его жизни в повести не раскрывается, и на деле оказалось, что его лучшая защита не в атаке, а во внутреннем убежище. Но и в таком поступке виден его протест против общества. Дмитрий Анахов – ученый сельского хозяйства, много экспериментов провел в области улучшения породы рогатого скота. Его фамилия происходит от слова «анах-ынах» (корова), то

[152] Лугинов Н.А. Поединок [Текст]: повесть (на якут. языке) / Н.А. Лугинов. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1981. – С.93.

есть Анахов в науке проявил себя как «маленький» человек, не имея собственного мнения, работая по указке начальства, и в личной жизни оказывался под давлением жены, дочери. В якутском языке есть выражение «ынах-сүөһү курдук үүрүллэ сылдьыы» (гонимый, как скот), что означает человека, неимеющего собственного мнения, влившегося в общий поток. Фамилия Матахова от слова «мат» (обездолен), хотя внешне он всего достиг и урвал свою часть в материальном благе, но у него нет души, нет такого душевного состояния, когда мир воспринимается во всем его многообразии, в сущности он несчастный, обездоленный человек. Нюргун мечтает стать богатырем и улучшить жизнь своего аласа, это подтверждает и его имя, имя богатыря. Вот почему бабушка связывает с ним свою надежду на будущее всего рода. Борец-чемпион («Поединок») также назван Нюргуном, иначе и не может быть назван богатырь, стоящий на защите чести государства.

В социально-психологических повестях Н. Лугинова образы-символы не имеют самодовлеющего значения как в философских повестях, но способствуют раскрытию идеи писателя. Сэргэ появился с его первых повестей. В повести «На Сергеляхе» название не имеет самостоятельного значения, выступает лишь в наименовании местности, но местность сама по себе названа, наверное, со значением. А в повести «Роща Нуоралджыма» сэргэ – память о погибших сыновьях бабушки, олицетворяющий жизнь на земле и продолжение рода, как национальный символ бытия человека на земле. С образом сэргэ всегда вместе изображается алас, они составляют цельный мир якута: «Образ Мирового дерева является последним завершающим штрихом в картине природы Срединного мира, представляющего собой замкнутое пространство с четко очерченными ориентирами и естественными границами, которы одновременно отделяют и охраняют Землю от других миров»[153].

Символом счастья для якутского народа воспринимается стерх, как высшее воплощение красоты природы. Нюргун («Роща Нуоралджыма») слышит пение птиц: «Тру-ру-рук. Ру-руу-рук, - доносится с другого берега озера.

[153] Новиков А.Г. О менталитете саха. – Якутск, 1996. – С. 51.

Но в этом переклике птиц я постепенно начинаю улавливать, различать голоса стерхов – белых журавлей. Голоса их нежней и звонче… Меня опять охватывает радость. Но уже совсем другая – какая-то особая, возвышенная радость. Я услышал голоса священных птиц! Наверное, это все равно, что для верующего человека услышать голос бога.

Для нас, якутов, нет более прекрасной птицы, чем белые журавли»[154]. Услышавший пение стерхов считается человеком, отмеченным богом. Он обязан стать счастливым. И семья Нюргуна счастлива, рождается не только второй сын, но за ним еще родятся много братьев и сестер. Бабушка, узнавшая о рождении своего внука, умирает счастливой: «Ну, что же, жила я честно… А если бывало тяжело – значит, судьба. А впереди… у меня жизнь кончилась, а вас, отростки моего корня, ждет счастливая жизнь. Вы ее заслужили, и я рада за вас. Ты, Нюргун, уже не один. Вас двое. Как два глаза, две руки, два крыла. Это хорошо, надежно…»[155].

В философских повестях Н. Лугинова образ зимы символизирует трудности бытия живого существа. Суровая зима изображена в повестях «Кустук», «Ворон», где живые существа борются за выживание. Сэргэ также страдает от студеной зимы, сковывающей все его существо, даже мысли. Ее бинарной оппозицией выступает лето в повести «Роща Нуоралджыма», так как счастливая жизнь человека в своем родном аласе сравнивается с оживлением природы. Нюргун растет среди летнего пейзажа, он любит природу, они с бабушкой разговаривают с деревом, ласкают его, любуются и хотят услышать его сокровенные мысли. В повести «Сэргэ» люди говорят, что летом этот алас похож на землю айыы, только сами божества, наверное, могут жить в таком прекрасном мире. В «Вороне» все ждут весны и радуются пробуждению природы, пробуждение ее сродни рождению нового человека, весть о котором заполнила всю тайгу: «Но от кого он по пробуждении узнал эту первую, эту главную для мира Весть? Он и сам не знал, от застывшего ли за долгую зиму, начавшего оттаивать воздуха, от неба ли самого, которое с каждым днем делается все выше, прозрачнее, или от

---

[154] Лугинов Н.А. Роща Нораланджыма. Пер. С. Шуртакова. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1979. – С. 23.

[155] Там же. – С. 107.

земли, родительницы Аар-Тайги, - отовсюду шла эта Весть, полнила собой все, обреталась во всем, и о появлении ее так же не было нужды растолковывать, как рассказывать каждому встречному о приходе весны»[156]. То есть весна, лето олицетворяют рождение жизни, а в образе-оппозиции «зимы» чувствуется смерть. В якутских сказках борются Бык – олицетворение зимы и Лошадь – лето, Бык побеждает, и зима становится продолжительнее лета. Якуты любят лето, в его сочных красках, умиротворяющем тепле видят счастье, дарованное им высшим божеством, воспевают его в своих нескончаемых песнях. Однако отмечено, что в произведениях современных писателей также усиливается поэтизация зимы[157]. Потому что зима – это особенная природа Севера, имеющая свои красоты.

Через все произведения, как социально-психологические, так и философские повести Н. Лугинова проходит один из главных образов-символов – Дом. Человек без дома – бродяга, отказавшийся от своих истоков, традиций народа. Только тот, кто чтит свой родной дом и строит собственный, может считаться человеком, постигшим смысл бытия и исполнивший свое призвание на этой земле, выполнив свой долг перед народом.

Все эти топосы: алас, дом, природа служат выявлению национального характера в повестях Н. Лугинова, вместе с тем имеют и общечеловеческое звучание. Все начинается с дома, с милых сердцу писателя образов родины.

Символы имеют широкое распространение, употребление и в основном выступают в аллегорических образах, отражающих человека и действительность. Метафорические образы больше связаны с народным миросозерцанием и мифологией, здесь в основном имеем дело с архетипом. О метафорическом характере архетипа в своих трудах говорит Е.М. Мелетинский.

Архетип – образ из области бессознательного, вызванный памятью о древней жизни народа. «Коллективное бессознательное впитывает

---

[156] Лугинов Н.А. Ворон // Пути земные, пути небесные. Пер. П. Краснова. – Якутск : Бичик, 2007. – С. 35.

[157] Федоров Е.В. Концепция личности в тюркоязычной прозе Сибири. – Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1992. – С. 14.

психологический опыт человека, длящийся многие века. …Оно хранит память о прошлом, т.е. архетипическую память»[158]. В памяти народа, «в ее более глубоких слоях хранятся старые наслоения, прообразы, архаические врожденные структуры древнейшего опыта человечества, обеспечивающие априорную готовность к восприятию и осмыслению мира»[159]. Такую особенность и способность психики человека начал исследовать К.Г. Юнг, затем понятие архетипа становится необходимым инструментом исследования фольклористов и литературоведов. При этом понятие архетипа не только переносится в область литературоведения, но расширяется и обогащается само понятие термина. Под «архетипом» понимают «первообраз», берущий свое начало в мифологии: «Миф, героический эпос, легенда и волшебная сказка чрезвычайно богаты архетипическим содержанием»[160]. В современной литературе «расширился синонимический ряд, изменился круг значений, входящих в основное понятие «архетип»[161].

Основным источником архетипов называют миф, образы которого очень часто переходят и в художественную литературу. В мифологии отобразилось сознание древнего народа, его видение мира: «философия как бы варилась, зрела в традициях народной мудрости» [162]. Г.Д. Гачев считает, что своеобразие национального видения восходит из глубин веков и изучение народного творчества является благодатным материалом. В свою очередь, система таких образов «составляет национальный образ – модель мира»[163]. Обращение к архетипическим образам в литературе является попыткой заглянуть в мир философских воззрений народа, который он сохранил на протяжении столетий. Но чрезмерная увлеченность современных исследователей архетипикой

---

[158] Эсалнек А.Я. Архетип // Введение в литературоведение. – М. : Высшая школа, 2000. – С. 31.

[159] Новиков А.Г. О менталитете саха. – Якутск, 1996. – С. 107.

[160] Мелетинский, Е.М. О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов. // Литературные архетипы и универсалии. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – С. 143.

[161] Ноева, С.Е. Поэтика времени и пространства в романах И.М. Гоголева. – Новосибирск : Наука, 2009. – С. 49.

[162] Новиков А.Г. О менталитете саха. – Якутск, 1996. – С. 116.

[163] Гачев Г.Д. Национальные образы мира. – М. : Советский писатель, 1988. – С. 47.

таит в себе некоторую опасность, имеющей и противоположное значение: «Ориентированность на поиски архетипических начал в романе XX века связана с разочарованием в историзме, в идее прогресса и с желанием «выйти» за пределы конкретного исторического времени»[164], т.е. происходит как бы потеря реального времени и выход из рамки реалистического отображения действительности. Но вместе с тем архетипика дает возможность «доказать существование вечных, неизменных начал в бессознательных сферах человеческой психики, зарождающихся в праистории и повторяющихся в ходе ее в виде архетипических ситуаций, состояний, образов, мотивов»[165]. Значит, писатели в своих архетипических образах воплощают национальную самобытность мышления народа и их типологические схождения с общечеловеческими ценностями, тем самым, расширяют границы историзма и находят новый подход к познанию современной действительности.

Архетипика в повестях Н. Лугинова содержится уже в самих основных действующих персонажах произведений. Собака, ворон и сэргэ стали главными героями его философских повестей, поэтому они имеют глубокие истоки возникновения. Если в русской и зарубежной литературе образы из природного и материального мира – животные и неодушевленные предметы с давних пор становились действующими героями произведений, то в якутской литературе Н. Лугинов впервые открыл эту неизведанную область. Затем животные стали главными героями произведений Харысхала, Тумата, Д. Наумова, К. Эверстова и др. писателей современной якутской прозы. Однако главные герои в философских повестях Н. Лугинова, представляющие многозначное явление, связаны с древнейшим сознанием народа и имеют сложную структуру. С одной стороны, они как аллегорические образы, выступают символами, олицетворящими реальный мир и людей. С другой стороны, они, как метафорические образы, представляют собой архетипы и расширяют границы представления писателя о мире и человеке.

Очеловечивание в литературе считается одной из самых загадочных и еще неисследованных проблем литературоведения. Оно в основном

---

[164] Эсалнек А.Я. Архетип // Введение в литературоведение. – М. : Высшая школа, 2000. – С. 34.

[165] Там же. – С. 34.

связано с мифологическим сознанием самого народа. В древней мифологии якутов все живое и неживое имело своего иччи (душу). Философ А.Г. Новиков считает, что в якутской мифологии души имели ранги, предметы имели одну душу, животные и растения – две души, человек – три души: Буор кут (материя), Салгын кут (информация), Ийэ кут (мышление)[166]. «Верование в иччи позволяет саха жить в гармонии с природой и сегодня существуют люди, которые вступают в контакт с иччи»[167]. Следовательно, автор – Н. Лугинов имеет тонкую внутреннюю натуру и особую психику, он чувствует параллельные с человеческим обществом материальный, природный и животный миры, имеет способность входить в область бессознательного и архаического прошлого. Как писатель, он считает своим долгом ставить глобальную, общечеловеческую проблему современности, призывая народ жить в разумной гармонии с природой и сохранить ее богатства. Собака и ворон – древнейшие спутники человека вообще, и якута как охотника, в частности. Ведь у якутов считается, что ворон всегда радуется рождению у людей сына, воспитываемого ими как будущего кормильца и охотника. Собака считается первым зверем, которого человек приручил и сделал своим другом. А по выражению А. Экзюпери, человек «ответственен за тех, кого он приручил». Собаку – Кустука обманули и предали люди, которым он рад был служить и был предан всей душой. И потому интересна его встреча с волком – это встреча человеческого друга с дикой природой. Писатель говорит, что они внешне похожи и чувствуют свое родство, но они – враги. Кустук должен показать свое превосходство, умение, мастерство, которое он перенял у людей. Но собака в народном творчестве якутов, оказывается, «наиболее часто используется в отрицательных образах и сравнениях»[168]. Это, наверное, связано с тем, что она не дает обилия пищи, мяса, одежды, как рогатый скот, и в хозяйстве от нее мало пользы, в противовес лошади и быку. Но тут и свои нюансы: «Презрительное отношение к собаке не встречается у якутов, занимающихся охотой, по мере приближения к берегам Ледовитого океана собака становится единственным и незаме-

---

166 Новиков А.Г. О менталитете саха. – Якутск, 1996. – С. 31 – 34.

167 Там же. – С. 33.

168 Копырин Н.З. Изобразительные средства якутской литературы. – Якутск : Бичик, 1997. – С. 48.

нимым домашним животным, она – главная опора в хозяйстве. Здесь жители были убеждены, что охотничье-ездовая собака умнее всех. Хозяин любит ее больше своего семейства, уверен в ней, знает, что она спасет его от смерти, не выдаст хищнику. Такую собаку не бьют, дома она располагается возле хозяина. Житель тундры, встречаясь со своим соседом, всегда осведомляется о состоянии его собак»[169]. Собаку северяне воспринимают как члена семьи. А жестокое обращение Байбала со своими собаками характеризует его как современного человека, забывшего заветы предков и отошедшего от вековых традиций народа. С другой стороны, в этом мы видим, прежде всего, его несвободу, человека, загнанного обстоятельствами жизни и срывающего свою злость на братьев меньших.

Древние люди поклонялись животным и птицам, свое происхождение связывали с ними. Ворон в анимистическом сознании якутов, как северного народа, занимает особое, одно из почестных мест. Он у якутов был также тотемом некоторых родов. «Для некоторых народностей Севера ворон является почитаемой птицей. Например, у эскимосов ворон символизирует древность и мудрость. Его нельзя убивать. Долго живших в одних и тех же местах воронов эскимосы хорошо запоминали и давали им даже имена. В их сказках ворон выступает то мудрецом, дающим окружающим мудрые советы, то могущественным волшебником, награждающим человека счастьем, то хитрецом, наказывающим обидчика или глупца»[170]. Также и Е.М. Мелетинский образ Ворона считает культурным героем – демиургом многих народов Северной Америки и России.

Как архетипический образ, Ворон в произведениях Н. Лугинова сопоставим с образом мудрого старика, также являющегося излюбленным образом в произведениях устного народного творчество, таким образом, в концепции писателя о человеке они составляют систему двойничества, становясь образами-близнецами. Свои философские повести Н.А. Лугинов написал, живя на Севере, это показывает, что Север определенным образом повлиял на творчество и психологию писателя, на выбор им тем и образов.

---

[169] Там же. – С. 49

[170] Там же. – С. 56.

Ворон, оказывается, как и собака, также привязан к человеку, в котором признает хозяина природы. Вместе с ним вся природа радуется рождению нового человека, они ждут Хозяина тайги. «После того, что мы сделали с природой, убеждаемся, что каждое явление природы заслуживает, чтобы к нему относились как к одухотворенному и одушевленному существу»[171]. Человек ответственен за весь мир и должен стать его разумным хозяином – такова концепция Николая Лугинова.

Сэргэ – также имеет двойную функцию, как символический и архетипический образ. В первом случае он олицетворяет род, семью, дорогу, а во втором выступает как продолжатель дел древа мира. Как дорога, Сэргэ собирает людей, гостей, коней, и как символ рода, он стоит напоминанием о семье и об ее непреходящих ценностях. Коновязь считается трансформированным видом Аал-Луук-мас, который является центром сакрального мира. «Во многих культурах центр как сгусток сакральной энергии получает воплощение в образах Мировой горы или Мирового древа – точек соприкосновения Неба и Земли; мировой оси как места соединения Неба, Земли и потустороннего мира…»[172]. Недаром одна из книг Н. Лугинова называется «Халлаан хараҕата» («Ось неба») (1992). Сэргэ («Сэргэ»), как и древо мира, своими корнями уходит вглубь земли и питается ее соками, своими мыслями он апеллирует к небу, таким образом, держит все три мира.

В социально-психологических повестях Н. Лугинова главными героями, в противовес философским произведениям, становятся люди. Писатель особое значение придает таким архетипическим образам, как мужчина, старец, мать, дитя. В фольклоре особое место отводится образу мужчины, его месту в обществе и семье, он является главным героем эпоса, легенд, повествований о героических временах, также и более поздних легенд о смелых, удалых людях. Мужчина является архетипическим образом, сильно идеализированным и воспетым в произведениях устного народного творчества. Именно в нем древние люди видели защитника и продолжателя рода. Затем и в патриархальном мире, господствовавшем у якутского народа в течение многих столетий, мужчина был главой рода, хозяином дома, семьи, земли, богатства, он -

[171] Новиков А.Г. О менталитете саха. – Якутск, 1996. – С. 33.

[172] Там же. – С. 51.

Иччи всей природы, он – всевластный владыка. Но самое интересное заключается в том, что духами (иччи) природного и материального мира в мифологии якутов в основном выступали женщины, так как в ней были запечатлены следы матриархата. Даже духами ссоры, войны были женщины (Илбис кыы´а). Но с наступлением патриархата мужчина начинает занимать главенствующее место в обществе, становясь хозяином всего мира.

В произведениях Н.Лугинова главными героями выступают мужчины, женщины и во второстепенных образах встречаются нечасто. В повести «Ворон» все радуются новому человеку, потому что он мужчина, охотник. Ворон из-за этого волнуется больше всех: «Лишь бы не девочка, только б мальчик был!»[173]. «Много, много уж лет не появлялось настоящего Иччи, много надежд пронеслось мимо них, как льдины по половодной реке. Рождались мальчики, Ворон их всех помнит, но либо уходили они и, чуял он, гибли где-то далеко, прощальным вздохом, шорохом печальным полня тайгу, либо оставались, но уже не теми, что были прежде, получужие, опоенные чужим и разучившиеся слышать и видеть Закон, и тогда год от году свирепели пожары, вырубались лучшие леса, задыхались реки и редело, разбегалось зверье, в себя, в молчанье погружалась тайга…»[174]. Мужчина – творец жизни, и с ним автор связывает свою надежду на лучшее будущее. Но между тем в современной жизни даже всемогущие мужчины измельчали. Но и в этом, оказывается, виновата женщина. В романе «Этажи» герой сетует на то, что люди не дружат семьями из-за жен, теперь женщины заправляют домом. А в повести «Высокие острова» все женщины – отрицательные образы, мешающие мужчине самоопределиться, достичь успехов и жить по своему усмотрению. Все мужчины чувствуют себя ответственными за происходящее на этой земле. Таковы Тойбол, Одон, Макар, Охоноон и др. поэтому они обладают свойством анализировать, переживать, принимать решение. Такими свойствами характера в творчестве Н.А. Лугинова из женщин обладает только бабушка Нюргуна из повести «Роща Нуоралджыма». К ее слову прислушиваются, ее уважа-

[173] Лугинов Н.А. Ворон // Пути земные, пути небесные. Пер. П. Краснова. – Якутск : Бичик, 2007. – С. 38.

[174] Там же. – С. 53.

ют, как старого мудрого человека. Так же могут переживать Ексю («Таас Тумус»), Анна («Танец»). Если даже собака и ворон умеют переживать и сопереживать, то такими качествами писатель обделил своих героинь из повестей «Дом над речкой», «Высокие острова». Мужчины в повестях Н.Лугинова ответственны за весь мир, на своих плечах вынесли тяготы репрессии, войны, поэтому только они способны пройти испытания трудными обстоятельствами жизни.

Отмечается, что образ старца-мудреца является одним из самых древних архетипов, встречающийся в сказках, притчах, легендах всего мира. Н. Лугинов в своих произведениях сделал его своим главным героем, на его плечи переложил ответственность за все то, что происходит на земле. Они поэтому страдают, размышляют, советуют, учат жизни. Таким сложившимся характером выступает бабушка Нюргуна. Она, как народный характер, сопоставима с образами Дарьи из романа Амма Аччыгыйа «Весенняя пора» и дедушки Даганча из романа «Глухой Вилюй» Далана. Они, как уже состоявшиеся имеющие жизненный опыт люди, представляют не только старшее поколение, но и олицетворяют народных мудрецов, к чьему ученью прислушиваются в течение многих веков. Бабушка учит жить, наставляет внука стать человеком, а немногословный, одинокий Тойбол примером своей жизни, своими поступками и делами показывает выработанный веками опыт народа. Тойбол и Одон из повести «Таас Тумус» к своей жизненной правде приходят через жизненные испытания. Их правда, выстраданная опытом их трудной жизни, имеет особую ценность и значение для молодого поколения. Макар из повести «Дом над речкой» до самой старости сопротивлялся правде жизни, хотя и понимал значение дома, он выбрал другую жизненную позицию. Но на исходе своей жизни он меняет свой взгляд на жизнь и на свое мировосприятие. Становится ли он мудрым, скорее всего, нет. Но его приход в дом, в семью, его дружба с внуком убеждают читателя в том, что в этой семье восстановятся отношения ее членов, представителей разных поколений и возродятся народные традиции. Старики вместе со своими внуками становятся гарантией преемственности семейных, родовых традиций народа. Младшее поколение как бы подхватывает их, продолжая традиции старших и оправдывая их надежды, в этом видится оптимистическое звучание творчества Н. Лугинова.

В архетипике героев произведения видим, что Михей – бродяга, а Тойбол – старец, Сардаана – мать, родоначальница, внук – ребенок, Одон – мужчина. Е.М. Мелетинский так расшифровывает архетипы К.Г. Юнга: ««Мать» выражает вечную и бессмертную бессознательную стихию. «Дитя» символизирует начало пробуждения индивидуального сознания из стихии коллективно-бессознательного…, а «мудрый старик (старуха)» - высший духовный синтез, гармонизирующий в старости сознательную и бессознательную сферы души»[175]. Благодаря архетипическим образам и мотивам очень интересным предстает содержание повести «Таас Тумус» Н. Лугинова, в которой произошел синтез традиций якутского и мирового мифов, отечественной и зарубежной литератур.

Национальный образ мира создается, прежде всего, близкими сердцу образами, отлажившимися в древнем сознании народа. Таковыми в повестях Н.Лугинова выступили алас, сэргэ, конь. Алас – в современной якутской литературе один из самых распространенных архетипов, олицетворяющий национальное самосознание народа и воспринимающийся как начало начал. У главного героя романа Софрона Данилова «Пока бьется сердце», ставшего любимым в народе, фамилия – Аласов. Родоначальник якутской лирики А.И. Софронов–Алампа, вслед за ним и другие якутские поэты, называли себя «сыновьями аласа», т.е. народа.

В повестях Н. Лугинова «Роща Нуоралджыма», «Дом над речкой», «Сэргэ» в родном аласе строится дом, начинается жизнь, с аласа все дороги ведут в большой мир. В нем якут видит свою малую родину, место своего рождения, но и в целом вся родина концентрируется в образе аласа. «Своеобразие природно-географического явления – аласы – присущи лишь Якутии… Алас – это, по сути, ровная поляна посреди леса, чаще всего кругом окаймлена невысоким нагорьем, с обязательным наличием озера. Тут все под рукой: поле для выпаса скота, покосный луг, вода для питья, рыба в озере, в ближайшем лесе – обилие вся-

[175] Мелетинский, Е.М. О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов. // Литературные архетипы и универсалии. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – С. 74.

кой дичи и ягод, сухостойный лес для отопления»[176]. Аласы якутам были предоставлены не только самой природой, но они, как скотоводы и охотники, сами обжили, освоили и обустроили северный край и его земли под свое хозяйство. Поэтому он так дорог сознанию и сердцу якутского народа.

Конь. Сэргэ ждет коня, якут без коня не считается человеком. Г. Гачев отмечает, что «конь – космос кочевника»[177], имея в виду киргизский менталитет. Конь для якутов также самое почитаемое домашнее животное с древних времен, одновременно с этим он имеет основное значение и в их веровании, являясь и божеством, и первопредком человека-якута. Таким образом, конь – один из самых древних и первичных первообразов в яукусткой мифологии. А для киргиза, например, конь является «наиболее всеобъемлющим «телом отсчета» и в мире нравственных максим и абстрактных понятий. Среди пословиц и поговорок коню принадлежит «контрольный пакет»[178]. Такое же отношение к коню, когда он объемлет в себе и нравственные максимы и понятия, и средства изображения в народном творчестве, встречается уже в зрелом сознании якутов – в фольклоре. Исследователь изобразительных средств якутской поэзии Н.З. Копырин в своем труде отмечает, что «с конем связаны названия трав, цветов, птиц и принадлежностей труда и быта и т.д.»[179]. Например, в танцах имитируются жизненные ситуации и занятия людей – «Игра в коня», «Игра с деревянным конем», «Волк и жеребец», «Лошадь и бык» и т.д. Также этот образ является необходимым элементом в сравнениях, эпитетах, пословицах, поговорках и т.д.

Образы из сакрального мира связаны с верованием народа, с его древними обычаями, обрядами. Потому они неустанно возникают и в художественных традициях современной литературы. У Н. Лугинова они отражены в образах древа мира, сэргэ, иччи. Н.З. Копырин пишет, что народ изобразительные средства для своего творчества «берет из

---

[176] Копырин Н.З. Изобразительные средства якутской литературы. – Якутск : Бичик, 1997. – С. 130 – 131.

[177] Гачев Г.Д. Национальные образы мира. – М. : Советский писатель, 1988. – С. 67.

[178] Там же. – С. 67.

[179] Копырин Н.З. Изобразительные средства якутской литературы. – Якутск : Бичик, 1997. – С. 42.

самой жизни, окружающей среды»[180]. Народ, любуясь красками своей родной природы, а также сообразно своего верования предпочитает тот или иной цвет. «Многим народам мира гораздо привлекателен белый цвет»[181]. Белый цвет для якутов имеет сакральное значение и олицетворяет собой небо и Высшее Божество. У Николая Лугинова белый цвет ассоциируется с зимой, снегом, тундрой. Белый цвет из области архетипа переходит в символ. Поэтому он показывает неизбывную печаль, бесконечную тоску, безнадежные дни и нескончаемость страданий и т.д.

Самый главный образ в повестях Н. Лугинова Иччи также имеет символическое и архетипическое начала. Он – символ миропорядка, Хозяин земли. Без него земля пуста – иччитэх (без хозяина). Современные люди забыли заповедь предков и не умеют общаться с природой. Ворон боится их, молится, чтобы люди из-за реки не пришли в тайгу, зная, какую они имеют разрушительную силу. С другой стороны, Иччи, как душа и как анимистическое представление древнего человека о мире, имеет связь с древним мифом якутов и является архетипическим образом. Писатель иногда отказывает человеку в иччи (душе), обвиняя его в бездуховности, поэтому автор ищет ее в других субстанциях и говорит: «На этот раз иччи имел облик собаки».

В мировой литературе бытуют вечные, бродячие образы. Архетип дороги является одним из самых универсальных, древних образов в мировой литературе, как говорится, «все дороги ведут в Рим». В нем не заложен конечный результат, потому что Дорога – это движение, процесс, Жизнь. В повестях Н. Лугинова дороги ведут человека в большой мир или возвращают его в Дом. В повести «Сэргэ» все дороги ведут к Сэргэ, автор говорит: «Все начинается с Сэргэ»[182] (Пер. наш.). «Счастье путника – в дороге. Пока есть Сэргэ и дороги, путник вечно молодой, энергичный, ищущий. Когда, наконец, прискачет путник к нему? Должен, только надо ждать и дождаться…»[183] (Пер. наш.). С дорогой связана вся жизнь человека, так как она связывает его с миром. С ней

[180] Там же. – С. 7.

[181] Там же. – С. 24.

[182] Лугинов Н.А. Сэргэ // Кустук. – Якутск : Бичик, 2003. – С. 163.

[183] Там же. – С. 163.

также связаны такие чувства героев Н.Лугинова, как ожидание, вера и надежда. Ожиданиями живут бабушка Нюргуна, старик Тойбол и Сэргэ, выступающие в системе двойников писателя. Дорога зовет в путь Кустука.

Повесть «Таас Тумус» – одно из самых загадочных произведений Н.Лугинова, хранящая в себе много тайн. В ней впервые в творчестве писателя появились такие архетипические образы, как река, гора, дом. Тойбол – хранитель домашнего очага и традиций народа, а Михей – странствующий человек без пристанища, временщик. Тойбол – народный характер, поэтому его внутренний конфликт более глубок. Он сознательно воспринимает действительность и смиряется с трагедией в своей жизни, а на бессознательном уровне – в своих снах, воспоминаниях, мечтах он обретает надежду на будущее, на продолжение своего рода. А Михей – опустошенный человек (без души), его не беспокоят проблемы жизни, он не ломает голову над смыслом бытия. Двойниками Тойбола в этом смысле выступают Макар, Охоноон, Кустук. Охоноону («Высокие острова») приходится воспринимать действительность такой, какой она предстает, но он находит свое убежище в своем внутреннем мире и укрывается ото всех на острове. Он стоит перед неразрешимым конфликтом уравновешения внешнего и внутреннего мира. Кустук не принимает действительность и отдушину находит в своих воспоминаниях, мечтах и снах. Мир для него оказался слишком жестоким. Макар – сложный характер, двойничество, как бинарную оппозицию, находим в нем самом: в своем внутреннем конфликте он раздваивается – с одной стороны, он, как временщик скитается по белу свету и гуляет сам по себе, куда ветер дует, с другой стороны, на бессознательном уровне он ощущает необходимость Дома. Происходит изменение характера, и Макар строит дом, строит и свою судьбу. Таким образом, в его душе, наконец, восстанавливается гармония.

Гора (Таас Тумус) – недвижимая, монументальная скала стоит недвижимым свидетелем в веках, как памятник народу, Тойболу. Берег – признак постоянства, на берегу всегда находятся Тойбол и Ексю. Вместе с тем берег – вечное ожидание: а не прибьется ли к нему счастье? Считается, что якут всегда стремится ввысь, все святое и великое связывает с небом. Гора воспринимается как лестница к нему. Поэтому

она и почитается, так как на небе, на его девяти ярусах в иерархическом порядке, по верованию якутов, обитают высшие божества, которым они поклоняются и сверяют свои действия с их оценками. Якуты старались хоронить людей на возвышенных местах, как бы соприкасаясь с вечностью. По наблюдению Г.Д. Гачева, у кочевников-киргизов, наоборот, верх-гора воспринимается «адом», а низ – земля – сияющим белым светом, так как они – дети степей[184].

Гора, берег и река – бинарные оппозиции в системе архетипических образов. «Далеко на востоке голубели величественные очертания хребтов Ирикээ и Орулхан. А внизу все также текла Лена-матушка, и несла она свои воды все туда же, туда же»[185]. Река всегда находится в беспрерывном движении, олицетворяя уходящее время, а гора и берег выступают гарантом вечности.

Гора, берег олицетворяют собой постоянство, надежность, пристанище, река же всегда изменчива. Поэтому у реки сложное предназначение. Она занимает основное место в повести «Таас Тумус»: по ней плывут пароходы, работают люди, иногда она приносит людям трагедию, унося людей, детей в безвестность и т.д. Река, как живое существо, то довольна и спокойна, то печальна и грустна, то сердита и кидается волнами. Каждый герой повести входит с ней в отношения и общается с ней.

Между тем река имеет жизненно важное значение для народа. Река и ее воды дают жизнь целым народам. В ее долинах возникали и исчезали могущественные царства: у Нила - Древнеегипетская цивилизация, у Тигра и Евфрата - Вавилон, Троя, Ассирия, У Инда и Ганга – Индийская цивилизация, у Хуанхэ и Янцзы – Китайская цивилизация. Рекам народы поклоняются, устраивают в ее честь праздники и т.д. Поэтому река считается одной из самых распространенных и основных цивилизационных архетипов в мире.

С другой стороны, река, выступает дорога мира, является стержнем мира, мировым путем, соединяя государства и народы. Так, например,

---

[184] Гачев Г.Д. Национальные образы мира. – М. : Советский писатель, 1988. – С. 75 – 76.

[185] Лугинов Н.А. Таас Тумус // Пути земные, пути небесные. Пер. А. Дмитриевой. – Якутск : Бичик, 2007. – С. 122.

в древнеегипетской мифологии Нил связан с главным божеством Осирисом, который каждый год умирает и возрождается. Также цикличность разлива Нила имела очень большое значение для земледельческих народов. Река в Якутии, где не развита транспортная система, имела огромное стратегическое значение, как необходимая транспортная артерия, связывая центр с отдаленными районами. Народы Севера счастливы от того, что они имеют великую реку Лену, обеспечивающей их запасами неиссякаемой питьевой воды, рыбы разных сортов и т.д.

Сложность данного архетипа состоит в том, что он играет многозначную роль в жизни человека, народа, являясь гарантом времени, вечности, также имея и сакральное значение – разделяющее, отнимающее начало. Река Лена, как одна из самых крупных рек в мире, своей красотой и мощью вызывала у народа восхищение, любование, поклонение. Отсюда и угроза с ее стороны – она величественна, ее нужно умилостивить. В этом видна зависимость народа от стихийных природных сил. За что она наказала Тойбола, отняв его дочь? Тойбол от реки отстранен, он за ней только наблюдает, и она кажется ему непонятной, чужой. Сардаане же река кажется спокойной, ласковой, как ее мать. Одон, капитан парохода, всю жизнь проведший на ней, знает характер Лены-матушки и не раз преодолевал опасности, которые река готовила для него. Но все же Одон преклоняется перед великой рекой, относится к ней уважительно, как к Божеству, перед своей смертью он приходит к ней прощаться и вымолить пощаду за свой грех. Но своенравная река опять показывает свой буйный нрав, словно осуждая его. Она словно задыхается перед тем, как дать себя заковать в ледяные оковы зимы, тем самым похожа на человека, мечущегося в смертной агонии. В образе реки основное место занимает архетип времени, которое неуловимо течет, безвозвратно уплывает и вместе с тем представляет собой нить, связующую средний мир с верхним. В повести «Таас Тумус» река огибает каменную гору и течет на север: «А внизу также текла матушка Лена и несла воды далеко-далеко»[186]. Далеко – в вечность. Она как бы сливается с небом, представляя собой вечность. Оживленная река словно сопереживает человеку и живет его жизнью,

[186] Там же. – С. 123.

она все время меняется, писатель дает разные картины реки. Например, такая картина: «Величавая Лена плавно катила воды навстречу огненной вечерней заре»,[187] - предвосхищает рождение глубоких чувств любви Тойбола к будущей жене.

Сакральное значение архетипа Реки – разделение. В греческой мифологии Река Стикс отделяет царство мертвых от царства живых. Река разделяет Тойбола от других, непонятных ему «пароходных» людей. И в повести «Ворон» река отделяет Ворона от людей, живущих на другом берегу реки, которых он побаивается. Охоноон из повести «Высокие острова» также отделяется от людей, прежде всего от недруга и от своей жены, рекой, укрываясь на острове, в одиночестве он чувствует себя комфортно и уютно.

Реке можно противопоставить Небо – Киҥкиниир киэҥ Халлаан – бездонное небо. Небо писателем воспринимается двояко. С одной стороны оно – вечность, с другой - грозность и бездушность, безучастность к судьбе людей – «иччитэ суоҕунан килэрийэр, мэндээрийэр» (у него нет души, соучастия). Ведь все на свете имеет свою душу, и только у неба её нет.

Связанным с рекой и таким же древним архетипом является лодка. В архетипе лодки С.Е. Ноева видит мотив спасения: «Архетип лодки указывает на высокое предназначение героев спасать и иметь спасение самим»[188], имеющий древнейшее происхождение, связанное с ковчегом Ноя, со спасением всего человечества. Архетип лодки в повести Н. Лугинова «Таас Тумус» ведет вглубь веков жизни народов Севера. Например, такое состояние мира усмотрел исследователь Севера: «Иехольсон отмечал о том, что северный ландшафт представлял собой смешение льда, воды, земли, торфа, словно представлял библейский хаос. Археологи находили древние захоронения эвенков, юкагиров, чукчей, тела которых были уложены в лодки, или имитирующую ее бересту, или рядом с трупом оказывалось просто маленькое изображение байдары»[189]. Якуты также хоронили человека в выдолбленном дереве, напоминающем лодку. У них есть выражение: «оҥочолоох

---

[187] Там же. – С. 82.

[188] Ноева С.Е. Поэтика времени и пространства в романах И.М. Гоголева. – Новосибирск : Наука, 2009. – С. 56.

[189] Окорокова В.Б. Юкагирский роман. – Якутск : Ситим, 1994. – С. 33.

оҥоһуугун оҥоруом», что буквально означает: «сделаю тебе лодку» (сделаю тебе плохо). Таким образом, с лодкой, действительно, связаны древнейшие представления людей о мире. В лодке уплывает дочь Тойбола, играя у реки. Эту лодку находят, перевернувшуюся и лежащую у берега, но Тойбол не хочет верить в трагедию.

Е. Мелетинский расширяет границы архетипики древними мотивами, которые имеют способность распространяться, начиная с фольклорных произведений до современной литературы. В повести Н. Лугинова «Таас Тумус» сильны и архетипические мотивы сюжета. Это мотив испытания, мотив похищения, мотив возвращения, мотив приключений, мотив раскрытия тайны, мотивы встречи и узнавания, которые имели древние корни в мировой литературе и воспринимались, как «бродячие» сюжеты, они имело широкое бытование в сказках, произведениях всего мира. Мотив испытания встречается в сюжетных линиях всех героев – Тойбола, Михея, Ексю, Одона, Сарданы. Жизнь треплет героев повести своими нежданными событиями, как, например, у Ексю умирает муж, она остается с детьми одна, умирает жена Тойбола, теряются его дочери. Героев испытывают не только события жизни, но и сама жизнь их проверяет на стойкость. Одон и Сардаана сумели выдержать груз своей тайны, и они, преодолев себя, сумели выйти победителями из своих психологических коллизий. Мотив приключения – это судьба Михея с ее поворотами, встречами, в повести говорится, что Михея на берегу ждали не две-три, а то и все пять-шесть женщин, считавшие его своим мужем. В нем также звучат отголоски мотива странничества. Мотив испытания, по мнению М.М. Бахтина, обеспечил рождение в античной литературе авантюрных романов: «Термин «роман испытания» уже давно усвоен литературоведами применительно к роману барокко (XVII века), являющемуся дальнейшим развитием на европейской почве романа греческого типа»[190]. В мотиве испытания также можно увидеть черты романизации повести. Поэтому социально-психологические повести Н. Лугинова не только большие по своему объему, но они также нацелены на исследование человека во всех его многосторонних связях с действительностью.

[190] Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М. : Худ. лит., 1975. – С. 256 – 257.

Мотив похищения воплощен в удочерении Одоном новорожденного ребенка Тойбола. Он отчасти звучит и в гибели старшей дочери Тойбола, которую «похищает» река. Мотив спасения найденыша в мировой мифологии также связан с рекой: младенца Моисея находят в камышах Нила. «Найденыш», не знающий своего происхождения, также рапространен в авантюрном произведении[191]. Также и герой повести Н. Лугинова «Дом над речкой» так и назван Находкиным.

Мотив раскрытия тайны, узнавания – это признание Одона дочери о тайне ее рождения. Мотив узнавания отчасти воплощен во встрече Тойбола с женщиной, ищущей своего родного отца, хотя в ней он не признает своей дочери. Мотив возвращения – это приезд дочери и внука к могиле Тойбола, значит, его жизнь продолжается в будущих поколениях. Читателю больно из-за того, что Тойбол так и не встретил свою дочь, такого сказочного конца не получилось в произведении Н. Лугинова. Потому что идея автора глубока, мотив «новорождения» имеет философское звучание о продолжении рода. Хотя Тойбол и умер, но жизнь пробивается цветком сардаана (Сардаана – имя его дочери одновременно означает цветок, часто воспеваемый якутами в песнях, стихах). Его неизбывная тоска и вечное ожидание все-таки увенчались победой – возвращением дочери и внука.

За эту повесть писатель впервые в якутской литературе получил международную премию, чему более всех был удивлен сам автор: «Его поразило, что повесть о далекой реке Лена и судьбе несчастного старика может иметь для мира какое-то значение»[192]. Имеет значение потому, что автор использует в ней архетипические образы человечества и «бродячие» мотивы сказок и произведений мира, обращаясь к первообразам. Такой комплекс мотивов, как встреча – разлука – поиски – испытания - обретение, является одним из самых распространенных в мировой литературе. Поэтому его произведение не только понятно мировому читателю, но имеет значение в своем общечеловеческом звучании о ценностях жизни. Повесть «Таас Тумус» как итоговое произведение этапа становления писателя стала своего рода синкретическим жанром. В ней сошлись и обобщились все черты поэтики социально-психологических и философских произведений автора.

---

[191] Там же. – С. 272.

[192] Огрызко В. Родину не выбирают // Мир Севера, 1998 № 5-6. – С. 49-50.

Вместе с тем цикл повестей в творчестве Н. Лугинова завершает его повесть «Дом над речкой», где главный герой как бы подытоживает поиски героев писателя. Именно Макар, побеждая себя, строит Дом. Именно Макар становится возвращенцем, так как писатель долго не доверял среднему поколению. Из его представитедей только Макару он дает возможность возвращения к своим истокам. При этом сам Макар уже как бы заступает на пост старика, приходит его время мудрости, и его жизнь продолжат сын и внук. Этой повестью писатель как бы завершает свою художественную концепцию действительности и человека. Почему? Потому что в душе самого писателя как бы воцаряется покой, возможно, он пришел к какому-либо выводу о счастье на этой земле. Но, с другой стороны, только неспокойная душа писателя ведет его к художественным поискам. Писатель еще окажется на перепутье своего творческого пути в начале 90-х годов, когда вся отечественная литература встала перед необходимостью выбора. Смелость писателя в том, что он сумел сделать свои выводы и прийти к порогу своего нового творческого взлета. Это будет период его работы над историческими произведениями. Вместе с тем Н.Лугинов повестями не ставит точку в своей концепции действительности и человека. Она остается открытой и продолжится в следущем этапе его творчестве, так как его такие основные образы, как Дом и Человек, перейдут в свои наивысшие категории, как Государство и Личность.

Н.Лугинов, отстаивая нравственные и духовные идеалы, верит в торжество гуманизма, в победу добра и всесильного разума. В этом притягательная сила его повестей 1970-80-х годов. К таким выводам писатель пришел через свои художественные поиски, ставшими новаторством в якутской литературе – это своеобразие его поэтики, которую мы рассмотрели в анализе героев, образов и мотивов сюжета в его повестях. Писатель своеобразием поэтики произведения «Таас Тумус» предворяет свои следующие произведения и идет по пути романизации повести.

Таким образом, в повествовании Н. Лугинов отдает предпочтение монологичному, субъективному типу повествования, как способу максимального раскрытия характера и внутреннего мира героев. В произведении осуществляется двойная художественная концепция – героя и

писателя. Мастерство писателя видим в том, что герои сами выступают в роли мудрецов, учащих жизни и постижению тайн бытия, что усиливает философичность повестей. В крупных произведениях повествование выливается в многоголосие и выражается в параллельных линиях сюжета. Таковы повести «Таас Тумус», «Дом над речкой».

Писатель владеет поэтическим языком. Повесть «Роща Нуоралджыма» можно назвать лирико-романтическим жанром. В субъективном повествовании на окружающий мир писатель смотрит глазами ребенка. Познание мира ребенком представляет собой восторженный, свежий взгляд на действительность, с другой стороны, происходит формирование характера человека, заложенные в детстве черты характера останутся с ним навсегда. Поэтичность языка автора реализуется в таких средствах повествования, как монологичность, ритмизация, повторы, риторические вопросы, образность и т.д. Свое наибольшее развитие она находит в философских повестях – это усиление экспрессии речи, ритмизации прозы, частота повторов и риторики и т.д. Своим главным образом «иччи» писатель раскрывает идею повестей – о царящей вокруг бездуховности современного общества.

Н.Лугинов представляет свою систему образов-архетипов, в которой выявляется своеобразие видения мира народом, в них писатель утверждает вечные ценности, так как общечеловеческое всегда выражается в конкретных национальных образах. Такие основные архетипические образы писателя, как Дом, Алас, Сэргэ начались в его социально-психологических повестях, но более всего они обогащаются новым содержанием в философских повестях автора. Иччи, как хозяин и душа, и иччитэ суох (пустота) становятся основными образами философских повестей писателя. Особенности поэтики передают главвную мысль писателя – о возвращении человека к своим истокам. Авторская позиция выявляется в его защите национальных основ мира.

Время и пространство, воплощенное в повестях Н.Лугинова, отражают действительность современного общества и проблемы современного человека. Нравственным ориентиром в оценке человека у писателя выступают социально-политические явления, значимые для общества и народа. Великая Отечественная война, как глубоко нравственный критерий жизни человека и народа, наложила свои отпечатки на

судьбу и характер поколения. Хотя среднее поколение героев как бы выпадает из связки преемственности трех поколений, но проходя испытание трудностями «застойного» общества, они приходят к осознанию истины – возвращения к Дому.

Мотив испытания становится основным в сюжете и раскрытии характеров в повестях. В нем видно, как идет процесс романизации жанра повести в творчестве Н. Лугинова, как у автора, идущего к роману. М.М. Бахтин романизацию жанров видит в том, что в них «вносятся проблемность, специфическая смысловая незавершенность и живой контакт с неготовой, становящейся современностью (незавершенным настоящим)»[193]. Беспрерывность, незавершенность художественных поисков Н. Лугинов в дальнейшем продолжит в своих крупных исторических произведениях.

[193] Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М. : Худ. лит., 1975. – С. 451.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе нами рассмотрено творчество ведущего современного прозаика якутской литературы Николая Алексеевича Лугинова. Объектом исследования стали его ранние повести 1970-80-х годов, целью – выявление путей претворения в произведениях авторской концепции человека и действительности.

В 1970-х годах, как и во всей советской литературе, в якутской прозе повесть получила свое наибольшее развитие, распространение и признание у читателей. Повесть, как более оперативный жанр, чем роман, и более всеохватный в отображении действительности, чем рассказ, стала наиболее востребованной в изображении современной жизни и отклике на ее актуальные проблемы. В развитие современной якутской повести 1970-80-х годов определенный вклад внесли Софр.П. Данилов, Н.А. Габышев, В.С. Яковлев-Далан, П.Д. Аввакумов, В.Н. Гаврильева, Э.Д. Соколов, В.Н. Титов, Е.П. Неймохов, С.А. Попов-Тумат и др. Своими новаторскими художественными поисками и открытиями в эти годы стал известен и Николай Лугинов, на сегодняшний день представляющий лицо якутской литературы в целом. Но в 1970-80-х годах, когда литературоведение стояло на защите принципов художественного метода социалистического реализма и прослеживало за внедрением писателей в произведение общелитературной концепции, основанной на идеалах социализма, новаторские изыскания, новые жанровые поиски и оригинальность художественной концепции человека и действительности в произведениях Н.Лугинова не были до конца поняты, потому не стали предметом отдельной исследовательской работы.

В современной якутской прозе наметилась такая общая тенденция, как усиление авторского голоса, вместе с тем стало возможным внедрение, утверждение автором своеобразной художественной концепции человека и действительности.

На основе анализа повестей Н. Лугинова, написанных писателем в 1970-80-х годах, приходим к таким основным выводам.

Н. Лугинов в жанре повести интенсивно работал в начале своего творчества в 1970-80-х годах, написав двенадцать повестей. Это время работы Н.Лугинова над повестями характеризует в его творчестве период становления и утверждения, как писателя, когда формировались его основные идейно-эстетические принципы, были найдены основные проблемы и художественные образы, в целом состоялась его художественная концепция человека и действительности. Основная тематика повестей – современная жизнь народа. Отсчетом для испытания характеров и нравственной оценки поступков, жизненной позиции современного человека стала Великая Отечественная война. В хронотопе писателя охватывается современная действительность и неумолимое течение жизни. Такие основные архетипические образы пространства, как Дом – Порог – Дорога показывают не только судьбу героев, но также являются средствами писателя в раскрытии внутреннего мира человека.

В развитии системы повестей Н. Лугинова видна циклизация, выявляющая эволюцию в его творчестве. В первый цикл произведений входят его первые повести – «На Сергеляхе», «Поединок» и замыкает их роман «Этажи». В них писатель показывает образ молодого человека, ищущего смысл бытия и свое предназначение в жизни. В произведениях на первый план выходит исследование писателем становления характера и постановка связанных с ним нравственных проблем. Это был этап ученичества в творчестве Н. Лугинова. Во втором цикле повестей начинается творческий рост писателя. В повестях «Роща Нуоралджыма», «Улыбка старика», «Паводок листопада», где автор ставит проблему любви к родному краю и обращается к таким архетипическим образам, как Дом, Алас, Сэргэ, Иччи, он утвердился как писатель со своим оригинальным видением мира. В системе образов автор создает характеры представителей трех поколений рода, семьи – ребенка, взрослого и мудрого старца, в связке которых показывает преемственность народной жизни, а в образе старца воплощает национальный характер. Во втором цикле повестей основным произведением становится повесть «Таас Тумус», которая, однако, необычностью своего содержания и поэтики выбивается из их ряда и вместе с тем становится переходным, предваряющим собой цикл философских повестей. В по-

вести «Таас Тумус» не только архетипические образы, ставшие основными в его творчестве, – Иччи (душа, хозяин), иччитэх сир (пустота), река, гора, но и сюжетные мотивы работают на усиление философского звучания произведения. В целом это произведение представляет собой синкретический жанр, вобравший в себя черты его социально-психологических и философских повестей. «Таас Тумус», как романизированная повесть, ведет писателя по пути к созданию романа. Завершающим этот цикл и весь период его работы над повестями произведением стала повесть «Дом над речкой», где герой-скитальщик, временщик, наконец, приходит к Дому, к своим истокам. В цикл философских повестей входят: «Кустук», «Ворон», «Сэргэ», в которых концепция автора о мире сильно выражена не только на содержательном уровне, но и в поэтике. Поэтичность в повествовании, монологичность усиливают воплощение авторского видения мира. Писатель создает необычную систему образов из природного и материального мира. Н. Лугинов поднимает проблему защиты природы и мира от потребительского отношения современного общества. Решение проблем жизни общества в ее соотношении к природе, выражающемся в конфликте Космоса и Хаоса, и призывающем к гармонии таких отношений, решение которых подспудно только философскому произведению. Философские повести во многом подготовили появление романа Н. Лугинова «По велению Чингисхана». Четвертый цикл повестей – это новые историко-философские произведения Н. Лугинова, объединенные в одной книге – «Хуннские повести» (2010).

Новаторство Н. Лугинова состоит не только в том, что он в якутской литературе создал жанр философской повести, но, прежде всего, усматривается в его глубоко оригинальной и содержательной концепции человека и действительности, осуществленной во всей системе художественных образов писателя и в поэтике произведений.

В системе образов писателя главное место отводится архетипическому образу – старцу, как представителю народного характера, стоящего не только на защите национального менталитета и традиций в жизни народа, но и выступающего мыслителем, постигшим смысл бытия. Старцы помнят не только прошлое, но и учат выживать в будущем, достичь гармонии сложного мира (хаоса) и природы (Космоса).

Молодое поколение должно понять свое высокое призвание – стать человеком, разумным хозяином жизни и природы, какими в течение многих веков были его предки. Старцы – философы со своим видением мира и отношением к нему. «Национальный образ мира удваивается» (Г. Гачев), так как автор, раскрывая мировосприятие старшего поколения, утверждается в своей художественной концепции действительности.

В социально-психологических повестях писателя основной темой выступает Дом, а в философских – Природа, которые являются необходимым условием бытия человека и которые он должен защитить, сохранить во имя будущего человечества. Всех главных героев повестей – бабушку, Тойбола, Ворона, Сэргэ объединяет ожидание, в котором они проводят всю свою жизнь. Ожидают хозяина (иччи) Дома, аласа и Природы. В повести «Роща Нуоралджыма» (1979) мечтают построить Дом, а в «Доме над речкой» (1986) его строят. Тем самым тема возвращения к своим истокам завершается. И Дом, и Природа страдают оттого, что они потеряли Иччи-хозяина. Но большей проблемой современности является то, что сам человек потерял иччи-душу, писатель его обвиняет в бездуховности. Чтобы природа не чувствовала себя опустошенной (пустота – иччитэх сир), писатель апеллирует к разуму современного человека и призывает его к уважительному, вдумчивому отношению к вековым традициям народа, жившего в согласии и гармонии с природой. В концепции человека он верит в перерождение современника в Иччи, Хозяина земли, природы и собственной судьбы, ответственного за все происходящее на земле.

Творчество Н. Лугинова развивается в русле художественных поисков современной отечественной литературы. Как крупный писатель, он входит в диалог с другими писателями России. В его творчестве видны типологические схождения с творчеством таких писателей, как Ч. Айтматов, М. Карим, В. Распутин, В. Шукшин, В. Астафьев и др. На его творчество также повлияли художественные достижения якутских прозаиков Софрона Данилова и Ивана Гоголева. Произведения Софрона Данилова привели его в литературу, Николай Лугинов во многом продолжает его художественные традиции, а поэтика Ивана Гоголева сыграла роль в его обращении к богатому арсеналу устного народного

творчества. В свою очередь, философские повести Н. Лугинова, несомненно, стали преддверием рождения философских романов И. Гоголева в 1990-х годах.

Н. Лугинов вырос до писателя-философа в якутской литературе, голос которого читатели ждут с нетерпением и к которому прислушиваются творческие люди современности. Правы исследователи, отмечая, что народный писатель Н.А. Лугинов продолжает традиции классиков якутской литературы А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова, П.А. Ойунского. К постановке вечных, общечеловеческих проблем современного общества писатель пришел через отображение своеобразия национального видения мира, основанного на вековых традициях уклада жизни народа, его миросозерцания и верования. В его произведениях осмысливаются общие, универсальные закономерности бытия, общества и природы.

Прозаик Николай Лугинов утверждением вечных, общечеловеческих ценностей в своих произведениях выводит якутскую литературу на уровень мировой литературы.

Литература

I

1. *Лугинов, Н.А.* Кустук [Текст] : повести (на якут. языке) / Н.А. Лугинов. – Якутск : Бичик, 2003. – 224 с.

2. *Лугинов, Н.А.* На Сергеляхе [Текст] : повесть (на якут. языке) / Н.А. Лугинов. – Якутск : Як.книж. изд-во, 1978. – 176 с.

3. *Лугинов, Н.А.* Ось неба [Текст] : повести, драма, рассказ (на якут. языке) / Н.А. Лугинов. – Якутск : Бичик, 1992. – 256 с.

4. *Лугинов, Н.А.* Песня белых журавлей [Текст] : повести и рассказы: Пер. с якут. / Н.А. Лугинов. – М. : Мол. гвардия, 1985. – 223 с.

5. *Лугинов, Н.А.* По велению Чингисхана [Текст] : роман Ч. 1. (на якут. языке) / Н.А. Лугинов. – Якутск : Бичик, 1997. – 347 с.

6. *Лугинов, Н.А.* По велению Чингисхана [Текст] : роман Ч. 2. (на якут. языке) / Н.А. Лугинов. – Якутск : Бичик, 2000. – 464 с.

7. *Лугинов, Н.А.* По велению Чингисхана [Текст] : роман Ч. 3. (на якут. языке) / Н.А. Лугинов. – Якутск : Бичик, 2005. – 543 с.

8. *Лугинов, Н.А.* Поединок [Текст] : повесть (на якут. языке) / Н.А. Лугинов. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1981. – 104 с.

9. *Лугинов, Н.А.* Роща Нораланджыма [Текст] : повесть (на русс. яз.) / Пер. С. Шуртакова. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1979. – 64 с.

10. *Лугинов, Н.А.* Таас Тумус [Текст] : повести (на якут. языке) / Н.А. Лугинов. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1984. – 224 с.

11. *Лугинов, Н.А.* Хуннские повести [Текст] (на русс. яз.) / Пер. П. Краснова. – Якутск : Бичик, 2011. – 237 с.

12. *Лугинов, Н.А.* Этажи [Текст] : роман (на якут. языке) / Н.А. Лугинов. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1980. – 200 с.

13. *Лугинов, Н.А.* Пути земные, пути небесные [Текст] (на русс. яз.) / Пер. В. Карпова, П. Краснова, А. Дмитриевой. – Якутск : Бичик, 2007. – 192 с.

14. *Лугинов, Н.А.* Дом над речкой: повести и рассказы [Текст] (на русс. яз.) / Пер. В. Карпова, П. Краснова, С. Шуртакова, А. Дмитриевой, В. Перегудова. – М. : Современник, 1988. – 286 с.

II

15. *Kestner, J.* The Spatiality of novel [Text] / J. Kestner. – Detroit, 1978. – P. 21-22.

16. *Абдрафикова, Г.Х.* Малые жанры башкирской прозы (Жанровая природа, эволюция, современное состояние) [Текст] / Г.Х. Абдрафикова. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. – Уфа : БГМУ, 1999. – 20 с.

17. *Абрамович, Г.Л.* Введение в литературоведение [Текст] : Учебник для студентов филол. специальностей пед.ин-тов. Изд. 6-е, испр. и доп. / Г.Л. Абрамович.– М. : Просвещение, 1975. – 352 с.

18. *Адмони, В.Г.* Поэтика и действительность [Текст] / В.Г. Адмони. – Л. : Советский писатель, 1975. – 311 с.

19. *Айтматов, Ч.* Белый пароход: Повести [Текст] / Ч. Айтматов. – М. : Дет. лит., 1980. – 350 с.

20. *Акашева, С.С.* Жанрово-стилевые особенности современной повести Казахстана (на материале казахских и русских повестей 60-х – начала 80-х годов) [Текст] / С.С. Акашева. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. – Алма-Ата : ЦНБ АН КазССР, 1991. – 22 с.

21. *Апухтина, В.А.* Современная советская проза [Текст] / В.А. Апухтина. – М. : Высшая школа, 1977. – 176 с.

22. *Арнольд, И.В.* Значение «сильной позиции» для интерпретации художественного текста [Текст] / И.В. Арнольд // Иностранные языки в школе. – 1978. № 4. – С. 23-31.

23. *Архетип* и символ: Сборник работ Юнга [Текст] / К.Г. Юнг. – М., 1991. – 304 с.

24. *Баимов, Р.Н.* Судьба жанра [Текст] : монография / Р.Н. Баимов. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1984. – 320 с.

25. *Балданов, С.Ж.* Художественная деталь в бурятской прозе [Текст] / С.Ж. Балданов. – Улан-Удэ : Бур. книж. изд-во, 1987. – 174 с.

26. *Бахматова, Г.Н.* Концептуальность орнаментального стиля русской прозы I четверти XX века [Текст] / Г.Н. Бахматова // Филологические науки, 1989. № 5. – С. 10-18.

27. *Бахтин, М.М.* Вопросы литературы и эстетики [Текст] / М.М. Бахтин. – М. : Худ. лит., 1975. – 504 с.

28. *Бахтин, М.М.* Проблемы поэтики Достоевского [Текст] Изд. 4 / М.М. Бахтин. – М. : Сов. Россия, 1979. – 318 с.

29. *Белинский, В.Г.* О русской повести и повестях г. Гоголя [Текст] / В.Г. Белинский // Полное собрание сочинений. Т. 1. – М. : АН СССР, 1953. – С. 259-308.

30. *Белинский, В.Г.* Разделение поэзии на роды и виды [Текст] / В.Г. Белинский // Полное собрание сочинений. Т.5. – М. : АН СССР, 1954. – С. 7-68.

31. *Белозубова, Н.И.* Проза Хейдока в контексте литературы Дальневосточного зарубежья: виды и образы пространства [Текст] / Н.И. Белозубова // Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2009. – 26 с.

32. *Бердибаев, Р.* От легенды к роману [Текст] : статьи и исследования / Р. Бердибаев. – Алма-Ата : Жазушы, 1976. – 224 с.

33. *Боескоров, Г.К.* Вопросы сюжета и композиции в якутской прозе. [Текст] / Г.К. Боескоров. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1965. – 176 с.

34. *Боескоров, Г.К.* Развитие жанров прозы в якутской советской литературе [Текст] / В.Г. Боескоров. – Якутск : Як. книж.изд-во, 1961. – 311 с.

35. *Бондаренко, В.* Нить жизни [Текст] / В. Бондаренко. // Слово русской советской критики о якутской литературе. Якутск: книжное изд-во, 1986. – С. 140-142.

36. *Бочаров, А.Г.* Требовательная любовь: концепция личности в современной советской прозе [Текст] / А.Г. Бочаров. – М. : Худ. лит., 1977. – 362 с.

37. *Бурцев, А.А.* Английский рассказ конец XIX – начала XX века: Проблемы типологии и поэтики [Текст] : Монография / А.А. Бурцев. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1991. – 366 с.

38. *Бурцев, А.А.* Английский реалистический рассказ конца XIX – начала XX века (проблемы типологии и поэтики) [Текст] : Монография / А.А. Бурцев. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 1987. – 115 с.

39. *Бурцев, А.А.* Введение в историю якутской литературы [Текст] / А.А. Бурцев. – Якутск : Сахаполиграфиздат, 2004. – 2008 с.

40. *Бурцев, А.А.* Диалог о высоком, добром и вечном [Текст] / А.А. Бурцев // Диалог. – 1990. № 9-10. – С. 55-61.

41. *Бурцев, Д.Т.* Заметки о современных повестях [Текст] (на якут. яз.) / Д.Т. Бурцев // Хотугу сулус. – 1985. – № 1.

42. *Бурцев, Д.Т.* Типы проблематики в якутской прозе [Текст] / Д.Т. Бурцев. – Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1992. – 144 с.

43. *Бурцев, Д.Т.* Произведения молодых авторв о спорте [Текст] (на якут. яз.) / Д.Т. Бурцев // Хотугу сулус. – 1983. – № 9.

44. *Буянтуева, Г.Ц-Д.* Мотивы в повествовательной структуре прозы А. Ангархаева 1970-80-х гг. [Текст] / Г.Ц-Д. Буянтуева // Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2011. – 25 с.

45. *Васильева, Д.Е.* Творчеством вдохновленные [Текст] (на якут.яз.) / Д.Е. Васильева. – Якутск : Бичик, 2003. – 126 с.

46. *Васильева, Д.Е.* Любовь к родному дому [Текст] / Д.Е. Васильева // Социалистическая Якутия. – 1989. – 16 июня.

47. *Васильева, Д.Е.* Национальное и общечеловеческое в якутской литературе [Текст] / Д.Е. Васильева. – Якутск, 1995. – 180 с.

48. *Васильева, Д.Е.* Несколько слов о Николае Лугинове [Текст] / Д.Е. Васильева // Молодежь Якутии. – 1989. – 14 декабря. – С. 2.

49. *Васильева, Д.Е.* О далеком прошлом и настоящем [Текст] / Д.Е. Васильева. – Якутск : Бичик, 2008. – 176 с.

50. *Васильева, Д.Е.* Связь времен [Текст] : Сборник статей / Д.Е. Васильева. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1991. – 120 с.

51. *Васильева, Д.Е.* Творцы доброго и прекрасного [Текст] : Статьи (на якут. яз.) / Д.Е. Васильева. – Якутск : Бичик, 2007. – 157 с.

52. *Васильева, Д.Е.* С большой надеждой [Текст] (на якут.яз.) / Д.Е. Васильева // Чолбон, 1998. – № 8. – С .94-95.

53. *Васильева, Н.Е.* Художественное значение названия литературного произведения [Текст] (на якут. яз.) / Н.Е. Васильева, В.Б. Окорокова. – Якутск : Октаэдр, 2005. – 66 с.

54. *Введение* в литературоведение [Текст] : Учеб. для филол. спец. ун-тов / Г.Н. Поспелов, П.А. Николаев, И.Ф. Волков и др.; Под ред. Г.Н. Поспелова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1988. – 528 с.

55. *Веселовский, А.Н.* Историческая поэтика [Текст] / А.Н. Веселовский. – М. : Высшая школа, 1989. – 404 с.

56. *Вечер* для Николая Лугинова [Текст] // Якутия. - 1998, 03 ноября. – С. 1.

57. *Виноградов, В.В.* О языке художественной прозы [Текст] / В.В. Виноградов. – М. : Наука, 1980. – 317 с.

58. *Воронов, В.* Художественная концепция. Из опыта советской прозы 60-80-х годов [Текст] : Статьи / В. Воронов. – М. : Сов. писатель, 1984. – 384 с.

59. *Гаврильев, И.* Чингис хан, Н.Лугинов и новый взгляд на историю. К 55-летию Н. Лугинова [Текст]: на якут. яз. / И. Гаврильев //Саха Сирэ. – 2003. – 24 октября. – № 198. – С. 2.

60. *Гачев, Г.Д.* Национальные образы мира [Текст] / Г.Д. Гачев. – М. : Советский писатель, 1988. – 447 с.

61. *Гачев, Г.Д., Кожинов, В.В.* Содержательность литературных форм [Текст] / Г.Д. Гачев, В.В. Кожинов. // Теория литературы. – М. : Наука, 1964. – С. 17-38.

62. *Гинзбург, Л.Я.* О литературном герое [Текст] / Л.Я. Гинзбург. – Л. : Советский писатель, 1979. – 222 с.

63. *Гоголь, Н.В.* Полное собрание сочинений в 14 т. Т. 8 [Текст] / Н.В. Гоголь. – М. : АН СССР, 1952.

64. *Головко, В.М.* Историческая поэтика русской классической повести [Текст] : учебное пособие / В.М. Головко. – М. : Флинта: Наука, 2010. – 280 с.

65. *Гулько, А.* Этажи роста [Текст] / А. Гулько // Молодежь Якутии. – 1985. – 18 июня.

66. *Дементьев, В.* О тех, кого ждали [Текст] / В. Дементьев // Молодая гвардия, 1988. – № 11. – С. 258-267

67. *Добин, Е.С.* Искусство детали [Текст] / Е.С. Добин. – Л. : Советский писатель, 1975. – 192 с.

68. *Добин, Е.С.* Сюжет и действительность. Искусство детали [Текст] / Е.С. Добин. – Л. : Советский писатель, 1981. – 432 с.

69. *Евсеева, Н.* Пусть будет только так [Текст] (на якут.яз.) / Н. Евсеева // Кыым. – 1986. – 26 апреля.

70. *Егорова, Ф.* Известный прозаик [Текст] (на якут.яз.) / Ф. Егорова // Кыым. – 1990. – 06 февраля.

71. *Елисеев, И.А., Полякова, Л.Г.* Словарь литературоведческих терминов [Текст] / И.А. Елисеев, Л.Г. Полякова. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2002. – 320 с.

72. *Есин, А.Б.* Время и пространство [Текст] / Под ред. Л.В. Чернец // Введение в литературоведение. – М., 2000. – С. 47-62.

73. *Есин, А.Б.* Принципы и приемы анализа литературного произведения [Текст] / А.Б. Есин. – М. : Наука, 2000. – 246 с.

74. *Жанровая* интеграция и проблема целостности литературного произведения [Текст]: Сборник научных статей. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 1995. – 90 с.

75. *Жирмунский, В.М.* Введение в литературоведение [Текст] : Курс лекций / В.М. Жирмунский. – СПб : СПБГУ, 1996. – 440 с.

76. *Заика, В.И.* Поэтика рассказа (языковые средства актуализации смысла) [Текст] / В.И. Заика. – Новгород : НГПИ, 1993. – 131 с.

77. *Захаров, В.Н.* Мотив свободы в сюжете «Записок из подземелья» Ф.М. Достоевского [Текст] / В.Н. Захаров // Жанр и композиция литературного произведения. – Петрозаводск, 1989. – С. 107-110.

78. *Зверев, И.* Он пишет быстро и четко [Текст] (на якут.яз) / И. Зверев // Хотугу сулус. – 1988. – № 8.

79. *Иваницкий, А.И.* Архетипы Гоголя [Текст] / А.И. Иваницкий. // Литературные архетипы и универсалии. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – С. 248-292.

80. *Иванов, В.* Атын чыпчаалы көрөбүн [Текст] : о молодом писателе Лугинове / В. Иванов // Ленинец (Сангар). – 1975. – 21 сентября.

81. *Иванов, В.*, Григорьев М. Генеалогическое древо Н. Лугинова [Текст]: на якут. яз. / В. Иванов, М. Григорьев // Чолбон.. – 2008. – № 8. – С. 61-66.

82. *Иванов, Д.* Николай Лугинов: «Все мысли только о моей программе» [Текст] (на якут.яз.) / Д. Иванов // Ленинец (Сангар). – 1975. – 21 сентября.

83. *Карпов, В.* Пограничье Николая Лугинова [Текст] : Предисловие // Хуннские повести / Н. Лугинов. – Якутск : Бичик, 2011. – С. 5.

84. *Ким, А.* О путях земных и небесных [Текст] : Предисловие // Пути земные, пути небесные: повести и легенды / Н. Лугинов. – Якутск : Бичик, 2007. – С. 5-7.

85. *Киракосян, Л.М.* Концепция личности и герой литературы [Текст] / Л.М. Киракосян. – Ереван : Советанан грох, 1982. – 303 с.

86. *Климович, Л.И.* Наследство и современность. [Текст] : Очерки о национальных литературах / Л.И. Климович. – М. : Советский писатель, 1975. – 415 с.

87. *Кожинов, В.В.* К проблеме литературных родов и жанров [Текст] / В.В. Кожинов. // Теория литературы. – М. : Наука, 1974. – С 39-49.

88. *Кожинов, В.В*. Необходимость героя [Текст] / В.В. Кожинов // Статьи о современной литературе. – М., 1990.

89. *Кожинов, В.В.* Повесть [Текст] / В.В. Кожинов // Краткая литературная энциклопедия. – Т. 5. – М., 1968.

90. *Кожинов, В.В.* Художественный образ и действительность [Текст] / В.В. Кожинов. // Теория литературы. – М. : Наука, 1962. – С. 58-71.

91. *Копырин, Н.З.* Изобразительные средства якутской литературы [Текст] / Н.З. Копырин. – Якутск : Бичик, 1997. – 174 с.

92. Краткая литературная энциклопедия [Текст] Т.2. / Гл. ред. А.А. Сурков. – М. : Советская энциклопедия, 1964. – 1056 с.

93. *Ксанф, А.* «Люди длинной воли» Николая Лугинова [Текст] : Юбилейный ракурс / А. Ксанф // Якутия, 2006. – 08 февраля. – С. 8.

94. *Кузьмин, А.И.* Повесть как жанр литературы [Текст] / А.И. Кузьмин. – М. : Знание, 1984. – 111 с.

95. *Кумскова, Е.И.* Американская повесть XIX века [Текст] / Е.И. Кумскова. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. – М., 1988. – 24 с.

96. *Кун, Н.А.* Мифы Древней Греции [Текст] / Н.А. Кун. – М. : Изд-во Эксмо, 2009. – 240 с.

97. *Курносов, Д.М.* Концепция личности в современной советской прозе [Текст] : Учебное пособие по спецкурсу / Д.М. Курносов. – Гродно : ГГУ, 1981. – 108 с.

98. *Куулар Д.С., Монгуш Д.А.* Вопросы тувинской филологии [Текст] / Д.С. Куулар, Д.А. Монгуш. – Тува : Тувинский науч.-иссл. ин-т языка, лит-ры и истории, 1983. – 157 с.

99. *Лавров, В.А*. Человек. Время. Литература. Концепция личности в многонациональной советской литературе [Текст] / В.А. Лавров. – Л., 1981.

100. *Ласков, И.* «Быстренько очистил ершей…» [Текст] / И. Ласков // Молодежь Якутии. – 1993. – 20 августа. – С. 11.

101. *Левидов, А.М.* Автор – образ – читатель [Текст] / А.М. Левидов. – Л. : Изд-во Ленингралского университета, 1977. – 350 с.

102. *Левитан, Л.С., Цилевич Л.М.* Сюжет в художественной системе литературного произведения [Текст] / Л.С. Левитан, Л.М. Цилевич. – Рига : Зинатне, 1990. – 512 с.

103. Литература Якутии на современном этапе, 1980-1990 гг. Очерки [Текст] / АН РС (Я). Ин-т гуманит. исслед. – Якутск, 2001. – 282 с.

104. Литература Якутии XX века: Историко-литературные очерки [Текст] / Редкол.: В.Н. Иванов (отв.ред.), П.В. Максимова (зам. отв. ред.), М.Н. Дьячковская, Л.Н. Романова; Акад. наук РС (Я). Ин-т гуманит. исслед. – Якутск, 2005. – 727 с.

105. *Лосев, А.Ф.* Символ и художественное творчество [Текст] / А.Ф. Лосев // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Т. XXX. Вып. 1. – М., 1971. – С. 3-13.

106. *Лугинов, Н.* «Я во вдохновение не верю…» [Текст] / интервью взял И. Платонов // Ленские маяки. – 1988. – 5 января.

107. *Лугинов, Н.* С болью и надеждой [Текст] : беседа с писателем Н. Лугиновым / записала Н. Ким // Соц. Якутия. – 1988. – 02 сентября.

108. *Лугинов, Н.* Трудное возвращение к истокам [Текст] : беседа с писателем Н. Лугиновым / записала Н. Ким // Соц. Якутия. – 1990. – 27 февраля.

109. *Лугинов, Н.А.* Мысли о новом времени [Текст] (на якут.яз.) / Н.А. Лугинов // Писатель и перестройка. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1990. – С. 83-85

110. *Лугинов, Н.А.* Сэргэ, Конституция, Тускул [Текст] / Н.А. Лугинов // Илин. – 1996. – № 3.

111. *Лугинов, Н.А.* Человек родился [Текст]: 60 лет Николаю Лугинову / Н.А. Лугинов // Юность Севера. – 2008. – 18 октября. – № 88. – С. 8.

112. *Мелетинский, Е.М.* О литературных архетипах [Текст] / Е.М. Мелетинский. – М. : МГУ, 1994. – 134 с.

113. *Мелетинский, Е.М.* О происхождении литературно- мифологических сюжетных архетипов [Текст] / Е.М. Мелетинский. // Литературные архетипы и универсалии. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – С. 73-149.

114. *Мелетинский, Е.М.* От мифа к литературе [Текст] : Монография / Е.М. Мелетинский. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 170 с.

115. *Мелетинский, Е.М.* Трансформации архетипов в русской классической литературе [Текст] / Е.М. Мелетинский. // Литературные архетипы и универсалии. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – С. 150-224.

116. *Мириманов, В.Б.* Универсалии дописьменного искусства [Текст] / В.Б. Мириманов. // Литературные архетипы и универсалии. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – С. 11-72.

117. *Мординов, Н.Е.–Амма Аччыгыйа* Человек и творчество [Текст] (на якут. яз.) / Н.Е. Мординов-Амма Аччыгыйа. – Якутск, 1975.

118. *Мустай, Карим* Долгое-долгое детство. Повесть [Текст] / К. Мустай. – М. : Современник, 1977. – 223 с.

119. *Мыреева, А.Н.* «Все вокруг живое…» (человек и природа в повестях Н. Лугинова) [Текст] / А.Н. Мыреева // Полярная звезда. – 1999. – № 1. – С. 46-48.

120. *Мыреева-Баишева, А.Н*. Литература и время: статьи [Текст] / А.Н. Мыреева-Баишева; отв. ред. В.Б. Окорокова. – Якутск : Бичик, 2010. – 176 с.

121. *Мыреева-Баишева, А.Н.* Повесть [Текст] / А.Н. Мыреева-Баишева. // Литература Якутии на современном этапе, 1980-1990 гг. – Якутск : АН РС(Я). Ин-т гуманит. исслед., 2001. – С. 34-68.

122. *Мыреева-Баишева, А.Н.* Человек и природа в современной якутской прозе [Текст] / А.Н. Мыреева-Баишева. – Якутск : Бичик, 2001. – 104 с.

123. *Найдаков, В.Ц.* Путь к роману: История формирования бурятской прозы [Текст]: Монография / В.Ц. Найдаков. – Новосибирск : Наука: Сиб. Отд-ние, 1985. – 260 с.

124. *Новиков, А.Г.* О менталитете саха [Текст] / А.Г. Новиков. – Якутск, 1996. – 146 с.

125. *Новиков, А.Г.* Философское учение об одушевленности и одухотворенности [Текст] / А. Новиков // Илин. – 1995. – № 6.

126. Новые горизонты якутской литературы [Текст] : Сборник статей / Сост. И.Е. Буркова, Г.Г. Окороков. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1976. – 248 с.

127. *Ноева, С.Е.* Особенности хронотопа романов И.М. Гоголева [Текст] / С.Е. Ноева. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Якустк : Изд-во ЯГУ, 2006. – 26 с.

128. *Ноева, С.Е.* Поэтика времени и пространства в романах И.М. Гоголева [Текст] / С.Е. Ноева. – Новосибирск : Наука, 2009. – 119 с.

129. *Носов, С.* Свобода и сила [Текст] / С. Носов // Звезда. – 1992. – №1.

130. *Огрызко, В.* Родину не выбирают [Текст] / В. Огрызко // Мир Севера, 1998. – № 5-6. – С. 49-50.

131. *Одиноков, В.Г.* Сибирская повесть Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» [Текст] / В.Г. Одиноков // Развитие повествовательных жанров в литературе Сибири. – Новосибирск : Наука, 1981. – С. 21-25.

132. *Окорокова, В.Б.* Герой литературы. [Текст] (на якут. яз.) / В.Б. Окорокова. Якутск : Изд-во ЯГУ, 2005. – 90 с.

133. *Окорокова, В.Б.* Пути развития прозы в литературах народов Якутии. Часть I. Жанровая типология в прозе младописьменных и новописьменных литератур: Учебное пособие [Текст] / В.Б. Окорокова. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 2001. – 68 с.

134. *Окорокова, В.Б.* Пути развития прозы в литературах народов Якутии. Часть II: Художественное своеобразие прозы литератур Якутии: Учебное пособие [Текст] / В.Б. Окорокова. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 2001. – 127 с.

135. *Окорокова, В.Б.* Восхваляя художественное слово [Текст] (на якут.яз) / В.Б. Окорокова. – Якутск : Бичик, 2009. – 120 с.

136. *Окорокова, В.Б.* Художественная концепция личности в якутской прозе (1920 – 1970-ые гг.) [Текст] / В.Б. Окорокова. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. – Якутск, 1987. – 18 с.

137. *Окорокова, В.Б.* Юкагирский роман [Текст] : Монография / В.Б. Окорокова. – Якутск : Ситим, 1994. – 136 с.

138. *Окорокова, В.Б., Отова-Саввинова Г.Е.* Человек и природа: аспекты художественного отражения [Текст] / В.Б. Окорокова. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 2005. – 65 с.

139. *Османова, З.Г.* Художественная концепция личности в литературах Советского Востока [Текст]: (Традиция и современность) / З.Г. Османова. – М. : Наука, 1972. – 266 с.

140. *Палкина, Р.А.* Становление и развитие алтайского литературоведения [Текст] / Р.А. Палкина // Институт алтаистики им. С.С. Зуразакова. – Горно-Алтайск, 2010. – С. 73-78.

141. *Пашкевич, О.И.* Литература народов Якутии и проблема национального менталитета [Текст] : Монография / О.И. Пашкевич Якутск: Изд-во ЯГУ, 2004. – 186 с.

142. *Петров, В.Т.* Взаимодействие традиций в младописьменных литературах [Текст] / В.Г. Петров. – Новосибирск : Наука, 1987. – 237 с.

143. *Петров, В.Т.* Традиции эпического повествования в якутской прозе [Текст] / В.Г. Петров. – Новосибирск : Наука, 1982. – 84 с.

144. *Поспелов, Г.Н.* Проблемы исторического развития литературы [Текст] / Г.Н. Поспелов. – М. : Просвещение,1971. – 271 с.

145. *Поспелов, Г.Н.* Теория литературы [Текст] : Учебник для ун-тов / Г.Н. Поспелов. – М. : Высш. школа, 1978. – 351 с.

146. *Пошатаева, А.В.* Литературы народов Севера. Роль духовного наследия в художественном опыте современности [Текст] / Г.Х. Абдрафикова. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. доктора филол. наук. – М., 1989. – 48 с.

147. Поэтика эпического повествования [Текст] : Сборник научных трудов. – Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1993. – 138 с.

148. Проблемы жанра в литературе Сибири [Текст] : Сборник статей. – Новосибирск : Наука, 1977. – 216 с.

149. Проблемы литератур народов Сибири : национальное своеобразие, тюркское стихосложение, традиции и новаторство Якутии на современном этапе [Текст]: материалы Всерос. науч. конф. к 75-летию д-ра филол. наук, проф., заслуж. деятеля науки РС (Я) Тобурокова Николая Николаевича. В 2 ч. / [редкол.: Т.Н. Васильева, Л.Н. Романова, С.Е. Ноева, В.Е. Степанова]. – Якутск : ИГИиПМНС СО РАН, 2009.

150. *Прокопьев, Ю.Н.* От рассказа к роману [Текст] / Ю.Н. Прокопьев. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1968. – 207 с.

151. *Руднев, В.П.* Энциклопедический словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты [Текст] / В.П. Руднев. – М. : Аграф, 2009. – 544 с.

152. *Серебрякова, З.А.* Национальный характер в бурятском романе о современности 1970-1980 гг. [Текст] / З.А. Серебрякова. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. – Улан-Удэ : Олзон, 1993. – 23 с.

153. *Сидоров, Е.С.* Статьи о якутской литературе. О народной мудрости [Текст]: сборник / Е.С. Сидоров. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 2004. – 66 с.

154. *Сидоров, О.Г.* От Алексея Кулаковского до Николая Лугинова: штрихи к истории якутской культуры [Текст] / О.Г. Сидоров. – Якутск : Бичик, 2010. – 173 с.

155. *Синенко, В.С.* Русская советская повесть 40–50-х гг.: Вопросы поэтики и типологии жанра [Текст] / В.С. Синенко // Проблемы жанра и стиля. – Уфа : БГУ, 1970. – С. 47-68.

156. *Слепцов, П.А.* Якутский литературный язык. Истоки. Становление норм [Текст] / П.А. Слепцов. – Новосибирск : Наука, 1986. – 260 с.

157. *Слепцов, П.А.* Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм [Текст] / П.А. Слепцов. – Новосибирск : Наука, 1990.

158. *Слепцов, П.А., Владимирова, И.И.* Обращая внимание на язык произведений [Текст] (на якут.яз) / П.А. Слепцов, И.И. Владимирова // Хотугу сулус, 1989. – № 7. – С. 90-95.

159. Словарь литературоведческих терминов [Текст] / И.А. Елисеев, Л.Г. Полякова. – Ростов н/Д. : Феникс, 2002. – 319 с.

160. *Смиренский, В.Б.* Формула тайны [Текст] / В.Б. Мириманов. // Литературные архетипы и универсалии. – М. : Рос. гос. гуманит.ун-т, 2001. – С. 225-247.

161. *Советская* литература и мировой литературный процесс. Изображение человека [Текст]. – М. : Наука, 1979. – 460 с.

162. *Соколов, А.Н.* Проблемы теории и истории литературы [Текст] / А.Н. Соколов. – М. : МГУ, 1971. – 412 с.

163. *Соколов–Митрич, Д.* Чингисхан, открой личико [Текст] / Д. Соколов-Митрич // Известия. – 2007. – 21 мая. – С. 9.

164. *Степанов, Г.В.* Язык. Литература. Поэтика [Текст] / Г.В. Степанов. – М. : Наука, 1988. – 382 с.

165. *Стрелец, Ада* Уравнение со многими несовместимыми. 55-летний юбилей Н.А. Лугинова [Текст] / Ада Стрелец // Якутия. – 2003. – 01 октября. – № 181. – С. 4.

166. *Тамарченко, Н.Д.* Повествование // Введение в литературоведение [Текст] / Под ред. Л.В. Чернец. – М., 1999. – С. 279-296.

167. *Тарасов, С.* Жизнь должна полниться кумысом [Текст] (на якут.яз.) / С. Тарасов // Кыым, 1978. – 01 февраля.

168. *Тарасов, С.* Вечные понятия о предназначении человека (к 50-летнему юбилею Н.А. Лугинова) [Текст] (на якут.яз.) / С. Тарасов // Чолбон, 1998. – № 8. – С. 92-93.

169. Теоретическая поэтика [Текст] : (Понятия и определения) / Авт.-сост. Н.Д. Тамарченко. – М. : РГГУ, 2002. – 467 с.

170. *Тимофеев, Л.И., Тураев, С.В.* Краткий словарь литературоведческих терминов [Текст] : Пособие для учащихся средней школы / Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. – М. : Просвещение, 1978. – 223 с.

171. *Тобуроков, Н.Н.* История якутской литературы (вторая половина 19 века) [Текст]: Учебное пособие для студентов и преподавателей (на якутском языке) / Н.Н. Тобуроков. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 2001. – 79 с.

172. *Тобуроков, Н.Н., Сыромятников, Г.С., Габышев, Н.А., Михайлова, М.Г.* История якутской литературы (середина XIX – начало XX века) [Текст] / Н.Н. Тобуроков, Г.С. Сыромятников, Н.А. Габышев, М.Г. Михайлова. – Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1993. – 195 с.

173. *Тобуроков, Н.Н.* Писатель корчагинской закалки [Текст] : О жизни и творчестве Яковлева С. С. – Эрилик Эристиина / Н.Н. Тобуроков. – Якутск : Кн. изд-во, 1979. – 151 с.

174. *Толстой, Л.Н.* Полное собрание сочинений в 90 т. [Текст] / Л.Н. Толстой. // Т. 32. – М., 1928 – 1958. – С. 190 – 195.

175. *Томашевский Б.В.* Теория литературы. Поэтика [Текст] : Учебное пособие / Б.В. Томашевский. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 334 с.

176. *Топоров, В.Н.* К архетипическому у Тургенева: сны, видения, мечтания [Текст] // Литературные архетипы и универсалии. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – С. 369-432.

177. *Топоров, В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического [Текст]: Избранное / В.Н. Топоров. – М. : Прогресс. Культура, 1995. – 621 с.

178. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино [Текст] / Ю.Н. Тынянов. – М. : Наука, 1977. – 176 с.

179. *Тюпа, В.И.* Анализ художественного текста [Текст] / В.И. Тюпа. - М.: Академия, 2006. – 336 с.

180. *Улугов А.* Грани современной узбекской повести [Текст] / А. Улугов. – Ташкент : Укитичви, 1991. – 135 с.

181. *Успенский, Б.А.* Поэтика композиции [Текст] / Б.А. Успенский. – М. : Искусство, 1970. – 224 с.

182. *Утехин, Н.П.* Жанры эпической прозы [Текст] / Н.П. Утехин. – Л. : Наука, 1982. – 185 с.

183. *Федоров, В.* Народный на родине [Текст]: К юбилею народного писателя / В. Федоров // Полярная звезда, 2008. – №5. – С. 53-57.

184. *Федоров, Е.В.* В мире художественного слова [Текст]: статьи / Е.В. Федоров. – Якутск : Якут. книжн. изд-во, 1979. – 120 с.

185. *Федоров, Е.В.* Концепция личности в тюркоязычной прозе Сибири [Текст] / Е.В. Федоров. – Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1992. – 184 с.

186. *Федоров, Е.В.* Якутская проза 1941-1955 гг. [Текст] / Е.В. Федоров. – Новосибирск : Наука, 1982. – 154 с.

187. *Федоров, Е.В.* Якутская проза довоенного периода [Текст] / Е.В. Федоров. – Новосибирск : Наука, 1982. – 136 с.

188. *Федотов, О.И.* Введение в литературоведение [Текст] : учебное пособие для студентов филологических факультетов вузов / О.И. Федотов. – М. : Академия, 1998. – 144 с.

189. *Федюкова, Н.Ф.* Концепция человека в русской литературе начала XX века [Текст] / Н.Ф. Федюкова. – Минск : Изд-во БГУ, 1982.

190. *Фесенко, Э.Я.* Художественная концепция личности в произведениях В.А. Каверина [Текст] / Э.Я. Фесенко. – М. : КомКнига, 2006. – 160 с.

191. *Хадаханэ, М.А.* Тувинская проза [Текст] / М.А. Хадаханэ. – Кызыл : Тув. кн. изд-во, 1968. – 131 с.

192. *Хализев, В.Е.* Теория литературы [Текст] / В.Е. Хализев. – М. : Высшая школа, 1999. – 400 с.

193. *Хализев, В.Е.* Эпос [Текст] / Под редакцией П.А. Николаева // Введение в языковедение. – М., 1999. – С. 507-511.

194. *Харитонов, П.Н.* 50 лет со дня рождения Николая Лугинова [Текст] / П.Н. Харитонов // Чолбон. – 2008. – №8. – С. 84-85.

195. *Харлампьева, Н.* Когда есть на кого оглянуться [Текст]: К юбилею народного писателя / Н. Харлампьева // Полярная звезда, 2008. – № 5. – С. 49-52.

196. *Храпченко, М.* Художественное творчество, действительность и человек [Текст] / М. Храпченко. – М. : Советский писатель, 1982. – 410 с.

197. *Цилевич, Л.М.* Об аспектах исследования сюжета [Текст] / Л.М. Цилевич // Вопросы сюжетосложения. Сб. статей, 5. – Рига : Звайгзне, 1978. – С. 6.

198. *Чаптыкова, Ю.Н.* Фольклорно-поэтические истоки прозы И. Костякова [Текст] / Ю.Н. Чаптыкова. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. – Улан-Удэ : БГУ, 2011. – 25 с.

199. Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения [Текст] / Редкол.: И.Т.Фролов и др.; Сост. П.С. Гуревич. – М. : Политиздат,1991. – 463 с.

200. *Чернейко,* Л.О. Способы представления пространства и времени в художественном тексте [Текст] / Л.О. Чернейко // Филологические науки. – 1994. – № 2.

201. *Чернец, Л.В.* Литературные жанры [Текст] : (Проблема типологии и поэтики) / Л.В. Чернец. – М. : МГУ, 1982. – 192 с.

202. *Чехов,* А.П. Рассказы [Текст] / А.П. Чехов. – М. : Худ. лит., 1951. – 480 с.

203. *Шагиев, Р. В*. Концепция героя в современной башкирской прозе [Текст] / Р.В. Шагиев. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. – Уфа : СГПУ, 1999. – 21 с.

204. *Шаззо, К.Г.* Главная мера – человек [Текст] / К.Г. Шаззо. – М. : Наука, 1974. – 115 с.

205. *Шкловский, В.Б.* О теории прозы [Текст] / В.Б. Шкловский. – М. : Советский писатель, 1983. – 383 с.

206. *Штут, С.М.* Каков ты, Человек. Героическое в советской литературе [Текст] / С.М. Штут. – М. : Советский писатель, 1964. – 590 с.

207. Энциклопедия Ума, или Словарь избранных мыслей авторов всех народов и веков [Текст] / Сост. и перев. Н. Макарова. – М. : Терра, 1998. – 624 с.

208. *Эсалнек, А.Я.* Архетип [Текст] / А.Я. Эсалнек // Введение в литературоведение. – М. : Высшая школа, 2000. – С. 30-37.

209. *Эсалнек, А.Я.* Введение в литературоведение [Текст]: Лекции по курсу / Под ред. проф. Г.Н. Поспелова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 104 с.

210. *Эсалнек, А.Я.* Внутрижанровая типология и пути ее изучения [Текст] / А.Я. Эсалнек. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 184 с.

211. *Эсалнек, А.Я.* Типология романа (теоретический и историко-литературный аспекты) [Текст] / А.Я. Эсалнек. – М. : МГУ, 1991. – 158 с.

212. *Эсалнек, А.Я.* Основы литературоведения. Анализ художественного произведения [Текст]: Практикум / А.Я. Эсалнек. – М. : Флинта: Наука, 2003. – 213 с.

213. *Юнг, К.Г.* О психологии бессознательного [Текст]: Собрание сочинений / К.Г. Юнг. // Психология бессознательного. – М. : Политиздат, 1991.

214. *Якимова, Л.П.* Герой как личность в современной повести Сибири и некоторые вопросы ее жанровой модификации [Текст] / Л.П. Якимова // Развитие повествовательных жанров в литературе Сибири. – Новосибирск : Наука, 1980. – С. 191-223.

215. Якутская советская литература и искусство [Текст]: Сборник статей. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1964. – 259 с.

Приложение

Таблица 1

Компоненты социально-психологических повестей

Повесть	Тема	Система героев	Тип сюжета	Тип повествования
«На Сергеляхе»	Студенчество: дружба, любовь	Молодежь: пятеро друзей	Хронологический, параллельные линии судеб	Монологичность многоголосие
«Роща Нуоралджыма»	Тема Дома, родного аласа. Мир детства.	Представители трех поколений. Бабушка – сын – внук	Циклический	Рассказ от третьего лица
«Поединок»	Тема спорта. Связь поколений.	Тренер и спортсмен	Концентрический	Субъективное, монологичность
«Танец»	Тема Дома. Проблема отцов и детей.	ПРедставители трех поколений.Бабушка – сын – внучка	Хронологический	Субъективное, монологичность
«Улыбка старика»	Тема Дома. Проблема отцов и детей.	Представители трех поколений.Старик – сын – внук	Хронологический	Субъективное, монологичность
«Паводок листопада»	Тема Дома, родного края.	Представители трех поколений.Старик – среднее поколение – подросток	Хронологический, концентрический	Объективное
«Дом над речкой»	Тема Дома. Возвращение к истокам.	Представители трех поколений.Макар – сын – внук	Хронологический, ретроспекции, параллельные линии судеб. Мотив испытания.	Субъективное, монологичность
«Таас Тумус»	Тема Дома. Проблема бытия и смерти.	Тойбол Михей Одон. Представители трех поколений.Тойбол – дочь – внук.	Хронологический, параллельные линии сюжета, ретроспеции. Кумулятивный сюжет. Мотив испытания.	Субъективное, многоголосие

Таблица 2

Компоненты философских повестей

Повесть	Тема	Герои	Сюжет	Повествование
«Кустук»	Тема свободы. Любовь к родине.	Кустук – борец за свободу. Собаки и хозяин.	Хронологический, временные инверсии. Мотив испытания.	Субъективное, монологичность.
«Ворон»	Тема выживания, жизни и смерти. Человек и Природа.	Ворон – наблюдатель. Старик – сын – внук.	Циклический.	Субъективное, монологичность.
«Сэргэ»	Тема защиты традиций национальной жизни. Тема Дома.	Сэргэ – наблюдатель. Сидор – сыновья – внуки.	Хронологический, временные инверсии.	Субъективное, монологичность.

Таблица 3

Архетипы

Социально-психологические повести	Философские повести
Герои произведения. Старики. Мужчины. Ребенок. Мать.	**Герои произведения.** Сэргэ, Ворон, Собака**.**
Национальные образы мира. Алас, сэргэ, река.	**Национальные образы мира.** Сэргэ, алас, конь, лодка.
Образы сакрального мира. Иччи. Небо. Река.	**Образы сакрального мира.** Древо мира. Белый цвет. Иччи.
Типологические схождения с образами мировой литературы. Старец. Мужчина. Мать. Дитя. Дом, Порог, Дорога. Река, гора.	**Типологические схождения с образами мировой литературы.** Старец. Ворон. Дом, Порог, Дорога. Древо мира.

Таблица 4

Система образов. Типы двойничества

Образы	Близнецы	Бинарные оппозиции
Кустук	Ордахов	Байбал, Волк, Охоноон
Собаки	Байбал	Кустук
Ворон	Старики	Люди из-за реки
Сэргэ	Тойбол, старики	Тыал, временщики
Тыал	Михей, Ситуха, Макар	Сэргэ, старики
Мужчина	Иччи (хозяин), Тойбол	Иччитэх (пустота)
Внук Сылкана	Олененок Кыылчаан	Сын Сылкана
Дед Сылкан	Внук	Сын
Тойбол	Бабушка Нюргуна, Ворон, Сэргэ	Люди с рарохода, из-за реки
Макар	Михей, Ветер	Дом
Анна	Сэргэ	Сын
Дом	Алас, Сэргэ	Временщики
Иччи	Душа, Хозяин, Кустук	Пустота
Река	Пароход, Михей	Берег, гора, небо, Тойбол, Ексю
Зима	-	Лето

Таблица 5

Образы-символы

Образы	Олицетворение
Кустук	Одиночество, стремление к свободе
Ворон	Наблюдатель, мудрец
Сэргэ	Родной дом
Сэргэ	Человек
Дом	Личное пространство человека, сохранение традиций, ценностей
Цепь	Несвобода человека
Цепь	Несвобода угнетающего
Волк	Исключенность из социума, одиночество, злость
Алас	Родина
Стерх	Счастье, красота
Иччи	Душа, внутренне пространство человека, Хозяин
Имена героев Макар Находкин	Сирота, найденыш, сам себя обретший

Нюргун	Богатырь, защитник
Анахов	Человек без собственного мнения
Ордахов	Несдающийся человек
Названия произведений «На Сергеляхе»	Молодость, студенчество
«Роща Нуоралджыма»	Родной алас, родина
«Дом над речкой»	Личное пространство, родной очаг
«Таас Тумус»	Родина, гора
«Высокие острова»	Одиночество, отгороженность от мира, защита личного пространства

Хронотоп повестей

Таблица 6

Время в социально-психологических повестях

Повесть	**Конкретное время**	**Образы**
«На Сергеляхе»	Студенческие года, работа: два пятилетия. Современная жизнь (1970-ые гг.).	Сергелях, студенчество, две пятилетки.
«Роща Нуоралджыма»	Послевоенное лето.	Лето
«Поединок»	Пять дней: 15 июля, 10 часов 43 мин. – 19 июля, 4 ч. 12 мин. Испытания: годы войны. Современная жизнь (1970-ые гг.).	Часы, минуты
«Танец»	Современная жизнь (1970ые гг.).	Биография героя
«Улыбка старика»	Каникулы в тундре, лето. Современная жизнь (1970-ые годы).	Лето
«Паводок листопада»	Лето, сенокос. Современная жизнь (1970-ые гг.)	Лето
«Дом над речкой»	Жизнь человека. Испытания: война, послевоенные годы, современная жизнь.	Судьба человека
«Таас Тумус»	Жизнь человека. Испытания: война, современная жизнь.	Судьба человека, река, гора: быстротечность и вечность
«Высокие острова»	Жизнь человека. Испытания: война, репрессии, современная жизнь.	Судьба человека

Таблица 7

Время в философских повестях

Повесть	Абстрактное, сакральное время	Образы
«Кустук»	Циклическое, вечное	Зима
«Ворон»	Циклическое, соотнесенное с жизнью современного общества	Зима
«Сэргэ»	Циклическое, соотнесенное с жизнью народа	Зима, смена времен года

Таблица 8

Пространство в социально-психологических повестях

Повесть	Географические топосы	Образы
«На Сергеляхе»	Сергелях, г. Якутск	Сергелях
«Роща Нуоралджыма»	Алас Нуоралджыма	Алас, природа
«Поединок»	Г.София, Болгария, с.Чурапча, кобяйская земля	Арена
«Танец»	Г. Якутск	Театр
«Улыбка старика»	Тундра	Природа Дом – Порог – Дорога
«Паводок листопада»	Сенокосные угодья, природа	Природа Дом – Порог – Дорога
«Таас Тумус»	Таас Тумус, р. Лена, тайга	Природа, гора, река Дом – Порог – Дорога
«Дом над речкой»	Тайга, города России, Якутии	Дом – Порог – Дорога
«Высокие острова»	Намская земля, остров на р. Лена	Дом – Порог – остров

Таблица 9

Пространство в философских повестях

Повесть	Сакральное пространство	Образы
«Кустук»	Тундра. Тайга.	Белая бесконечность. Пустота (Кустук (собака) без иччи (без хозяина) Человек без иччи (без души). Дом – Порог – Дорога.

«Ворон»	Природа.	Тайга, овраги, река. Пустота (природа без хозяина). Природа (как Дом) – Река (как Порог).
«Сэргэ»	Орто Сурт.	Алас – как срединная земля предков. Пустота (земля, алас-родина без хозяина). Дом – Порог – Дорога.

Научное издание

Окорокова Варвара Борисовна, Пермякова Туйара Николаевна

ЧЕЛОВЕК И МИР В ПОВЕСТЯХ Н. ЛУГИНОВА

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка *Е.М. Степанова*
Оформление обложки *П.И. Антипин*

Подписано в печать 24.09.13. Формат 60x84/16. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Печ.л. 10,3. Уч.-изд.л. 12,8. Тираж 100 экз. Заказ 305.

Издательский дом Северо-Восточного федерального университета
677891, г. Якутск, ул. Петровского, 5

Отпечатано в типографии ИД СВФУ